

Артём Белоусов

Алтарь

Действие «Алтаря» разворачивается в недалеком будущем и рассказывает о приключениях девушки по имени Элли и ее компаньона с искусственным интеллектом Ластика, летающего светящегося шара. С помощью передовых технологий межзвездной телепортации они отправляются на далекую планету под названием Корара.

Несмотря на яркий детский сюжет, «Алтарь» затрагивает глубокие темы религии, смерти, и поиска смысла жизни. А также дает свежий взгляд на актуальную на данный момент тему развития технологий ИИ.

В этом захватывающем повествовании читатели всех возрастов оценят беззаботный подход к важным современным проблемам, представленный в захватывающем стиле японского аниме.

1. Элли

Имя: Элли

Фамилия: Матсумото

Возраст: 18

Почему мы должны выбрать именно Вас?:

«В детстве я мечтала о приключениях. Я хотела выжить на необитаемом острове, как Робинзон Крузо, путешествовать с сумасшедшим профессором к центру земли, как писал Жюль Верн, как капитан Джек Воробей грабить золотые галеоны и сражаться с проклятыми дьяволами, отправляя их напрямик обратно в преисподнюю. Однако, когда я подросла, я вдруг узнала, что пираты, оказывается, были все пойманы британцами, что необитаемых островов не осталось, а человеческое участие в какой-либо экспедиции уже просто смешно. Зачем? Есть же роботы! От меня бы даже не потребовалось кнопочки на пульте управления нажимать. Моя последняя надежда — армия, стала лишь очередным разочарованием. Нет романтики в том, чтобы разлететься на кусочки от термобарического боеприпаса, выпущенного гаубицей за 10 километров от тебя, или быть застреленной из автоматической турели, не успев даже поднять автомат. Эти чертовы машины просто не оставили мне выбора! В мире не осталось места для личного подвига. Даже после этой вашей межзвёздной телепортации я всегда буду чувствовать себя как будто в ходунках под присмотром ИИ-воспитателя. Но всё же, я думаю, что это одно из последних настоящих приключений, в которых нам посчастливилось принять участие. Его могло и не случиться, если бы только не наша глупость и страх перед машинами. Но мне плевать. Я лишь хочу быть героем этого последнего приключения чело вечества.»[1]

— Проклятие! — Элли только сейчас обратила внимание на ограничение по длине под текстовым окном:

(Максимум 1000 знаков)

Элли разочарованно захлопнула крышку ноутбука и сделала полный оборот в кресле. За окном уже рассвело и всюду пели птички. Яркие лучи солнца падали из окна прямо на стол и уже подбирались выше, к воспалённым после бессонной ночи глазам Элли.

— Убедись, чтобы ничего не пропало, — отдала она указание, смотря мечтательно в потолок. — Вечером доделаю.

Откуда-то из-за плеча медленно всплыл светящийся шар размером с кулак. Он медленно пульсировал голубым светом. К шару были прикреплены два крошечных чёрных шарика, которые, по-видимому, выполняли функции глаз. Они свободно двигались по периферии шара, разглядывая все вокруг. Не было слышно никаких звуков, которые бы напоминали жужжание двигателей пропеллеров. Он просто парил в воздухе.

— Во всех формах вебсайта Объединённого Совета реализована функция автосохранения текста, так что ты можешь продолжить откуда начала в следующий раз. Но на всякий случай я всё же сохранил текст в буфер, — проговорил шар мягким мужским голосом.

Элли встала из-за стола, сладко потянулась и громко зевнула. Она взглянула на окно, прищурившись от яркого света, а затем нагнулась через стол чтобы приоткрыть створку окна. Свежий воздух напоенный сладким весенним запахом цветов ворвался в комнату. Только сейчас она поняла каким спёртым был воздух в комнате.

— Идём-ка скатаемся за картриджами, — сказала Элли.

— Я могу заказать доставку на дом, чтобы не пришлось никуда ходить, — услужливо предложил шар.

— Конечно, конечно, — ухмыльнулась Элли. — Твоя бы воля, так запер бы меня в этой капсуле с кабелем в жопе.

Элли схватила теннисную ракетку, лежавшую на тумбочке, и с веселой улыбкой ударила шар. Шар отлетел к стене и отскочил как резиновый мячик.

— Вот тебе, а не Матрица, — хохотала Элли.

Она попыталась ударить его еще раз, пользуясь тем, что шар по инерции летел в её сторону. Но шар в последний момент напряг все свои невидимые двигатели и увернулся. Он всплыл к самому потолку и недовольно земерцал зелёным светом.

— Мой новый корпус действительно выполнен из ударопрочного материала, но это сделано для предотвращения поломок при непреднамеренных столкновениях, а не для игры мной в теннис, — недовольно, но терпеливо заурчал шар. — При неудачном ударе моё внутреннее устройство может быть повреждено.

Элли попыталась еще пару раз дотянуться до него ракеткой, но он ловко уворачивался. Она вздохнула и разочарованно бросила ракетку на пол.

— Ладно, я в душ, — проговорила она и схватила полотенце со спинки стула. — Приготовь пока пять-шесть сырых грецких орехов в скорлупе.

Элли вышла из комнаты по направлению к душе. Шар нерешительно спустился с потолка и поменял цвет на синий.

— Хм... Пять или шесть? — пробормотал шар и поплыл не спеша на кухню, так и не решившись уточнить.

На кухне что-то негромко зажужжало. Шар медленно вплыл обратно в комнату. Элли уже вышла из душа, обернутая в полотенце, а другим полотенцем яростно тёрла волосы. Неожиданно она остановилась, и взглянула на шар, покорно висящий в воздухе. Он светился голубым и преданно смотрел на Элли, ожидая очередных указаний.

— Отвернись, извращенец, — строго проговорила она.

Шар покраснел. Его черные шарики-глазки разъехались в разные стороны и скрылись позади.

— Ты же знаешь, что у меня нет гендера, и твоё тело меня может интересовать только лишь с медицинской точки зрения, — поспешил оправдаться шар. — Я могу изменить конфигурацию на женский голос, если тебе будет так комфортнее.

Последнюю фразу он сказал уже женским голосом. Но не успел он этого договорить, как получил мощный шлепок мокрым полотенцем. Предвидеть он этого никак не мог, так как его глазки по-джентльменски честно смотрели в другую сторону. Он отлетел к углу и пару раз отскочил от стен.

— Мне мальчики больше нравятся, ластикоголовый, — звонко засмеялась Элли.

Шар стал пурпурным:

— Я категорически не рекомендую применять ко мне никакого физического воздействия, так как это может негативно сказаться на моей работоспособности.

Но Элли уже не слушала его недовольное ворчание и, погруженная в свои мысли, натягивала штаны и рубашку. Пошарив на столе, она нашла наушники и вставила их себе в уши. Теперь шар бубнил уже в наушниках.

Она прошла на кухню и приблизилась к какому-то необычному кухонному прибору. Он

выглядел как микроволновая печь, но был намного больше по размеру, и дверца открывалась кверху. Элли откинула дверцу, извлекла пять грецких орехов и сунула их себе в карман штанов. Шар сделал замечание, что Элли забыла закрыть дверцу, но Элли его не слушала. Она уже стояла у дверей и натягивала туфли. Рядом с дверью она нашарила в темноте защитные очки и надела их. Очки не только защищали от солнца и мошкары, но еще позволяли шару при необходимости выводить информацию прямо на линзы. От контактных линз у Элли слезились глаза.

На крыльце она остановилась на минутку и зажмурилась, вдыхая воздух полной грудью. Её домик был крошечным, но уютным. Он весь утопал в зелени и цветах. Ветки деревьев почти касались крыши. От дома падала тень на маленький дворик, весь устланный ковром из голубых фиалок. Элли повернулась к красным цветам какого-то выющегося растения, растущего слева от двери, и с наслаждением вдохнула их аромат. Чуть поодаль в кустах валялся велосипед. Из этих же кустов Элли выудила велосипедный шлем и напялила себе на голову. Она вывела велосипед на дорожку, забралась в седло и покатила в путь.

— Ластик? — тревожно проговорила Элли. — Я же не заперла тебя опять в доме?

— Я тут, — сказал шар и поравнялся с Элли.

— Давай съездим в тот новый дальний магазин.

— Хорошо, — ответил Ластик и слегка обогнал Элли, чтобы показывать дорогу.

Дорожка пролежала через весенний лес. Все вокруг жужжало, ворковало и дурманяще пахло. Лучи восходящего солнца пробивались сквозь кроны деревьев.

— Я всё думаю, что мне такого написать, чтобы меня взяли, — задумчиво проговорила Элли.

— Очень важно представить себя уверенно и подчеркнуть свои уникальные качества, навыки и опыт, — участливо проговорил Ластик.

— Может быть, ты за меня напишешь? — с надеждой сказала Элли. — Я обещаю, что возьму тебя с собой.

— Я, конечно, могу это сделать, но это будет нечестно, — ответил Ластик.

— Я всё понять не могу, почему они хотят отправить обычного человека на этот Корда... как его там? — поморщилась Элли.

— Корара, — подсказал Ластик.

— Почему они не отправят на эту Корару кого-то вроде тебя? — спросила Элли.

— На мой взгляд, это было бы самым оптимальным и безопасным решением. Но, как ты знаешь, общественное напряжение, связанное с повсеместным проникновением технологий искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности человека, не оставляют выбора Объединённому Совету. В первом в мире межзвёздном путешествии обязательно должен участвовать человек.

— Но почему обычный человек? — не унималась Элли. — Почему не профессиональный астронавт с огромной бицухой? Что, если там что-то пойдет не так? Я вот, например, ни черта в этой телепортации не смыслю.

— Данный шаг, по мнению Совета, может привлечь больше внимания и симпатии к проекту со стороны сообщества, — ответил Ластик. — К тому же это не полет на Луну на сложной ракете. Тебя просто почти в одно мгновение перенесет туда и всё.

— Но прежде чем отправлять людей, они, надеюсь, проверят, пригодна ли планета для жизни? — продолжала беспокоиться Элли.

— Конечно, — подтвердил Ластик. — Вначале они собираются отправить маяк,

который позволит производить последующие прыжки без затрат огромных ресурсов и вычислительных мощностей для расчёта параметров перемещения. А вслед за ним будет отправлен зонд, который соберёт необходимую информацию. Согласно нашим математическим моделям, на Кораре есть пригодный для человека воздух.

— Стоять! — Элли резко затормозила у поляны.

На стволе толстого дерева резвилась стайка серых белок. Завидев Элли, они замерли и уставились на гостя. Часть белок сразу же застенчиво спряталась за ствол и стала подсматривать одним глазом за происходящим, а те, что посмелее, спустились поближе к земле, готовясь ловить угощения. Но Элли не собиралась кидать им приготовленные орешки. Она села на корточки и вытянула руку с одним орехом в ладошке.

— Ну, идите сюда, пушистые жопки, — с улыбкой проговорила Элли.

Две белочки сначала было кинулись к Элли, но потом одумались и недоверчиво остановились на безопасном расстоянии. Одна тут же передумала и упрыгала обратно на дерево, чтобы наблюдать на дистанции. Другая встала на задние лапки, передние сложила на груди и начала беспокойно втягивать воздух.

— Ну вот, сейчас начнет выкруживать, — разочарованно вздохнула Элли. — Что ты замолчал? Расскажи про Корару.

Ластик медленно подплыл к Элли, стараясь не испугать приманиваемую белку.

— Корара — это экзопланета в двойной системе, — начал свой рассказ Ластик. — Она находится далеко от нас, на расстоянии в 7 тысяч световых лет в созвездии Кентавра. Тем не менее, мы находимся с ней в одной галактике — Млечный Путь.

Белочка действительно начала выкруживать вокруг Элли, не решаясь подойти и схватить орех. Она уходила то вправо, то влево, избегая находиться на линии возможного броска Элли. После каждого такого стратегического шага, она вставала на задние лапки и напрягала все свои чувства, пытаясь разгадать коварный план непрошенного гостя. Элли старалась не двигаться и даже не дышать.

— Это очень удивительная планета, — продолжал Ластик. — По всем законам логики её не должно было существовать. Она вращается вокруг голубой звёзды Амира, которая в два раз тяжелее и ярче Солнца. Голубые звёзды очень редки в нашей Галактике из-за того, что они довольно быстро и ярко сгорают. Живут они максимум 100 миллионов лет. Для сравнения, нашему Солнцу и Земле около 5 миллиардов лет. Но это ещё не всё. Вторым участником этой двойной системы является пульсар. Пульсары, по сути, являются умершими звёздами. Когда звезда умирает, она взрывается сверхновой и превращается либо в чёрную дыру, либо в нейтронную звезду. Пульсар — это нейтронная звезда, которая очень быстро вращается вокруг своей оси и оттого пульсирует. Он излучает настолько мощную радиацию, что может просто сдуть атмосферу такой планеты, как Земля. На наше счастье, наш Пульсар находится достаточно далеко от Корары, и, кроме этого, его полюса обращены в сторону от планеты.

У Элли уже затекли ноги сидеть на корточках и ждать пока эта трусливая белка уже наконец-то решится покушать у неё с рук. Потеряв терпение, она кинула орешек в её сторону. Та сначала отпрыгнула, а потом кинулась искать орех в траве. Остальные белки на дереве засуетились, обеспокоенные, что им угощения может не достаться. Элли выпрямилась, выудила из штанов остальные орехи и кинула их к основанию дерева.

— Ладно, так лопайте, — махнула она рукой и направилась к велосипеду. — То есть Корара болтается вокруг Амиры, а Пульсар вокруг их обоих?

— Болтается шлем у тебя на затылке, — съязвил Ластик и самодовольно сделался лиловым. — А объекты двойной системы вращаются вокруг своего общего центра массы.

Элли попыталась стукнуть Ластика за выпендрёж, но он, так же светясь лиловым, проворно увернулся. Она поправила шлем, натянув его пониже на лоб, как полагается, и затянула потуже лямки.

— Учитывая, что Пульсар имеет чуть меньшую массу, чем Амира, то они попросту кружат вокруг точки, которая разделяет расстояние между ними пополам, — продолжил Ластик, когда Элли вновь начала крутить педали. — Расстояние между ними равно примерно расстоянию между Солнцем и Плутоном. Корара вращается вокруг Амиры, а Амира и Пульсар вращаются вокруг той точки.

Ластик вывел на линзы очков Элли сгенерированную на скорую руку анимацию, которая наглядно показывала движение этих трёх космических объектов. Элли с интересом разглядывала анимацию, не забывая следить за дорогой.

— Корара слегка легче Земли, так что разница в гравитации для человека будет практически незаметной, — продолжал Ластик. — Но что самое главное, согласно нашим математическим моделям, там должна быть атмосфера пригодная для дыхания. То есть носить скафандр там не будет необходимости.

Они подъехали к магазину. Магазин представлял собой небольшое белое здание с прозрачным фасадом, сквозь который можно было разглядеть ярко-жёлтые стены интерьера и белоснежные аккуратные полки. Это место напоминало небольшие магазины возле автозаправок. Здание было окружено зеленью, а перед входом аккуратно уложен спрессованный гравий. Элли прислонила велосипед к стене у входа и зашла в внутрь. В это раннее утро здесь никого не было. Она взяла корзину и направилась к полкам с картриджами. Коробки с картриджами украшали яркие рекламные изображения с популярными брендами. Элли медленно перемещалась между стеллажами, изредка беря упаковки, чтобы внимательнее изучить их.

— А что там с этой телепортацией? — спросила Элли. — Сколько я себя помню, вы носите с ней, как курица с яйцом. Но как телепортироваться из дома прямо в магазин, вы до сих не придумали.

— Действительно, бурное развитие технологий искусственного интеллекта привело к удивительным открытиям в фундаментальных науках за относительно короткий период времени, — слегка оскорбился Ластик и засветился розовым. — Многие даже со страхом заговорили о технологической сингулярности, когда развитие технологий превращается в цепную реакцию циклов самосовершенствования. Новая технология способствует открытию ещё более новой и совершенной. Однако чем больше тайн Вселенной открывается перед нами, тем меньше мы её понимаем. «Я знаю, что ничего не знаю.» Это как в РПГ играх каждый раз, когда ты повышаешь уровень своего героя, наряжаешь его в непробиваемую броню и вооружаешь мощным оружием, монстры не уступают тебе ни на йоту и становятся только сильнее... О! — Ластик стал жёлтого цвета и медленно всплыл над полками, ища глазками Элли в проходах. — Я нашёл твои любимые бургеры с грибами.

Элли положила на место коробку, которую держала в руках, и решительно двинулась к заветным бургерам, ориентируясь на Ластика. Она приблизилась к полке и, не долго думая, смела все упаковки разом к себе в корзину.

— А как же другие? — начал её стыдить Ластик, меняя цвет на оранжевый. — Эти картриджи редко бывают в наличии.

— Каждому по потребностям, — ответила Элли, направляясь к выходу. — Я растущий организм. Мой режим питания нарушать нельзя!

Выйдя на улицу, она открыла сумки, притороченные к багажнику велосипеда, и переложила туда из корзины упаковки, украшенные аппетитными принтами сочных бургеров с вываливающейся прослойкой жаренных грибов в сливочном соусе. Застегнув сумки, она оставила корзину рядом со входом и села в седло. Ластик вернулся к своему привычному голубому цвету и медленно поплыл вслед за Элли.

— Строго говоря, это не совсем телепортация, — продолжал Ластик. — Это новая технология позволит нам преодолевать огромные расстояния практически мгновенно через пространство высших измерений. Как ты знаешь, все частицы и силы в нашей Вселенной представляют собой струны, которые вибрируют с особой частотой. От этой частоты зависит какая у частицы будет суперспособность. Одна частота — и струна превращается в электрон, другая — и она уже становится частицей света, фотоном.

— Стоять! — скомандовала Элли и резко затормозила, так что шины велосипеда взвили облако пыли с дорожки.

— Опять белки? — обеспокоенно спросил Ластик и побледнел. — Но я только распечатал пять орехов.

— Зов природы, — успокоила его Элли.

Она бросила велосипед прямо на дорожке и углубилась по глубже в кусты. Ластик остался сторожить велосипед.

— Ну так вот, — продолжал Ластик, переливаясь голубым. — Мы все и вся наша Вселенная состоит из этих частиц, которые по сути являются вибрирующими струнами. Эти струны в свою очередь вплетены в одну огромную мембрану, которую мы называем браной. Эта самая брана плавает в другом пространстве в высшем измерении. Это пространство называется балк.

Элли вылезла из-за кустов, забралась обратно в седло и покатила дальше.

— Если выбраться из нашей браны в балк, то можно срезать углы? — догадалась Элли.

— Так точно, — подтвердил Ластик. — Но это очень сложно. Отправлять туда и обратно элементарные частицы мы научились уже давно, но передача более крупной материи, не говоря уже о человеке, вызвала трудности. Наши знания о балке даже сейчас очень ограничены. Проблема в том, что балк существует в 11 измерениях. Топология нашей браны в нём невероятно сложная.

— То есть легко заблудиться? — предположила Элли.

— Вроде того, — подтвердил Ластик.

— Но как же тогда они собираются отправить человека на Корау? — спросила Элли.

— Пульсар! — произнес лиловый Ластик. — Как я уже говорил, пульсар это очень компактная нейтронная звезда. Чтобы понять на сколько он плотный, представь, что Солнце сожмут до шара диаметром всего в 20 километров. Настолько он плотный. Концентрация такой массы в относительно малом объеме приводит к сфокусированному искривлению пространства и времени. В балке такие искажения на бране ярко выражены и относительно легко распознаваемые.

— То есть вы хотите использовать Пульсар в качестве маяка для ориентирования по бране?

— Что-то вроде того, — подтвердил Ластик. — Но Пульсар нам понадобится только один раз для установления квантового моста между планетами. Использование небесных тел

ненадежно и требует больших вычислительных мощностей. Небольшое возмущение в гравитации Пульсара и модели окажутся бесполезными для прыжка.

— Что за квантовый мост? — спросила Элли.

— Пульсар нам необходим для заброски на Корару маяка с контейнером, содержащим запутанные частицы, — продолжил объяснять Ластик. — Расскажу тебе с самого начала. Сначала мы берём две частицы и запутываем их между собой. То есть делаем так, чтобы состояние одной частицы стало зависимой от состояния другой. Между частицами устанавливается так называемый квантовый туннель, который сохраняется на расстоянии. Одна частица остается на Земле, а другая отправляется на Корару через балк, ориентируясь на Пульсар. Частица возвращается в брану рядом с Пульсаром и по инерции продолжает двигаться в направлении Корары. Мы аналитически вычисляем, через какое время она должна достигнуть поверхности планеты, и в нужный момент закидываем туда маяк тем же способом, но уже ориентируясь на эту запутанную частицу. Когда маяк с контейнером будет на планете, мы сможем спокойно перемещать туда зонды и людей, не полагаясь на небесные тела, и без всех этих сложностей с подгадыванием удобного момента.

— Хм, — задумалась Элли. — Похоже на то, как строят висячий мост над пропастью. Сначала закидывают на противоположную сторону верёвку с крюком, цепляясь за подходящее дерево, а затем какой-нибудь смельчак перебирается на другую сторону и помогает на другом конце построить полноценный мост, чтобы люди безопасно могли ходить туда и обратно. Пульсар — это то самое подходящее дерево. Верёвка с крюком — те две запутанные частицы. А маяк — уже полноценный мост.

— Я бы лучше и не придумал, — Ластик заблестел золотом.

Они уже подъезжали к дому. Элли перекидала картриджи из велосипедных сумок в пакет, который она взяла со скамейке у дома, и бросила велосипед со шлемом в кустах. В прихожей она сняла с себя очки и обувь.

— Сделай-ка мне сочного бургера, — скомандовала Элли. — И чайник не забудь поставить.

— Как только заправишь новые картриджи, — ответил Ластик. — У меня рук, к сожалению, нету.

Элли зашла на кухню и подошла к принтеру. Дверца так и осталась открытой с прошлого раза. Она выудила картридж из коробки с рисунком бургера и вставила куда-то в щель с боку принтера. Принтер зажжужжал, переваривая новый картридж.

— Запусти, когда будет готово, — сказала Элли.

— Без проблем, — ответил Ластик.

Элли устало повалилась на диван и мечтательно уставилась в потолок.

— Значит, на Кораре живут инопланетяне? — спросила Элли.

— Наврядли, — ответил Ластик, не отходя от принтера. — Возраст Амиры, голубой звезды, очень молодой. Маловероятно, что там успела бы сформироваться жизнь за столь короткий промежуток времени. Если только какая-то совсем примитивная форма.

— Стоп, — удивилась Элли. — Почему же тогда на сайте Совета упоминаются внеземные цивилизации? Я думала, что они отправляют земного представителя на Корару для встречи с новой расой. Разве не так?

— Ты не совсем правильно поняла, — ответил Ластик, пульсируя голубым.

Принтер выдал сообщение о готовности, и Ластик запустил его на печать бургера для Элли. Теперь он со спокойной душой подлетел поближе к дивану.

— Это они имели ввиду парадокс Ферми, — продолжил он. — Во Вселенной существует такое огромное количество звёзд и планет, что представляется абсолютно невероятным, что мы одиноки. Возникает закономерный вопрос: где же тогда все? Почему инопланетные расы не выходят с нами на связь? Можно, конечно, предположить, что мы были первыми. Однако возраст Вселенной почти в три раза больше возраста Солнца и Земли. Первые звезды начали образовываться уже через 200 миллионов лет после появления Вселенной. Неужели преимущества в добрый десяток миллиардов лет было недостаточным для появления других рас? В этом и заключается парадокс.

— Причём же тут Корара тогда? — спросила озадаченная Элли.

— Есть много гипотез, объясняющих парадокс Ферми, — начал Ластик. — Одной из самых популярных на данный момент является гипотеза зоопарка.

— Зоопарка? — хмыкнула Элли.

Заслышав сигнал готовности бургера, она вскочила с дивана и подошла к принтеру. Под крышкой дымился ароматный бургер, в точности как с рекламной картинки на упаковке. Она аккуратно извлекла его и переложила в тарелку. Рядом уже вовсю бурлил чайник. Она достала кружку с полки, кинула туда пакетик чёрного чая с бергамотом и пару кубиков сахара, а затем залила кипятком из чайника. Пошарив в холодильнике, она вытащила коробку с молоком и плеснула его в кружку. Взяв кружку и тарелку с бургером в обе руки, Элли уселась за стол.

— Да, зоопарка, — подтвердил Ластик. — Ещё в тридцатых годах двадцатого века Циолковский писал об этом. Высокоразвитые цивилизации не контактируют с нами, потому что мы еще не достигли определенного порога технологического развития.

— То есть инопланетяне следят за нами с неба и ждут, когда мы изобретем ту самую технологию? — с набитым ртом спросила Элли.

— Необязательно, — ответил Ластик. — Скорее всего они даже не подозревают о нашем существовании.

— Как же они тогда узнают, когда мы достигнем порога? — не унималась Элли, запивая очередной кусок бургера обжигающе-горячим сладким чаем.

— Если бы я был инопланетянином, то я бы изобрёл некий автоматический детектор, который бы регистрировал необычные возмущения в пространстве-времени, бране или балке, — ответил Ластик. — Я бы настроил его на определенный порог, выше которого можно было бы с уверенностью предположить, что очередная цивилизация наконец-то достигла достаточного уровня для первого контакта.

— И вы думаете, что прыжок на Корару вызовет срабатывание этого детектора? — спросила Элли, доедая последний кусок.

— Может быть, конечно, нескромно со стороны землян делать подобные предположения, но технология межзвездного перемещения через балк действительно очень продвинута, — начал оправдываться Ластик, делаясь розовым.

Элли допила чай и пошла опять на диван. Она легла и сладко потянулась. Бессонная ночь начала сказываться. Уже почти засыпая, она вытянула из под себя плед и укуталась как смогла.

— Иди ко мне, — протянула она руку к Ластик.

Ластик подлетел к Элли и приземлился рядом. Она прижала его себе к груди и укрыла пледом, чтобы он не мёрз. Хотя как он мог замёрзнуть? Он же был ненастоящим. Ластик перестал светиться, чтобы не мешать Элли спать, и затих.

[2]

2. Базилик

Элли уже третий день не вылазила с огорода. Она давно уже пыталась вырастить полную коллекцию ароматных трав у себя на грядке под окном для своих кулинарных экспериментов, но это было не так уж и просто. Всякая мята и чабрец росли как сорняки и почти не требовали ухода, но, к примеру, проклятый базилик был совсем уж капризным и привередливым: то сгорит от солнца, то сгниет от воды. Да ещё как на грех оказалось, что это однолетнее растение. Надежды на то, что вялый кустик базилика, посаженный в прошлом году, оживёт этой весной, рассыпались прахом.

Ластик тем временем, как обычно, парил в центре спальни и медленно пульсировал лавандовым цветом. Когда он так делал, это значило, что он выделяет вычислительные ресурсы своей системы учёным Совета на их научные нужды. Совету требовалось проделывать огромное количество расчётов для предстоящего путешествия на Корару. Иногда они могли даже получить эксклюзивное право на использование любых персональных ассистентов. В такие моменты Ластик не мог полноценно разговаривать, поэтому Элли использовала его для прослушивания аудиокниг.

Когда на электронный ящик пришло письмо с поздравлением о выборе кандидатуры Элли в качестве первого межзвёздного путешественника, Ластик пришлось резко отключиться от сервера Совета. Он открыл письмо и внимательно перечитал его несколько раз. Он тщательно проверил адрес отправителя, убеждаясь, что это не скам, и осторожно начал пульсировать всеми цветами радуги. Перечитав письмо в десятый раз, он уже засветился совсем ярко, и какой-нибудь прохожий в этот момент мог бы подумать, что у Элли дома вечеринка. Сначала он закружил по комнате, а потом кинулся через окно к Элли. Не рассчитав свои габариты, он стукнулся об косяк окна и отскочил назад на письменный стол. Он на минутку сделался тёмно-пурпурным, но потом опять засветился радугой и полетел к камину. Вылетев через трубу, он камнем упал на грядку рядом с Элли. Она в это время сидела на корточках в широкополой шляпе и ковыряла землю лопаткой. Солнце уже клонилось к закату.

— Что случилось? — испугалась Элли.

— Ты не поверишь! — зачастил Ластик. — Пришло письмо от Совета. Тебя выбрали!

— Куда выбрали? — Элли уже и забыла про свою заявку.

— Корара! Мы летим на Корару! — сказал Ластик и взвился вверх, выделявая круги в воздухе. Это он так танцевал.

В голове у Элли помутилось. За её короткую жизнь у неё было не мало сюрпризов, но такого масштаба — никогда.

— Ты уверен? — спросила Элли. — Может розыгрыш?

Так как очков на ней не было, Ластик вывел голограмму письма у неё прямо перед носом.

— Действительно, Совет, — всё ещё недоумевала Элли. — Ничего себе. А я уже и забыла про это.

— Нам надо дать подтверждение, что ты согласна. Ты же не передумала? — забеспокоился Ластик.

— Хм... у меня вообще-то базилик, — сказала Элли и задумчиво посмотрела на полудохлый кустик. — Может в следующий раз?

— Очень смешно, — ответил пунцовый Ластик. — Подтверждать?

— Конечно подтверждай, дурачок, — Элли запрыгала от радости. — Я стану селебрити!

Красные дорожки, интервью!

Ластик уже мигал, передавая подтверждение Совету. Элли скинула с себя шляпу и, счастливая, упала спиной на мягкую траву. Небо сегодня было таким безмятежным. Ей всё еще не верилось. Интересно, почему именно она?

3. Сборы

Рано утром должен был прилететь вертолёт. Элли суетилась по дому, стараясь ничего не забыть. На кровати стоял открытый рюкзак, рядом валялась в беспорядке одежда.

— Тэкс, — думала вслух Элли. — Что мне там может понадобиться? Возьму пару смен белья, пожалуй, и крема. Солнце там, говоришь, жёстко печёт?

— На Кораре мы проведем всего от силы час, но неизвестно сколько нас продержат в лаборатории, — давал советы Ластик. — Возьми белья, воды и снеки. Учёным может быть не до твоего режима питания.

— Точно! Снеки, — Элли побежала на кухню, проверить, что осталось вкусенького.

— Взять крем от загара не будет ошибкой, — говорил в догонку Ластик. — У голубых звёзд очень жёсткое ультрафиолетовое излучение, сильнее чем у нашего Солнца. Если бы Корара не находилась в 4 раза дальше от Амиры, чем Земля от Солнца, то ты бы там превратилась в стейк.

— Крем от загара, значит, — бормотала Элли, таща из кухни пакет с разными вкусняшками. — Тут шоколадные батончики, орешки и один банан. Надо еще мой швейцарский ножик не забыть и паракордовый браслет выживальщика. А где моя счастливая футболка с длинными рукавами?

— Вот тут, — ответил Ластик, подсвечивая собой пространство под кроватью. — Вроде не пахнет.

Элли положила последние вещи в рюкзак и застегнула молнию. Теперь надо было поспать, чтобы набраться сил перед путешествием.

Почти всю ночь она беспокойно ворочалась в кровати в предвкушении предстоящего приключения. Разные мысли крутились у неё в голове и не давали ей уснуть. Когда уже почти под утро ей удалось ненадолго забыться сном, Ластик начал мягко тыкаться ей в лицо, чтобы та проснулась. Элли сразу же вскочила с постели и начала собираться.

Теперь надо было проверить всё в доме, чтобы не случилось пожара или потопа в её отсутствие. Она начала бегать по дому, выдергивая из розеток электрические приборы и модемы. Ластик тоже начал суетливо летать по дому.

— Давай ещё общий кран с водой отрубим, — осенило Ластика.

— Точно! — сказала Элли и побежала в подвал.

Ластик ещё раз облетел дом, убедившись, что все окна закрыты, и поплыл в прихожую, где Элли уже натягивала ботинки. Надев рюкзак, она вышла из дома и заперла дверь на ключ. Ключ она спрятала под ножкой скамейки.

Вертолёт не мог сесть рядом с её домиком из-за густой растительности, поэтому было оговорено, что её заберут с открытой площадки у реки.

Утро было таким холодным, что изо рта валил пар. Дождь непрерывно лился всю ночь, и небо было затянуто тяжёлыми облаками. Из леса тянуло дурманящей сыростью. Элли вдохнула этот прохладный воздух и зябко поёжилась. От волнения у неё начало бурлить в животе. Она решительно вскочила на велосипед и дала указание Ластикку показывать дорогу. Энергично крутя педалями, она пыталась согреться и окончательно проснуться.

Через полчаса они уже были у реки. Вертолёта пока не было. Элли выбрала подходящее место и пристегнула велосипед к дереву.

— Ну что, когда он прилетит? — спросила Элли, усевшись на валун.

— Уже летит, через пять минут будет, — ответил Ластик, справившись у пилота по прямой связи.

Вдали показался вертолёт. Он подлетел ближе и медленно приземлился на поляну. Грохот был оглушающим. Пыль и брызги, поднятые в воздух винтами, полетели в сторону Элли. Она прикрыла лицо рукой.

«Ну вот, приключение началось. Обратной дороги нет.» — подумала она, всё ещё не веря в реальность происходящего.

Она поднялась с валуна и пошла в сторону вертолёта, пригибаясь как можно ниже. Казалось винты могут снести ей голову. Ластика она держала в руках, чтобы его не сдуло. Дверь открылась и её поприветствовал широкой улыбкой мужчина в огромных наушниках и таких же огромных очках. Он помог Элли забраться в кабину и устроиться в кресло. От громкого звука и незнакомых резких запахов у неё опять забурлило в животе. Она посильнее прижала к себе Ластика.

— Рад тебя видеть, Элли, — услышала она оживленный энергичный голос в своих наушниках.

Ластик автоматически подстроил уровень шумоподавление её наушников, чтобы она не оглохла от звука двигателя. Так же он подключил их к сети вертолёта, и поэтому она могла слышать, что говорит мужчина.

— Меня зовут Этьен, — продолжал голос в наушниках. — Я младший научный сотрудник Объединённого Совета. Я буду вести тебя на протяжении всего процесса на Земле. Ты можешь обращаться ко мне с любыми вопросами. Как настроение в целом? Волнуешься?

— Немного, — улыбнулась Элли в ответ. — Сколько нам лететь?

— Около 5 часов, — ответил Этьен, давая отмашку пилоту о готовности лететь.

Элли с замиранием сердца смотрела, как земля в иллюминаторе быстро удаляется вниз. На краю поляны у дерева стоял одинокий велосипед и как будто махал ей на прощание, колыхаясь от воздушных потоков, поднимаемых вертолётom.

4. Дворец

Элли с интересом пялилась в иллюминатор, разглядывая пролетающие мимо неё пейзажи. Ей никогда до этого не доводилось летать на вертолёте. Всю дорогу Этьен возбужденно что-то рассказывал, а Элли иногда вяло ему отвечала, чтобы не показаться невежливой. В какой-то момент ровный гул двигателя и неугомонная болтовня Этьена убаюкали её, и она уснула, упёршись лбом в иллюминатор.

Её пробудил толчок приземлившегося вертолёта. Элли вздрогнула и взглянула в окно. Оказалось, что они приземлились на крыше здания, которое, хоть и было невысоким, но занимало огромную территорию. Вокруг раскинулся ухоженный парк с деревьями, цветами и фонтанами, а местами даже виднелись статуи. Здание находилось на берегу реки, с другой стороны которой тянулись небоскрёбы мегаполиса. Слева можно было увидеть мост, перекинутый через реку и соединяющий оба берега.

— Ну как, поспала? — энергия так и плескала из Этьена. — Готова к свершениям?

— Где мы? — спросила Элли, ещё не до конца проснувшись.

— Это Дворец Науки, — ответил Этьен. — Здесь находится лаборатория.

Элли осторожно выбралась из вертолёта. Двигатели уже выключили, и можно было насладиться тишиной. Этьен оставил в кабине наушники, но очки так и остались на нём. Видимо, он их использовал как экраны.

— Идём, я тебя угощу кофейком, а потом все тут покажу, — сказал он. — До начала первой фазы осталось всего пара часов.

Этьен почти подпрыгивал, когда шёл впереди. Они зашли в дверь и оказались внутри здания. По лестнице они спустились на этаж вниз и вошли в холл со стеклянными дверями и мягкими оранжевыми полами.

— В офисах почти никого нет, все находятся в лаборатории, — сказал Этьен, придерживая для Элли очередную дверь. — Мы можем спокойно перекусить на кухне.

Этьен завёл её в огромную кухню с ровными рядами столов, холодильников и разной другой техники. Он подошёл к блестящим эспрессо-машинам и спросил, что ей приготовить.

— Латте, пожалуйста, — ответила Элли.

— Можешь пока поджарить багели, — Этьен указал на поднос с пакетами багелей разных сортов.

Она достала один багель с кунжутом, разрежала его пополам и отправила в тостер. После того, как он хорошенько поджарился, она намазала на каждую половинку нежное сливочное масло и благодарно приняла кружку с ароматным горячим латте. В вертолёте она съела всего лишь один банан и только сейчас поняла насколько голодна. Пока она ела, Этьен что-то выяснял с лабораторией по удаленной связи. Закончив, он выпил залпом свой напиток и посмотрел на Элли:

— Ну что, готова? Пойдем в лабораторию?

Элли кивнула, и они направились к лифту. Лаборатория располагалась под землёй, поэтому им пришлось спуститься на самый нижний этаж. Здесь уже было довольно много народу. Взъерошенные люди бегали взад и вперед, живо обсуждая между собой какие-то важные вопросы. Элли следовала за Этьеном, чтобы случайно ни с кем не столкнуться. Они продвигались по коридорам, пока наконец-то не остановились перед какой-то дверью.

— Мы специально выделили для тебя эту комнату, — сказал Этьен, открывая дверь

карточкой. — Здесь тебя никто не побеспокоит, и ты сможешь спокойно наблюдать за экспериментом.

Комната была просторной, с большим столом для митингов и экраном на стене по правую сторону от двери. Однако самой главной деталью было окно, занимающее почти всю противоположную от двери стену. Элли приблизилась к окну и увидела огромное помещение внизу. По середине зала находилось массивное устройство, сферической формы. Оно выглядело хаотично и неряшливо, словно некий великан слепил из металлических обрезков, проводов и керамики гигантский снежный ком. Вокруг устройства сновали учёные и инженеры в белых халатах, а рядом с ними летали персональные ассистенты, похожие на Ластика. Они могли залетать высоко на самую верхушку сферы и делать там измерения. Некоторые из них проецировали прямо на сферу голограммы, помогая учёным с их работой.

— Сейчас мы проводим финальные проверки и доводки, — объяснял Этьен. — Как только получим подтверждение от радиообсерватории, начнём отправку частицы.

— А чего вы ждёте? — спросила Элли, с интересом наблюдая за снующими внизу человечками, пытаюсь понять логику их действий.

— Мы ждём, когда Корара выстроится в одну линию с Амирой и Пульсаром, — ответил Этьен.

— Парад звёзд? — сверкнула эрудицией Элли.

— Парад, но не простой, — ответил Этьен. — Корара оказывается между Амирой и Пульсаром примерно каждые 3 года, но нам нужен особый парад, который вызывает так называемую гармоническую конъюнкцию, при котором объединенные гравитационные волны от Пульсара и Амиры создают уникальные возмущения на бране, относительно легко описываемые математически. Это событие происходит раз в 32 года. В этот момент наша частица не может промахнуться при возврате в брану, — Этьен указал на включившийся экран у стола. — На экране будет показана анимация всего процесса, чтобы тебе не было скучно.

Элли кинула рюкзак на один из стульев и села на соседний.

— Сколько еще ждать? — спросила Элли, пытаюсь настроить кресло поудобнее.

— Еще примерно час. Ты пока устраивайся. Я вернусь прямо перед запуском, чтобы вместе с тобой понаблюдать отсюда, — сказал Этьен и поспешно выбежал из комнаты.

Наконец-то Элли осталась одна в покое. Она встала с кресла и погасила свет. Теперь лишь свет от окна в залу и мерцание экрана освещали внутренности комнаты. Вновь усевшись в кресло, она подкатилась на колёсиках поближе к окну. Ластик всё это время увлеченно смотрел вниз, время от времени сменяя цвета. Наверно он тоже хотел быть среди этих деловых ассистентов внизу и делать сложные вычисления.

— Это генератор гравитонного поля, — с восхищением проговорил Ластик. — Последнее достижение науки и техники. Гравитон — это частица, которая отвечает за силу гравитации. Это единственная частица во Вселенной, способная беспрепятственно перемещаться перпендикулярно бране.

— То есть гравитон легко может путешествовать в балке? — уточнила Элли.

— Именно, — подтвердил Ластик. — Генератор создает мощное гравитонное поле вокруг объекта, который мы хотим отправить в балк. Когда поле становится достаточно мощным, объект как бы выдавливается из нашей браны в балк.

— Как прыщ? — улыбнулась Элли.

— Ну, можно и так сказать, — ответил Ластик. — Но выдавливается он не абы куда, а в

определенном направлении. В нашем случае запутанная частица будет выброшена в сторону Пульсара.

— Как будто пнуть прыщём себе в коленку, — хихикнула Элли.

— Хм... хорошая аналогия, — задумался на минутку Ластик. — А вон там, рядом с фиолетовым ассистентом, находится наша запутанная частица.

Элли усердно напрягала свое зрение, рассматривая небольшую треногу, расположенную на постаменте рядом со сферой.

— В контейнере заключено запутанное нейтрино, — продолжал Ластик. — Его брат-близнец находится вон там, в контейнере, в дальнем углу. У нейтрино почти нет массы и отсутствует заряд. Это поможет нейтрино преодолеть гравитацию и мощное магнитное поле Пульсара. А ещё нейтрино — очень крошечная частичка, почти в тысячу раз меньше электрона. Она настолько маленькая, что может пролететь планету насквозь. Это важно в нашем случае, так как это поможет нам не брать в расчёт атмосферу Корары.

— Но если она пролетит насквозь, как же мы тогда сможем отправить маяк на планету? — удивилась Элли.

— Нам надо подгадать момент, когда наше запутанное нейтрино будет точно над поверхностью планеты. В этом нам помогут наши математические модели. Если исходные данные верны, то мы можем с высокой точностью предсказать в какой момент частица окажется над поверхностью Корары.

Это было всё так интересно и захватывающе, что Элли уже не терпелось, когда они начнут. А может быть просто недавно выпитое кофе и стресс от перелёта чрезмерно возбудили нервную систему Элли.

Через час Этьен вернулся в комнату и радостно сообщил, что началось. Он схватил первое попавшееся кресло и подкатился к окну рядом с Элли. Человечки и светящиеся шары внизу вдруг быстро забегали, и наконец, в зале никого не осталось. Перед сферой осталась только одинокая частица, запертая в контейнере и ждущая своей участи. На стенах замигали красные лампы и послышался предупредительный визг сирен.

— Вот-вот начнут, — взволнованно проговорил Этьен.

Сирены затихли, и всё вокруг как-будто замерло. Затем послышался нарастающий гул. Мачта, нелепо торчащая из сферы, начала искрить, привлекая внимание зрителей. Конец мачты принялся светиться и медленно набирать яркость. Просторанство вокруг треноги неожиданно искривилось, как будто огромная невидимая линза появилась прямо перед контейнером. Гул нарастал, конец мачты светился всё ярче и ярче. Эффект линзы вокруг контейнера становился всё более резко выраженным, но при этом меньшим в размере и более сфокусированным. Так продолжалось еще несколько секунд, пока наконец не раздался резкий хлопок. Гул со свечением мачты так же внезапно прекратился. Повисла тишина.

— Улетела? — спросила озадаченная Элли, переводя взгляд то на Этьена, то на Ластик.

— Судя по всему, всё прошло гладко, — Этьен озабоченно привстал и заглянул вниз. — По крайней мере, ничего неожиданного не произошло.

— Все параметры в норме, — ответил Ластик. — Частица покинула брану и через пару секунд вернётся обратно, но уже в 7 тысячах световых лет отсюда. На экране есть анимация.

Элли повернулась к экрану. Там двигалась точка, оставляющая за собой пунктир. Она перемещалась в затемненном пространстве от изогнутой линии в сторону мигающей, веретенообразной геометрической фигуры. По-видимому, изогнутая линия представляла собой схематичное изображение браны, затемненное пространство — балк, а мигающая

фигура — Пульсар. Точка достигла фигуры и анимация автоматически увеличила масштаб. Снизу экрана показался голубой кружок, представляющий Корару. Точка отделилась от Пульсара и начала медленно двигаться в направлении кружка.

— По расчётам, нейтрино должно быть уже на пути к Кораре, — объявил Этьен. — Примерно через 5 часов, она достигнет поверхности планеты.

— 5 часов?! — воскликнула Элли и грозно посмотрела на Ластика. — Выходит, мы приехали слегка рановато?

Ластик как-будто весь съёжился, уменьшив свое голубое свечение почти до минимума.

— Я могу заказать тебе отель в городе, — предложил Этьен.

— Я наверно здесь подожду, если конечно можно, — вздохнула Элли. — У вас есть душ?

— Не проблема, — ответил Этьен. — Я думаю, сегодня всё равно никто домой не пойдёт. Душ, кухня, еда — у нас есть всё, что может понадобиться, чтобы не отвлекаться от науки. Правда, полотенца нужны свои.

Про полотенца Элли не подумала, а Ластик не догадался предложить. Когда Этьен вышел по своим делам, Элли откинула спинку кресла и положила ноги на стол.

— Ну я же не виноват, что нейтрино движется всего лишь со скоростью света, — начал оправдываться Ластик. — Расстояние от Пульсара до Корары примерно 35 астрономических единиц. Свет преодолевает расстояние в 1 астрономическую единицу примерно за 8 минут. Отсюда и 5 часов.

— Душнила, — сказала Элли и накрыла глаза футболкой из рюкзака. — Разбуди меня за час. Межзвёздному астронавту понадобится ясная голова.

5. Прыщ

Перед следующей фазой Элли сбегала принять душ, воспользовавшись одной из футболок в качестве полотенца. На кухне она по-быстрому проглотила багель с латте и поспешила в комнату, чтобы ничего не пропустить.

В зале со сферой проходили приготовления к отправке маяка. Маяк представлял собой красную трубу высотой в пол человеческого роста и тремя выдвигаемыми ножками, которые позволяли ставить его вертикально. На верхушке был закреплен сферический прозрачный контейнер, похожий на тот, что использовался для нейтрино.

Этьен с Ластиком уже прилипли к окну, пытаясь не пропустить ни единого движения научной команды внизу.

— Что я пропустила? — спросила запыхавшаяся Элли.

— Напряжённый момент, — ответил Этьен. — Если произойдёт заминка хотя бы на две сотые секунды, маяк окажется в центре ядра Корары. Я уже не говорю про большую погрешность. Десятилетия труда могут попросту превратиться в груды космического мусора. Следующей конъюнкции придётся ждать 32 года.

Волнение передалось и Элли. Она представила себе этот красный кусок металла кувыркающимся в чёрном бесконечном пространстве в 7 тысячах световых лет от своего родного дома. Мурашки пробежали по телу. Элли от волнения нашарила в рюкзаке шоколадку и принялась её нервно жевать.

Точка на экране уже почти подлетала к голубому кружку. Как и в прошлый раз, зал быстро опустел и завизжали сирены. Послышался гул и мачта начала искрить. Пространство искривилось и эффект линзы стал медленно уменьшаться и фокусироваться на маяке. Резкий хлопок и маяк исчез. Элли вытянула голову, проверяя, не отлетел ли маяк куда-нибудь рядом. Но сомнений быть не могло — маяк в балке. Элли повернула голову к экрану. Там появилось схематичное изображение маяка в виде триноги. Он двигался в затемненном пространстве в направлении голубого кружка.

— Ещё пару секунд, — проговорил Этьен. — И... маяк на месте.

Маяк на экране слился с голубым кружком. Внизу опять засуетились люди в белых халатах и ассистенты.

— А откуда мы знаем, что маяк не оказался в ядре Корары? — забеспокоилась Элли.

— А мы и не знаем. Теоретически он сейчас должен валяться где-то на камнях Корары. Сейчас будут отправлять зонд, — Этьен пальцем показал вниз залы. — Когда его вернут, мы получим фотографии и пробы воздуха.

На место, где только что стоял маяк, выкатили на тележке зонд. Он чем-то походил на луноход, только меньше размером и место колес у него было четыре ноги.

Отправка зонда не заняла долгое время. Тот же хлопок и анимация на экране.

— Теперь надо дать зонду время на сбор проб, — сказал Этьен, глядя на экран. — У него есть всего полчаса. Дальше будет интересно. Мы создадим с Земли гравитонное поле на Кораре, используя квантовый туннель между запутанными частицами в маяке и на Земле. Пока есть время, можно сбегать освежиться, — улыбнулся Этьен и убежал в туалет.

Элли было не до того. После зонда была её очередь. Чем ближе становился момент, тем больше у неё потели ладони от волнения. Уже скоро ей предстоит спуститься в эту залу, за которой она наблюдала целый день, и самой стать участницей представления. Она поймала

себя на мысли, что боится. От осознания того, что через какой-нибудь час она будет стоять на далёкой-далёкой планете совсем одна, у неё закружилась голова. В глубине души она начала надеяться, что учёные всё-таки промахнулись частицей, и зонд вернётся с фотографиями безжизненной чёрной бездны.

— Не волнуйся, — заметил её беспокойство Ластик. — Я буду рядом. Когда вернёмся, будешь писать книги про свои потные ладошки и давать интервью популярным блогерам. А может даже ещё лучше: нас похитят космические пираты, и мы будем бороздить просторы Вселенной и грабить путешественников в балке.

— А ты будешь моим Капитаном Флинттом, — засмеялась Элли.

— Пиастры, пиастры! — заорал тонким голосом Ластик и начал кружить вокруг Элли, переливаясь всеми цветами радуги.

— Я не помешал? — спросил Этьен, улыбаясь.

Элли не заметила, как он вернулся. Она смутилась и уселась обратно в кресло. Красный Ластик, как ни в чём не бывало, отлетел к окну, притворяясь чем-то заинтересованным.

— Просто дурачимся, — ответила Элли.

Внизу установили постамент со сферическим контейнером. Время подходило к возврату зонда. Элли было интересно посмотреть, как объекты будут возвращаться назад на Землю. Вот уже стихли сирены и послышался гул. На этот раз эффект линзы выглядел по другому. Искривление занимало большую площадь вокруг контейнера, но при этом к середине пространство так резко искривлялось, что контейнер было трудно различить. Хлопок был более громкий и резкий. Элли почувствовала вибрацию стекла. Рядом с постаментом стоял зонд, а точнее лежал на боку и барахтался ножками.

— Сейчас его заберут, чтобы сделать анализы проб, — объяснил Этьен, опасаясь радоваться раньше времени. — Фотографии мы получим уже через несколько минут.

Элли с волнением уставилась на экран. Экран всё ещё показывал схематичную анимацию Корары с мигающим маяком. Казалось, у неё сейчас сердце выпрыгнет из груди. Всё вокруг замерло и затихло в ожидании.

Экран резко вспыхнул и высветил изображение ослепительно-лазурного неба и ярко-коричневой волнистой поверхности Корары. Рядом как-будто взорвалась бомба. Из коридора послышался оглушительный крик радостных людей. Этьен вскочил на ноги, схватился за волосы и истошно заорал:

— Мы это сделали!!! Получилось!!!

Ластик летал под потолком и переливался жёлтым. Элли так и осталась сидеть в кресле, тревожно всматриваясь в сменяющиеся на экране пейзажи далёкой планеты. Этьен потрепал её по плечу:

— Мы это сделали! Пойду поздравлю коллег.

Он распахнул дверь и выбежал в коридор обниматься с коллегами и пить шампанское. Элли подтянула к себе рюкзак, засунула туда футболки и крепче затянула крепления. Инстинкт настойчиво подсказывал ей бежать отсюда подальше со всех ног. Ей пришлось мобилизовать все свои внутренние силы, чтобы справиться со страхом.

— Я готова, — проговорила Элли.

— Надо подождать результаты анализов, — ответил Ластик. — Нас позовут. Пока расслабься. Выпей лучше бокал шампанского для успокоения нервов.

— Ты прав, — сказала Элли и вышла в коридор получить свою порцию в бумажном стаканчике.

От шампанского ей стало спокойнее и веселее. Она вернулась в комнату, закрыла дверь и попыталась расслабиться в кресле. Но долго ей посидеть в покое не удалось. В комнату ворвался раскрасневшийся полный мужчина в белом халате и выпалил:

— Элли? Следуйте за мной, пожалуйста.

Элли вскочила со стула и поторопилась за приткым учёным. Он спешно провёл её по коридорам среди празднующих людей. Они зашли в какую-то дверь и спустились по железной лестнице ещё ниже. Внизу оказалась просторная комната с бетонными стенами. Вокруг в беспорядке на полу и столах валялись разные устройства, провода и инструменты. В центре комнаты лежала металлическая капсула размером с человека. Она имела обтекаемую вытянутую форму и напоминала поплавки для рыбалки.

— Если анализы подтвердят наши расчёты, тогда вы следующая, — проговорил мужчина. — Вас поместят в эту капсулу и отправят на Корару. Капсулу вернут ровно через час. Внутри установлен таймер, который предупредит вас, когда надо будет залезть обратно. Все функции капсулы синхронизированны с вашим ассистентом, — он кивнул на Ластика.

Элли с трудом понимала, что ей говорят. То ли от волнения, то ли от шампанского у неё плыло перед глазами. Сзади раздавался стремительный стук шагов по железной лестнице. Это был Этьен.

— Извини, что оставил тебя, — проговорил Этьен, запыхавшись. — Я дальше сам, — обратился он к полному мужчине.

Мужчина убежал куда-то в боковую дверь. Когда он её открывал, Элли увидела ту самую залу со сферой для генерации гравитонного поля. Снизу она казалась ещё более громадной, чем сверху из комнаты.

— Перед отправкой тебе надо будет пройти через камеру дезинфекции. Рюкзак лучше оставить здесь, — Этьен кивнул на стол с инструментами. — Можешь взять снеки и бутылку воды. Пикник на другой планете! Каково, а?

Элли почувствовала, что сейчас её вырвет. Она еле сдержала рвотные позывы. В комнату вбежали три потных инженера с мерцающими ассистентами над головами и потащили капсулу на тележке в зал. В зале кто-то сердито орал, давая указания нерасторопным инженерам.

— Ждём анализы. Пока посиди, — Этьен отвернулся в сторону и что-то слушал в наушниках.

Элли хотела спросить, где тут туалет, чтобы немного освежить лицо под холодной водой, но передумала, не решившись покинуть комнату в такой ответственный момент.

— Есть! — вскричал Этьен. — Всё нормально, как мы ожидали. Бежим в камеру дезинфекции.

Элли побежала за Этьеном. В углу комнаты стояла кабина. Она зашла внутрь и её с шипением с ног до головы обдало каким-то паром. Дверь открылась и Этьен уже торопил её дальше. Они быстрым шагом прошли через главную дверь и очутились в зале. Капсула уже стояла перед сферой с откинутой крышкой. Рядом стоял тот полный мужчина и резким голосом раздавал указания. Они бегом приблизились к капсуле.

— Мы готовы, — отчитался Этьен.

— Замечательно, — ответил мужчина. — Прошу на борт!

По внутреннему устройству капсулы Элли определила, где должны быть ноги, а где голова. Она сначала села туда, а потом вытянула ноги и легла. Лежать было мягко.

— Прямо как джакузи, а? — засмеялся мужчина и начал быстрыми движениями

пристегивать Элли ремнями. — Тряски большой не ожидается, но лучше перестраховаться.

Элли уже смирилась с судьбой и ждала, когда это всё уже поскорее закончится. В животе страшно мутило, а голова кружилась. Ластик удобно устроился у неё на груди. Его чёрные глазки с любопытством разглядывали все вокруг.

— Удачи! — Этьен помахал рукой и улыбнулся в последний раз.

Крышка закрылась. В капсуле не было окошка или других источников света, кроме слабого свечения Ластика. Элли почувствовала себя запертой, как в гробу.

— Скоро начнётся, — услышала она голос Этьена в наушниках. — Держись.

Сквозь капсулу она слышала визг сирены. С животом совсем стало плохо. Затем послышался гул. Отсюда он был ещё более громким, чем в комнате. Гул медленно нарастал. Неожиданно она почувствовала странную лёгкость в теле. Её руки и ноги как будто потеряли вес. Стоило ей сделать небольшое усилие мускулами, и рука начинала парить над животом, который она старалась успокоить теплом ладони.

— Невесомость, — прошептал Ластик.

Гул всё больше нарастал. Он уже стал совсем оглушительным. Вдруг все звуки разом оборвались и повисла мёртвая тишина.

— Должно быть мы в балке, — держал в курсе Ластик.

У Элли всё похолодело, выступил пот и сердце затрепыхалось с бешеной скоростью. Она сделала несколько глубоких вдохов.

— Скоро уже будем, держись, — шептал Ластик.

Неожиданно прозвучал громкий хлопок, тело налилось тяжестью, и Элли почувствовала жёсткий удар корпуса. Капсула перевернулась пару раз и замерла. Элли казалось, что она сейчас задохнётся.

— Вроде приехали, — проговорил Ластик. — Я еще раз сделаю анализы окружающего воздуха, осмотрюсь через камеры и только тогда открою крышку.

— Открывай сейчас же, — заплетающимся голосом сказала Элли, вся покрывшись испариной. — Меня сейчас вырвет.

Ластик поспешил открыть крышку, и Элли ослепило от яркого света, льющего с лазурного неба. Она вдохнула полной грудью воздух и стала поспешно искать застежку на креплении. Нашупав кнопку, она отстегнула себя, приподнялась, перевалилась через край капсулы, и её вырвало. Она извергла из себя багели с маслом, шоколадные батончики, шампанское и чудовищный стресс последних нескольких часов в лаборатории.

Голова от алкоголя всё ещё слегка кружилась, но теперь ей стало значительно легче. Она ещё раз вдохнула воздух. Запах у него был свежий, как после грозы. Только сейчас к ней пришло осознание того, что она находится на другой планете. Но при этом ей уже не было так страшно и волнительно. Ей стало интересно, что тут есть. Глаза потихоньку начали привыкать к яркому свету после темноты капсулы. Она уже почти могла различать пустынный скалистый пейзаж Корары. Местами из камней торчали кристаллы и ярко блестели на Солнце... то есть на Амуре.

Вдруг она слышала тихий шорох поблизости. Всё ещё продолжая сидеть в своей капсуле, она осторожно вытянула голову и бросила взгляд назад за крышку. Оттуда на неё таранились две пары широко раскрытых от изумления глаз двух маленьких человечков в остроконечных шляпах.

— Добро пожаловать, благороднейшая волшебница, в страну Жевунов, — проговорил один из человечков, а другой отвесил реверанс.

6. Манчкины

В груди прокатилась холодная волна ужаса, а волосы на спине встали дыбом. Первой мыслью было спрятаться обратно в капсулу и закрыть поплотнее крышку. Она могла бы переждать внутри отмеренный ей час, пока её не заберут обратно на Землю. Но её как будто парализовало, и она, не мигая, смотрела на человечков. Мозг отказывался рационализировать происходящее, а голова закружилась так, что ей пришлось крепко схватиться за края капсулы.

Во-первых, Ластик сказал, что жизни на Кораре быть не может, по-крайней мере сложных форм. Но тогда откуда человечки? Возможно это те самые пришельцы с парадокса Ферми? Они зарегистрировали прыжок в балке и отправили своих представителей на первый контакт с очередными финалистами во вселенской гонке технологий. Тогда почему они выглядят как люди? Но они же маленькие. Может, эволюция на их планете пошла примерно по тому же сценарию, что и на Земле, но с небольшими нюансами, которые сделали их маленькими? Стоп! Откуда же они тогда знают наш язык? Или это была галлюцинация от стресса, и ей просто послышалось? Но вроде бы нет. Она чётко слышала «добро пожаловать» и что-то про «волшебницу». Возможно Ластик был не прав, и инопланетные расы всё-таки следили за человечеством всё это время и выучили наш язык. А как иначе им контактировать с нами? Стоп! Всё-таки тут что-то не так. Для представителей инопланетной расы они выглядят слишком глупо.

— Ты видишь то же, что и я? — тихо прошептала Элли.

— Эээ... да, — ответил Ластик.

Элли разглядывала человечков. Они были чуть выше метра ростом. Один из них явно был мужского пола. У него была голубая остроконечная шляпа и глупый зелёный галстук на шее. Второй, явно был женского пола. На ней было легкое белое платье с сандалиями и широкополая соломенная шляпа. Она не была остроконечной. Только сейчас Элли поняла, что это были всего лишь два ребёнка — мальчик и девочка.

— Ты Элли? — нерешительно проговорил мальчик.

— Да, — удивленно ответила Элли. — Вы инопланетяне?

Дети весело засмеялись.

— Это ты инопланетянка, — ответил мальчик. — А мы тут живём.

Элли надо было сначала выбраться из капсулы. Она осторожно наступила одной ногой на твёрдую каменистую поверхность и в голове у неё пронеслось: «маленький шаг для человека, но огро...». Стоп! Человечки. Надо сначала выяснить, что тут происходит. Она встала обеими ногами и выпрямилась в полный рост. Дети подошли к ней поближе и начали всё с интересом рассматривать.

— А как его зовут? — спросила девочка и указала пальцем на Ластика.

— Это Ластик, — ответила Элли. — Хочешь с ним поиграть?

— А можно? — обрадовалась девочка.

— Это может быть плохой идеей, — порозовел Ластик. — Они могут быть радиоактивными.

— Сам ты радиоактивный, — вступился мальчик, который в это время разглядывал внутренности капсулы и уже почти влез в неё ногами.

— Мы не радиоактивные, — поспешила подтвердить девочка.

Элли повернулась к Ластику и выпучила на него глаза, давая понять, что нельзя так обижать инопланетян. Ластик поменял цвет на светло-зелёный и подлетел поближе к девочке. Девочка осторожно погладила его по макушке.

— Где ваши родители? — спросила Элли.

— Умерли, — грустно вздохнула девочка. — Мы живём тут одни, неподалёку, в домике. Мы приготовили тебе праздничный ужин.

— Откуда вы меня знаете? — спросила Элли.

— Тебя все знают, — развела руками девочка. — Пойдёшь с нами?

— Но я не могу, — ответила Элли, всё так же не понимая, что происходит. — Через час мне надо будет обратно в капсулу, чтобы учёные меня вернули на Землю.

— Никто тебя там не заберёт, — ответил мальчик, пытаясь отломать что-то в капсуле. — Они уже все умерли.

Ластик уже отлетел от девочки и мягкими толчками пытался не дать мальчику сломать что-нибудь в капсуле. Мальчик раздраженно отпихивал его в сторону.

— Как умерли? — у Элли пробежали мурашки по спине.

— От старости, — ответил невозмутимо мальчик. — Уже почти 20 лет прошло.

Мальчик отвлекся от своих дел и указал пальцем на что-то за крышкой капсулы. Элли на ватных ногах обошла капсулу и увидела небольшой монумент в виде слегка наклоненной каменной плиты. Она приблизилась поближе, чтобы разглядеть надпись в тени крышки от капсулы. Надпись гласила:

«Первому межзвёздному путешественнику — Элли Матсумото. Мы всегда тебя будем ждать.»

Элли потеряла сознание.

7. Дом

Элли очнулась от того, что кто-то старательно лил ей на лицо воду. Мальчик нашел в капсуле бутылку воды и щедро поливал её под руководством Ластика. Элли привсталала и села. Ей нужно было время, чтобы переварить сразу столько событий, свалившихся на неё.

— Как 20 лет? — бормотала Элли. — Я же ещё только недавно залазила в эту капсулу... и меня пристёгивали... и Этьен пожелал удачи.

— Успокойся. Не думай пока про это, — Ластик беспокойно вглядывался ей в лицо. — Давай решать проблемы по мере их поступления. Самое важное, что мы живы, и это главное. И, судя по всему, тут есть люди. Они о тебе позаботятся.

— Но как такое могло произойти? — Элли всё ещё была в шоке и смотрела в одну точку.

— Могу предположить, что мы не только перепрыгнули через пространство, но и через время, — ответил Ластик.

— Да, там учёные что-то напутали и потеряли тебя, — подхватил мальчик. — В те времена учёные были совсем глупыми.

— А вы тут откуда взялись? — Элли перевела взгляд на мальчика.

— А мы тут родились, — ответил мальчик. — Меня зовут Мартин, а это моя сестра Катерина.

Элли вдруг стало стыдно за своё поведение. Она даже не спросила, как их зовут. Она с трудом поднялась на ноги и сделала пару глубоких вдохов.

— Приятно познакомиться, — ответила Элли и попыталась улыбнуться.

— Пойдём к нам? — предложил Мартин. — Покажем тебе наш домик.

— Не лучше ли вернуться в капсулу? — с надеждой спросила Элли Ластика. — Может они всё-таки смогут вернуть нас назад?

— Я бы не стал туда лезть, — ответил Ластик. — Раз нас забросило в будущее, значит в математических расчётах прыжков присутствует серьёзная фундаментальная ошибка. Через час после нашей отправки учёные, скорее всего, попытаются вернуть капсулу назад, как было оговорено. Но до этого они ещё не будут знать про ошибку. Если предположить, что это вообще даже возможно — создать гравитонное поле из прошлого в текущую точку времени — нет никаких гарантий, что нас опять не забросит куда-нибудь, например, к динозаврам.

— К динозаврам? Я могу вместо вас, если вы боитесь, — сказал Мартин и опять полез в капсулу.

— Разве мы не можем послать им сообщение? — спросила Элли. — Пускай быстренько найдут ошибку.

— К сожалению, нет. Слишком большое расстояние. Сообщение летело бы до Земли 7 тысяч лет.

— А как же эти запутанные частицы в маяке? Можно отправить сообщение азбукой Морзе! — осенило Элли.

— Квантовая запутанность так не работает. Как только ты попытаешься поменять состояние одной частицы, квантовый туннель тут же разорвётся, — остепенил её Ластик.

— А кстати, где маяк? — Элли огляделась по сторонам. — Если нет маяка, то мы точно не сможем вернуться, не так ли?

— В капсуле есть свой маяк, — ответил Ластик. — Для возврата они должны были использовать его. Другая проблема в том, что квантовая запутанность не сохраняется навечно. Учёные научились сохранять её на длительное время, но... 20 лет. Скорее всего частицы в маяке уже давно выдохлись.

— Стоп! А эти мелкопузые. Их родители же как-то сюда прибыли. Должны быть другие маяки! — от ощущения новой надежды Элли почти перешла на крик.

— Сама ты мелкопузая, — огрызнулся Мартин из капсулы, пытаясь пристегнуться. — Маяков больше нет. Террористы взорвали последний маяк в прошлый раз. Тебе повезло, что ты не появилась тогда, а то бы они тебя убили.

— Что!? — у Элли полезли глаза на лоб. — Меня убить? За что?

— В прошлый раз? Какой сейчас год? — прервал её Ластик. — Как вы считаете года?

— Сейчас 20 год, — ответил Мартин, сражаясь с застёжкой.

— Видимо у них летоисчисление идёт с момента нашего прыжка, — рассуждал Ластик, уворачиваясь от Катерины, пытающейся погладить его еще раз. — Год на Кораре длится чуть больше трёх земных. То есть 20 местных лет, это 64 земных. Когда нас отправляли, Корара была в конъюнкции с Пульсаром. Это событие происходит раз в 32 года. То есть «прошлый раз», по всей видимости, произошёл ровно 32 года назад. Видимо, ошибка в расчётах как-то связана с Пульсаром. После нашей отправки учёные нашли ошибку, исправили её и успешно отправили сюда людей. Но почему тогда мы не появились здесь 32 года назад, а только сейчас?

Элли опять стало плохо. 20 лет ещё куда не шло, но 64!? Она пропала на 64 года!

— Да, учёные опять что-то напутали, — подтвердил Мартин. — Тебя ждали в прошлый раз, но ты не появилась.

— Если Корара сейчас в конъюнкции, они могут попытаться опять отправить нейтрино, — Элли опять с надеждой огляделась по сторонам, ожидая, что вот-вот из ниоткуда появиться капсула со спасателями.

— Не могут, — разуверил её Мартин. — Мы здесь застряли навсегда.

— Почему навсегда? — спросила Элли в ужасе.

— Я не знаю, — ответил Мартин, вылезая из капсулы. — Тебе надо спросить кого-нибудь, кто в этом разбирается.

— У Волшебника Изумрудного города, — захлопала в ладоши Катерина. — Ты можешь попросить его вернуть тебя домой!

— Пойдём пока к нам в гости, мы угостим тебя чаем, — предложил опять Мартин.

Элли ничего не оставалась. Она поднялась на ноги и развела руками, давая понять, что она теперь целиком полагается на них. Мартин вприпрыжку побежал впереди, а Катерина взяла Элли за руку и пошла рядом. Ластик старался держаться подальше от Катерины, чтобы случайно не зазеваться и не превратиться в беспомощного пупсика в руках девочки.

Пока они шли, Элли наслаждалась великолепным видом вокруг. Небо выглядело потрясающе — его ярко-лазурный цвет создавал чувство неопишуемой красоты, а белоголубое солнце планеты озаряло пейзаж мягким, но ярким светом. Вдали тянулись многочисленные хребты и гребни, похожие на плавники. Они не были слишком высокими, но очень острыми. Кристаллические образования на камнях отражали ослепительный свет, создавая завораживающий танец света и теней. Поверхность, по которой она шла, напоминала ребристую структуру радиатора, испещренную глубокими волнистыми полостями шириной в сантиметр.

— Это червяки их создают, — пояснила Катерина, заметив взгляд Элли. — Они едят камень.

— Значит, здесь есть жизнь? — спросила Элли.

— Только червяки.

— Так почему вы живете одни? Здесь некому о вас позаботиться? — озабоченно спросила Элли.

— Когда папа умер, нас все бросили, — грустно вздохнул Мартин. — Но нам никто не нужен. У нас есть дом и еда.

Повисла неловкая тишина. Элли не решалась выпытывать подробности.

— А что ты попросишь у Волшебника Изумрудного города? — попыталась сменить тему Элли.

— Я попрошу новое платьишко, — улыбнулась мечтательно Катерина.

— Мозгов тебе надо попросить, — захихикал впереди Мартин. — Совсем глупая.

— Сам ты глупый, — помрачнела Катерина.

Она нагнулась в поисках подходящего камня, чтобы бросить в Мартина. Камень должен был быть не слишком большой, чтобы не до крови, но и не слишком маленький, чтобы Мартин почувствовал боль, соизмеримую с той, что она испытала от его обзывательства, да еще и в присутствии гостей с Земли.

— Воу, полегче, — поспешила вмешаться Элли. — Вы же брат с сестрой. Вы чего ругаетесь?

Опять повисла неловкая тишина. Они продолжали идти дальше.

— А ты, Мартин? — прервала тишину Элли. — Что ты попросишь у Волшебника?

— Я попрошу силу, как у Геракла, — не задумываясь, ответил Мартин. — Чтобы быть сильным как папа.

— А Ластик? — наконец развеселилась Катерина. — Что он попросит?

— А я попрошу рУки, — подхватил игру Ластик. — А то я ничего не могу делать.

— А можно тебя подержать в руках? — спросила Катерина.

— К сожалению, нельзя, — ответил Ластик. — У меня внутри очень много микросхемок и тебя может случайно ударить током.

— Не будь гондоном, — тихо зашипела на него Элли. — Сироты же.

— Ну хорошо, — нехотя согласился позеленевший Ластик. — Только будь осторожна.

Ластик аккуратно приземлился девочке в руки, и та его обняла.

— Такой мягкий, — проговорила она, вся сияя от счастья.

Мартин поравнялся с Катериной и тоже с любопытством взглянул на Ластика. Элли, испугавшись, что они еще чего доброго, начнут драться из-за Ластика, выудила из кармана штанов шоколадный батончик и протянула Мартину.

— Что это? — Мартин недоуменно уставился на батончик.

— Шоколадка. У вас нет шоколада?

— Нету, — ответил Мартин и принял угощение.

Он развернул упаковку и вытащил содержимое. Запах ему определенно понравился. Он разломил батончик пополам и отдал вторую половину Катерине.

— Как вкусно, — сказал он, надкусив батончик первый раз.

Всю дорогу он шёл и откусывал крошечные кусочки от шоколадки, чтобы растянуть удовольствие. После каждого укуса он внимательно рассматривал открывающийся срез, как будто пытаясь понять из чего она сделана.

— Долго еще идти? — спросила Элли.

— Вон там, уже видно, среди камней, — ответила Катерина.

Вдалеке виднелся похожий на оазис островок, окруженный с трёх сторон каменными гребнями-плавниками, как крепостной стеной. В середине стоял небольшой домик, сложенный из коричневых плоских камней. Вокруг дома были разбросаны аккуратные башенки из камней разной высоты.

— Это наш сад, — похвасталась Катерина. — Мы сами его сделали с мамой.

— А эту самую большую башню мы с папой сделали, — не отставал Мартин.

— Очень красиво, — сказала Элли.

Её сердце сжалось при воспоминании о своём садике. Наверно там всё заросло. А дом вообще уже наверняка развалился за 64-то года.

Мартин открыл ключём дверь, который висел у него на шее. Вся компания зашла внутрь. Внутри была только одна огромная комната. Перед приездом Элли её аккуратно прибрали. Слева находилась кухня с приборами и круглым столом, а справа — спальня. По середине спальни, изголовьем к стене стояла огромная кровать. Там было ещё две кровати поменьше: одна под окном, и другая — справа от большой. Катерина проследовала к своей кровати, сняла шляпу и аккуратно положила Ластика на постель.

— Ты можешь спать там, — Катерина показала Элли на большую кровать. — Я сейчас приготовлю чай.

Элли робко осматривала помещение.

— А откуда вы берёте воду? — спросила Элли.

— Из под Корары, — ответил Мартин. — Вся вода под низом. Только она ядовитая. Приходится её очищать.

Элли подошла к крану и включила воду. На вкус вода оказалась обычной. В углу кухни она обнаружила принтер для еды. Он был совсем другой модели, чем у неё дома. Должно быть, более продвинутая модель.

— А где вы берёте картриджи? — спросила Элли.

— Воруем, — невозмутимо ответил Мартин.

— У кого? — изумилась Элли.

— У мух.

— Каких ещё мух?

Мартин подошел к высокой книжной полке, стоявшей слева от большой кровати, встал на цыпочки и вытащил какую-то книгу.

— Вот, — протянул он книгу Элли. — Повелитель мух. Читала?

— Читала, — ответила Элли, принимая книжку. — А ты читал?

— Нет, мне ещё рано такие книги читать, — ответил Мартин и сел на свою кровать под окном. — Мне папа рассказывал. Там говорится о злой людской природе. Мальчишки попали на необитаемый остров, превратились в дикарей и начали друг друга убивать.

Элли, кажется, начала понимать, что хотел сказать Мартин. Она положила книгу на стол и уселась на стул.

— Вам здесь не страшно жить одним? — осторожно спросила Элли. — Что, если эти мухи придут сюда?

— Нестрашно, — ответил Мартин. — Мой дом — моя крепость. Слышала такую поговорку? У нас крепкая дверь — сюда никто не сможет зайти.

— Вы, получается, специально ждали меня там, у монумента? — спросила Элли.

— Да, — он кивнул на электронные часы с календарём, висящие на стене. — Мама специально попросила папу построить дом поближе к монументу. Она верила, что ты появишься в этот день.

Катерина включила чайник. Встав на стул, чтобы дотянуться до верхней полки, она достала четыре фарфоровые чашки. В каждую чашку она положила по чайной ложке чёрного порошка из какой-то пластиковой коробки. Когда чайник вскипел, она налила кипяток. Элли помогла её расставить чашки с блюдцами на столе. Мартин тем временем торжественно вытаскивал из принтера круглый кекс.

— Мы приготовили это для тебя, — сказал Мартин, ставя кекс по середине стола и довольно улыбаясь.

— Спасибо, — покраснела Элли. — Очень мило с вашей стороны.

Ластик всё ещё покорно лежал в постели. Катерина позвала его к столу и поставила перед ним пустую чашку. Ластик повис над своим стулом, подыгрывая Катерине. Мартин уселся за стол так и не снимая с головы свою остроконечную голубую шляпу. Все принялись уплетать кекс.

— А молока у вас случайно нет? — спросила Элли с набитым ртом.

— Молока нету, — ответил Мартин, плюясь крошками изо рта. — Коровам тут есть нечего. Травы-то нету.

Катерина по временам отвлекалась, брала кружку Ластика и прикладывала ему к тому месту, где у него должен был быть рот. Ластик мигал зелёным цветом.

— Когда вы отведёте нас к взрослым? Туда далеко идти? — спросила Элли, допивая чай.

— Сегодня уже не получится, — ответил Мартин. — Скоро уже ночь.

— Сутки тут делятся 30 земных часов, — пояснил Ластик. — Так как ось вращения планеты находится почти перпендикулярно плоскости орбиты, ночь и день имеют одинаковую продолжительность по 15 часов. Я думаю будет неплохой идеей тебе немного отдохнуть.

— Ну да, торопиться нам уже некуда, — с горечью ответила Элли. — Как далеко другие люди? — обратилась она опять к детям.

— Не бойся, я покажу дорогу. Это конечно будет опасное путешествие, но я думаю мы справимся, — ответил Мартин.

— Мухи? — догадалась Элли.

— Мухи, — вздохнул Мартин.

Катерина убрала пустые чашки и блюдца. Элли помогла ей помыть посуду. Мартин тем временем открыл прыгучую способность Ластика и гонялся за ним по всему дому. Ластик не удавалось скрыться от него даже на потолке, так как Мартин знал каждый уступ и щель в доме и пользовался этим, чтобы забираться повыше и прыгать в направлении бедняги. По временам ему удавалось провернуть прицельный удар так, что Ластик начинал отпрыгивать от всего, что встретится ему на пути.

— Пасуй, — Элли с Катериной присоединилась к игре.

Теперь они уже в троём играли в догонялки за Ластиком. Они хохотали до упаду, когда удавалось заставить Ластика отскакивать от стен, как мячик.

— Так не честно, — стонал Ластик.

Наконец все трое рухнули на большую кровать, запыхавшись от усталости. За окном уже начинало смеркаться.

— А будем сегодня смотреть на аврору? — вскочила вдруг Катерина.

— Точно! — обрадовался Мартин. — Элли же никогда не видела нашу аврору.

— Что ещё за аврора? — спросила Элли.

— Учитывая состав атмосферы, в которой присутствует неон и аргон, а так же очень мощное магнитное поле Корары, авроры здесь, должно быть, очень захватывающие зрелище, — пояснил Ластик. — А ещё парад с Пульсаром, который испускает мощный пульсарный ветер из заряженных частиц.

— Это очень красиво! — подтвердила Катерина. — Идёмте на улицу, уже почти стемнело.

Они побежали на перегонки во двор. Мартин сразу же уселся на выступающий камень у основания самой большой каменной пирамиды в саду. Катерина забралась на массивный валун неподалеку.

— Садись рядом, — сказала она, указывая на свободное место рядом с собой.

Элли устроилась на валуне и подняла глаза к небу. Ранее ей доводилось видеть полярное сияние только на картинках и видео, но то, что она увидела сейчас, ошеломило её до глубины души. Элли была околдована этим чарующим зрелищем и не могла оторвать взгляда от мерцающих потоков света, которые плавно текли по темному ночному небу усыпанному звёздами.

— Красиво? — спросила Катерина и положила голову ей на плечо.

— Очень, — ответила Элли и обняла одной рукой девочку.

На небе величественно разливалась бурлящая река света, переливаясь всеми красками радуги и окутывая атмосферу таинственным сиянием. Потоки света, медленно плывущие на фоне звёздного неба, были окрашены в неоновозеленый цвет с мерцающими прожилками синевы, в то время как более быстрые потоки поражали воображение ярко-красными оттенками. Завораживающие завихрения на миг меняли свой цвет с малинового на красно-оранжевый, создавая неповторимое зрелище. Слои света переливались друг в друга, плавно пульсируя и кружа в магическом танце.

Вся эта картина напоминала грандиозный праздничный фейерверк, но совершенно лишенный какого-либо звука. В абсолютной тишине не слышалось ни сверчков, ни шуршания листьев, ни звуков ночных существ, поскольку на Кораре таких обитателей, разумеется, не было. Это придавало наблюдаемому явлению еще больше магии и таинственности, окутывая Элли атмосферой неповторимого космического чуда.

Ластик всё время представления молча смотрел своими чёрными глазками вверх и менял свою окраску, стараясь попасть в унисон с мерцающим сиянием на небе. Так ему казалось, что он сливается с космическим шоу и делается его неповторимой частью.

— Почитаешь нам книжку? — вдруг спросил Мартин, ёжась от ночной прохлады.

— Конечно. Идёмте в дом, а то уже становится зябко, — Элли поднялась с валуна.

Они вошли в дом и Элли забралась на большую кровать прямо в одежде. Кровать оказалась на удивление мягкой и уютной. Она подложила себе подушки под поясницу, чтобы было удобно полулежать. Катерина устроилась рядом, обнимая Ластика. Мартин тем временем копался на книжной полке, выискивая подходящую книжку.

— Вот, — сказал он и протянул ей небольшой, весь потрёпанный томик зелёного цвета.

Отдав книгу, он устроился по другую сторону от Элли так, чтобы было удобно иногда заглядывать в книгу и рассматривать картинки или перечитывать особо непонятные слова. Она открыла книгу на первой странице и начала старательно с выражением читать:

«В одном сказочном городе жили коротышки. Коротышками их называли потому, что они были очень маленькие. Каждый коротышка был ростом с небольшой огурец. В городе у них было очень красиво. Вокруг каждого дома росли цветы: маргаритки, ромашки, одуванчики. Там даже улицы назывались именами цветов: улица Колокольчиков, аллея Ромашек, бульвар Васильков. А сам город назывался Цветочным городом. Он стоял на берегу ручья.

Этот ручей коротышки называли Огурцовой рекой, потому что по берегам ручья росло много огурцов.

За рекой был лес. Коротышки делали из березовой коры лодочки, переплывали через реку и ходили в лес за ягодами, за грибами, за орехами. Собирать ягоды было трудно, потому что коротышки ведь были крошечные, а за орехами и вовсе приходилось лазить на высокий куст да еще тащить с собой пилу. Ни один коротышка не смог бы сорвать орех руками — их надо было пилить пилой. Грибы тоже пилили пилой. Спилят гриб под самый корень, потом распилят его на части и тащат по кусочкам домой.»[3]

Последние предложения она уже дочитывала шёпотом, услышав мерное сопение, лежащих у неё на плечах детей. Элли аккуратно, чтобы никого не разбудить, кинула книгу себе в ноги и медленно повернула голову к Ластику.

— Вроде бы спят, — услашала она в наушниках голос Ластика. — Постарайся заснуть тоже.

— Я вот тут всё думаю, — шептала Элли, — ты же рассказывал про парадокс Ферми и теорию зоопарка. Помнишь?

— Ну да.

— Так вот, не понятно, почему внеземные цивилизации так и не связались с человечеством после стольких прыжков в балк?

— Возможно, на их взгляд, это не такая уж и продвинутая технология, как мы предполагали. Их детекторы, видимо, просто зафиксировали незначительный всплеск на циферблате, не стоящий особого внимания. Но всё это всего лишь чистой воды спекуляция. Теория зоопарка могла быть и неверной. Может быть множество других объяснений. Нам остаётся только гадать.

У Элли затекли плечи от детских голов, но шевелиться она не решалась, чтобы их не разбудить. Она осторожно вытасила наушники из ушных каналов и сунула их к себе в карман. Надо попытаться заснуть. В доме было очень тихо и тепло. Из окна на пол падали разноцветные отсветы от авроры, непрекращающимся пожаром полыхающим на ночном небе Корары. Эти отблески гипнотизировали и успокаивали Элли, и она вскоре крепко уснула.

8. Малышка

Элли проснулась от звука хихикающих детей, прячущихся за краем кровати. Пока она спала, они обложили её разными игрушками и книгами по силуэту и ждали, когда она проснётся. За окном уже рассвело.

Элли почувствовала у себя на щеке липкую слюну, стекающую у неё изо рта на подушку. Она поспешно втянула её обратно и обтерла щеку рукавом. Оглядевшись воровато, она быстрым движением перевернула подушку, чтобы не было заметно мокрого пятна.

— Доброе утро, — проговорила она, потягиваясь.

— Доброе утро, — хором ответили дети, вылезая из своего укрытия.

Элли отодвинула вещи справа от себя, чтобы встать с кровати. Дети засмеялись, довольные своей проказой.

— Ну что, позавтракаем и в путь? — бодрым голосом сказала она, шурясь на свет из окна.

— В Изумрудный город! — заорали дети и запрыгали от радости.

Катерина побежала на кухню и, встав на стул, опять достала свои фарфоровые чашки. Видимо, они предназначались только для особых случаев. Элли помогла Мартину убрать беспорядок. Ластик тем временем осматривал книги на полке, пытаясь найти что-нибудь о научных достижениях, произошедших после их отправки на Корару. Но там в основном были только романы и детские книжки.

— Как далеко отсюда люди? — спросила Элли, доедая кусок вчерашнего кекса.

— День лёту от нас, — ответил Мартин.

— Лёту? — удивилась Элли. — На чём же мы полетим?

— На нашей Малышке, — заулыбался самодовольно Мартин. — Идём, я тебе покажу.

Он залпом допил чай и побежал во двор. Элли поспешила за ним. За домом находилось просторное сооружение, напоминающее амбар. Отворив ворота, Мартин вошел внутрь и направился к высокому предмету, покрытому серой тканью. Элли помогла ему стянуть покрывало. Из-за поднятой в воздух пыли она начала неудержимо чихать. Когда пыль рассеялась, её взгляду предстал грациозный миниатюрный дирижабль.

У него была просторная гондола с двумя рядами сидений, в которой легко могло разместиться пять человек, как в автомобиле. Задняя часть гондолы была оснащена большим пропеллером с широкими лопастями, а прямо по его оси была закреплена широкая пластина, напоминающая плавник рыбы и имевшая прорезь для лопастей. Видимо, это был руль для горизонтального управления дирижаблем, подобный тому, что используют на лодках. Гондола, в свою очередь, крепилась четырьмя широкими ремнями к сетке, которая удерживала красный баллон, похожий на толстую сардельку. Баллон был раза в три больше гондолы.

Ластик с интересом облетел баллон.

— Знакомая технология, — произнес он. — Баллон наполнен наногубкой, в поры которой запроваден водород. Губка стабилизирует газ, обеспечивая его безопасность и защиту от взрыва даже при прямом воздействии огня. Если проводить по губке небольшой ток, то можно регулирования плотность водорода в небольшом диапазоне. Благодаря этому, дирижабль может изменять свою высоту во время полета.

Мартин ухватился за ручку, торчащую под носом гондолы, и изо всех сил потянул её на

себя, стараясь вытащить дирижабль наружу. Элли тут же поспешила ему на помощь. Гондола стучалась о хлам в амбаре, поднимая еще больше пыли в воздух. У ворот Элли повисла всем своим телом на ручке, чтобы баллон не застрял в проёме. Наконец, Малышка явилась перед ними во всей своей красе на открытой просторности.

— Я пойду собирать вещи, — крикнул Мартин и убежал в дом.

Элли с любопытством продолжала рассматривать Малышку под лучами дневного света.

— Корара на 15 % легче Земли, следовательно, притяжение на её поверхности немного слабее. Идеальное место для эксплуатации дирижаблей, — продолжал умничать Ластик. — Кроме того, ты видела, какой здесь ландшафт. Острые скалистые гребни хоть и не особо высокие, всё же представляют серьезное препятствие для колесных транспортных средств. И это еще не учитывая экономии энергии и экологических аспектов.

Гондола парила в паре метров от поверхности. Элли попробовала подтянуться, чтобы забраться в кабину.

— Надо было больше подтягиваться на турнике, а не набивать брюхо бургерами, — злилась на себя Элли, сорвавшись в очередной раз вниз.

Дирижабль не стоял на месте и постоянно норовил отплыть от кряхтящей от натуги Элли.

— Вон там в углу стоит лестница, — сказал Ластик. — Видимо, она используется как трап в самолёте.

Элли сходилла в амбар и притащила небольшую лестницу, состоящую всего из трёх ступенек. Она установила ее рядом с Малышкой и взобралась на самую верхнюю ступеньку. Осторожно держась за один из ремней, она аккуратно перекинула левую ногу через бортик и плавно перенесла центр тяжести, чтобы безопасно перешагнуть второй.

— Есть! — победоносно возвестила она, усаживаясь в капитанское кресло.

Ластик уже рассматривал внутреннее устройство.

— Вот этот рычаг, должно быть, отвечает за высоту, — Ластик подсветил голограммой рычаг, который находился между сидениями справа от Элли. — Он меняет напряжение в наногубке. А это штурвал — ничего особенного. Для поворотов он изменяет угол руля сзади у пропеллера, тем самым перекрывая часть воздушного потока от винта и заставляя гондолу поворачивать. Кнопка справа на штурвале увеличивает передачу для большей скорости, а слева — сбрасывает. Внизу находятся педали, подобные тем, что на велосипеде.

Элли посмотрела вниз. Такие педали были у каждого пассажира. Очень практично.

— А как тормозить? — спросила Элли.

— Хм... хороший вопрос, — задумался Ластик. — Наверное, как в подводной лодке, путём изменения скорости и направления движения пропеллера. Кроме того, можно осуществлять маневры, такие как резкие повороты вправо-влево или вверх-вниз, чтобы снизить скорость за счет сопротивления воздуха и изменения траектории.

— О! Кажется штурвал можно потянуть на себя, — сделала открытие Элли.

— Тогда, полагаю, когда тянешь штурвал на себя, автоматически отжимается сцепление, передача сбрасывается до первой, и включается реверс. Таким образом, нет необходимости крутить педали в обратном направлении для торможения или движения назад. Это очень удобное решение, особенно когда несколько пассажиров крутят педали одновременно, — подытожил Ластик.

Элли с трудом выбралась из гондолы и пошла в дом, чтобы проверить детей и набрать воды на дорогу.

Мартин с Катериной сидели на своих кроватях и собирали рюкзаки, раздумывая, что такого важного взять с собой. Мартин набивал свой рюкзак разными книжками с полки.

— Зачем тебе книги в путешествии? — удивилась Элли.

Мартин что-то буркнул невнятное в ответ.

— Это ему мама подарила, — ответила за него Катерина.

Катерина взяла с собой куклы, платья и свои изысканные фарфоровые чашки для торжественных случаев, бережно укутанные в платок. Сверху она положила термос с чаем.

Элли немного освежилась в ванной, затем наполнила свою бутылку свежей водой из-под крана и была полностью готова отправиться в путешествие.

— Готовы? — спросила Элли.

— Готовы! — ответили дети хором.

Мартин запер дом на ключ и побежал на задний двор.

— Чур, я буду Чипом, — сказал Мартин, переваливаясь животом через борт гондолы и барахтая ногами в воздухе.

— А я буду Гаечкой, а Ластик — Вжиком, — весело закричала Катерина, осторожно поднимаясь по лестнице.

— Элли — Гайка, — не согласился Мартин.

— Тогда ты вообще будешь Рокки. Ты же толстый! — огрызнулась Катерина, обиженная тем, что ей не позволяют быть Гайкой.

— Сама ты толстая, — обиделся Мартин, устраиваясь поудобнее за штурвалом.

Элли поняла, что порулить ей сегодня не дадут. Ну и ладно. Всё равно она не знала дорогу. К тому же, можно было подглядеть, как Мартин управляет Малышкой, чтобы уже наверняка знать, как тормозить дирижаблем. Элли забралась последней и уселась рядом с Марином. Катерина пристегивала ремни безопасности на заднем сидении.

Мартин натянул себе на глаза круглые очки как у пловцов, и снял свою голубую шляпу, чтобы её не снесло ветром. Он плавно потянул на себя рычаг высоты, и дирижабль начал медленно подниматься вверх. Поднявшись достаточно высоко, чтобы перелететь через гребень-плавник на заднем дворе, он выжидательно посмотрел на Элли. Она ответила ему не понимающим взглядом. Мартин скосил взгляд на педали под ногами Элли. Только сейчас она заметила, что до своих педалей он не доставал, как, собственно, и Катерина, поэтому роль двигателя целиком ложилась на плечи Элли... а точнее на её ноги. Ей стало немного обидно, что педали крутить придётся только ей, а штурвалом управлять будет Мартин. Но ничего поделать было нельзя — она должна была соответствовать статусу взрослого человека. Элли послушно заработала ногами. Пропеллер медленно начал набирать обороты. Мартин постепенно увеличивал передачу, пока пропеллер не достиг достаточной скорости, чтобы Малышка начала медленно двигаться вперёд. Он рулил строго на запад. Элли поняла это по тому, как Амира начала нещадно жарить ей затылок и уши.

— Скоро Амира будет уже совсем высоко, и баллон будет закрывать нас от жары, — услышала она Ластика.

Пропеллер работал не очень громко, а ветра почти не было, так что они могли спокойно разговаривать и слышать друг друга без наушников.

— Как ты ориентируешься? — спросила Элли у Мартина.

— Это легко, — ответил Мартин. — Видишь внизу волнистые равномерные линии? Это червяки так выедают камень. Эти линии всегда идут с севера на юг. Нам просто нужно лететь перпендикулярно этим линиям до Красной горы. Её ещё не видно.

Элли рассматривала вид снизу. Они летели не очень высоко, только чтобы не задевать острые гребни. Катерина достала из своего рюкзака большую книжку с яркими иллюстрациями и показывала их Ластике, сопровождая комментариями.

— Дашь порулить? — не удержалась Элли.

— Ещё чего, — ответил Мартин, и даже не повернул головы в её сторону.

— Ну дай Элли порулить, — законючила Катерина. — Она же никогда не летала на дирижабле.

— Папа сказал, это не женское дело, — Мартин был непреклонен.

Катерина отстегнула свой ремень, привстала со своего места и прошептала что-то на ухо Мартину.

— Только попробуй! — разозлился Мартин. — Я тебе все куклы в пропасть выкину.

— Ну не будь врединой, — упрашивала его Элли.

Катерина села обратно и пристегнулась. Мартин некоторое время недовольно сопел, а потом начал снижаться над достаточно плоской верхушкой гряды. Он стянул с себя очки и протянул их Элли. В гондоле не было ветрового стекла, поэтому очки были необходимы. Элли заулыбалась от радости, и они поменялись местами.

— Только очень медленно, а то нас вытряхнет из кабины, — инструктировал её деловито Мартин.

Ластик с любопытством занял место на плече у Элли, чтобы лучше видеть происходящее. После того, как Элли убедилась в том, что все пассажиры пристегнулись, она медленно потянула руль высоты на себе. Малышка плавно поднялась вверх

— Рули на ту гору, а дальше я покажу, — сказал Мартин.

Элли налегла со всей силы на педали. Внизу что-то резко заскрежетало и толкнуло гондолу, заставляя её раскачиваться взад и вперёд.

— Толкни штурвал от себя, а то мы едем назад, — закатил глаза Мартин и на всякий случай покрепче ухватился за широкий ремень крепления на своей стороне.

Элли ощущала необыкновенное возбуждение от того, что она управляет такой машиной, и что она её слушается. Однако рулить оказалось не так уж и просто: дирижабль поворачивал со значительной задержкой. Если ей хотелось быстро сменить направление, то требовалось выворачивать штурвал практически до предела. Однако в таком случае Малышка по инерции продолжала крутиться дальше, и приходилось резко выворачивать руль в другую сторону. Как следствие, они в основном летели зигзагами.

— Рули плавно, тут надо терпение, — инструктировал Мартин. — Сейчас Катерина всё тут заблюёт.

— Дурак, — обижалась сзади Катерина, тоже на всякий случай держась покрепче руками за ремень.

— Не то, что этот ваш гроб с невесомостью! — с азартом орала Элли, в очередной раз пытаясь выровнять дирижабль на гору. — А представь, если бы все четыре человека крутили педали, какая была бы скорость?

Элли навалилась всеми силами на педали, пытаясь выжать максимально возможную мощность, но быстро запыхалась.

— Не забывай переключать скорости, — давал советы Мартин. — Если педали слишком быстро крутятся, увеличивай передачу.

Наконец, Элли приноровилась к характеру Малышки, и движение стало более плавным. По временам она корректировала высоту, чтобы перелетать через особенно высокие

препятствия, а иногда просто облетала их сбоку. Она уже ощущала себя настоящим воздухоплавателем и, крутя штурвал одной рукой, блаженно расслабилась в кресле, наслаждаясь красотами пейзажей, разворачивающихся вокруг.

Мартин между тем извлёк из своего рюкзака подзорную трубу и начал рассматривать местность впереди, периодически давая указания, куда рулить. Теперь Элли тоже захотелось смотреть в трубу. Однако рулить, крутить педали и смотреть в трубу одновременно ей, конечно же, было бы затруднительно. Она начала немного злиться на Мартина за то, что он не вытащил трубу раньше, когда она сидела на пассажирском кресле.

— Мухи! — вдруг истошно заорал Мартин, привставая со своего кресла.

9. Мухи

У Элли всё похолодело внутри. Ну вот и всё... Да, жизнь у неё была не долгой, но всё же она успела слетать на другую планету и поручить настоящим дирижаблем. Много ли людей на Земле смогут похвастаться тем же? Стоп! Дети. Она начала чувствовать на себе ответственность за судьбу своих спутников и не могла просто так дать им сгинули вместе с собой. Элли напрягла своё зрение в направлении, куда показывал Мартин. Чуть левее их курса из-за холма медленно выплывал дирижабль такой же конструкции, как и Малышка, но только с голубым баллоном.

— Прячемся за тем гребнем, — сказал Мартин, отбросив трубу в сторону.

Он резким движением левой руки выхватил у Элли штурвал и крутанул его вправо. Элли с удвоенной силой заработала педалями. Малышка перемахнула через острую верхушку гребня справа по борту, и Мартин до упора надавил на рычаг высоты. Дирижабль нырнул носом вниз. Гребень на другой стороне был покатым, но достаточно высоким, чтобы полностью скрыть их за собой от прямой видимости вражеского дирижабля. По середине склона виднелась удобная выемка, похожая на кратер, и Мартин, видимо, направлялся именно туда, чтобы совершить посадку.

— Не переставай крутить педали, а то мы не сможем затормозить! — орал Мартин, вытянув голову за борт, чтобы лучше видеть кратер.

Указание Мартина оказалось весьма своевременным, так как Элли увидела, как они быстро приближаются к камням, и инстинктивно перестала крутить педали, чтобы по возможности замедлиться.

— Теперь на себя! — скомандовал Мартин.

Элли дёрнула со всей силы штурвал. Внизу что-то заскрежетало и гондолу кинуло резко вперёд. Мартин натянул рычаг высоты на себя, чтобы смягчить посадку. Гондола чиркнула дном по камням и затряслась. Малышка замерла на месте.

— Мягкая посадка, — дрожащим голосом проговорила Элли, отцепляя вспотевшие руки от штурвала.

Мартин освободился от ремня, спрятал подзорную трубу в карман и проворно выпрыгнул из гондолы на камни. Элли тоже начала с трудом отстегиваться, чтобы поспешить за Мартином, который уже карабкался по валунам к вершине гребня. Там он улёгся на живот и начал наблюдать за вражеским дирижаблем.

— Летит куда-то на юго-восток, — поделился он выводами от своего наблюдения с запыхавшейся Элли, улёгшейся рядом.

— Похоже, нас не увидели? — с надеждой спросила Элли.

— Похоже, что нет, — подтвердил Мартин. — Там, за холмом, должно быть, находится их юрта. Мы можем подлететь с другой стороны и посмотреть.

— Не лучше ли будет полететь дальше по своим делам? — удивилась Элли. — Они же, наверное, опасны, эти мухи?

— Очень опасны, — помрачнел Мартин. — Но у нас дома уже закончились все запасы патронов. Кекс был последним. Такой возможности может больше и не представится.

К ним уже подоспела Катерина в сопровождении Ластика.

— Грабанём их юрту? — с надеждой спросила Катерина.

— Да, если там никого нету, — подтвердил Мартин, неотрывно следя в трубу за

голубым дирижаблем. — Мы можем подлететь к холму с другой стороны, сделав дугу справа и летя на низкой высоте под прикрытием гряды. Так нам не придется ждать, пока их дирижабль полностью скроется из виду.

— Уверен, что это хорошая идея? — сердце у Элли лихорадочно колотилось от адреналина.

— Да не очкуй, я так сто раз уже делал, — воодушевил её Мартин и вскочил на ноги. — Полетели!

Он уже нёсся со склона вниз. Его зелёный галстук развевался позади, а голубая шляпа болталась на спине на веревочках. Остальные поторопились вслед за ним.

На этот раз за руль сел Мартин. Элли сразу же схватила подзорную трубу, не дав ему запрятать её обратно в рюкзак.

— Ластик может следить за мухами сверху, пока мы будем прятаться за грядой, — предложил Мартин. — Он маленький — с такого расстояния его не заметят.

— Точно, — сказала Элла. — Он может рассказывать мне, что видит через наушники. Ластик без слов взмыл вверх. Мартин оторвался от поверхности, и они медленно поплыли вдоль гряды.

— Пока всё в порядке, — передавала Элли разведывательную информацию от Ластика, увлеченно рассматривая всё вокруг в трубу. — Они не меняют курс.

Когда они подлетели к концу гряды, где она становилась совсем низкой и уже не могла полностью скрыть Малышку, Мартин затормозил.

— Уже улетели? — спросил он Элли.

— Ластик говорит, что они уже совсем далеко. Можно подлетать к холму.

Мартин включил передачу, и они поплыли дальше, всё ещё стараясь держаться как можно ниже. Достигнув обратной стороны холма, он мастерски припарковал Малышку в тени большого валуна.

— Только тихо, — прошептал Мартин, выпрыгивая из кабины.

Элли помогла спуститься Катерине. На вершине холма они снова упали на животы и стали разглядывать местность внизу по склону. Там, у подножия холма, одиноко стояла юрта. Она была полусферической формы, с белыми перекладинами, которые образовывали треугольный узор. Видимо, треугольники были прозрачными и служили окнами для тех, кто находился внутри.

— Вроде бы никого нет, — шептал Мартин. — Мы с Катериной сбегает вниз, а ты жди нас здесь. Если кого-нибудь увидишь, дай сигнал.

Не успела Элли возразить, как дети уже бежали вниз к юрте. Ну и ладно. Если уж её не взяли с собой, надо хотя бы с блеском выполнить порученную задачу. Она начала внимательно вглядываться в каждую тень и валун вокруг юрты, не забывая также о пространстве в небе. Её немного смущал длинный выступ холма, который закрывал обзор слева от юрты. И, как оказалось, не зря. Когда дети исчезли внутри, Элли заметила, как из-за скалы показался человек, медленно бредущий в сторону юрты. Элли спешно настроила фокус трубы на незнакомца. Это был смуглый высокий парень с лохматой причёской на голове. Одет он был во всё черное, а в правой руке Элли увидела у него **ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТОПОР!**

Элли запаниковала. Сердце, казалось, сейчас выпрыгнет из груди. Надо было что-то делать. По его походке было ясно, что он не заметил детей и, скорее всего, просто возвращался домой. Заорать, чтобы Мартин услышал и выбежал из юрты? Но тогда они

попадутся прямо ему в лапы. Надо было спасти детей во что бы то ни стало. Она выпрямилась во весь рост и бросилась к юрте, пока ещё не зная, что намеревается сделать. Ластик понял, что Элли действует импульсивно и необдуманно. Он сделался тёмно-бордовым и полетел ускоренно в сторону человека с топором, опережая Элли. Находясь в нескольких метрах от него, он внезапно издал пронзительный звук похожий на сигнал воздушной тревоги. Парень испуганно обернулся назад, и Ластик с размаху врезался ему в левый глаз. От оглушительного звука и неожиданной боли он охнул и осел на камни, хватаясь двумя руками за лицо. Ластик взмыл как можно выше вверх, намереваясь разогнаться для следующей атаки в пикировании.

— Мартин! — заорала Элли.

Дети, держа в руках добычу, уже бежали к Элли вверх по склону. Встретившись на середине, они дружно побежали к Малышке. Ластик, видя, что опасность миновала, пролетел мимо поверженного им противника, не спуская с него своих чёрных глазок.

— Стой! — орал муха, поднимаясь на ноги. — Я тебя убью, Мартин!

Но они уже были за холмом. Скинув добычу на свободное сидение, они забрались в гондолу, и Мартин начал набирать высоту. Неужели они смогли убежать? Элли часто дышала, пытаясь успокоить трепыхающиеся сердце.

— Крути быстрее, — командывал Мартин. — Он может кинуться за нами в догонку.

— Как в догонку? — Элли еще даже не успела перевести дух.

— У них там ещё один дирижабль стоит за скалой, — ответил Мартин.

Сердце опять заколотилось с бешеной силой. Катерина обернулась назад, высматривая погоню.

— Мне показалось, или он тебя знал? — спросила Элли. — Он, кажется, назвал тебя по имени.

— Меня тут все знают, — с гордостью ответил Мартин. — Нам надо спрятаться, чтобы он нас потерял. Крути, Элли. Спрячемся за той скалой.

Элли не надо было подгонять. Она и так выбивалась из сил, крутя проклятые педали. Мышцы на передней стороне бедра начали полыхать огнём от внезапной нагрузки.

Мартин петлял между гребнями, пока они не приблизились к высокой скале. Склон на другой стороне был почти отвесным и образовывал подковообразную форму. Подножие же было плоским и ровным. Он опять проделал свой манёвр с резким нырком вниз за стену. Когда они приземлились у подножия, Малышка была поставлена в плотную к отвесному склону. Амира достигла своего зенита и теперь клонилась к закату, так что скала бросала на землю густую тень.

— Переждём тут до вечера, а ночью полетим дальше, — предложил Мартин.

Элли была не против, так как её ногам требовалась серьёзная передышка. Она вылезла из гондолы и уселась на камни, переводя дыхание.

— Мы можем устроить пикник! — радостно крикнула Катерина, выкидывая из гондолы свой рюкзак и пакет с добычей из юрты. — Там есть жаренная курица и хлеб.

У Элли заурчало в животе. За последние пару дней она не ела ничего серьёзнее багелей и кекса. Растущий организм требовал мяса.

Катерина достала из своего рюкзака тонкое покрывало, и они вместе с Элли расстелили его у стены. Мартин бегал по округе с Ластиком, ища подходящие валуны для сидения: одни были слишком тяжёлые, а другие слишком не удобные.

— Ты бы лучше на разведку слетал, — сказала Элли Ластик. — Если за нами выслали

погоню, то камни нам уже не понадобятся.

— Ты права, — ответил Ластик и взмыл вверх, высматривая преследователей.

Элли тем временем помогла Мартину прикатить три отменных камня для сидушек, которые они расставили по кругу импровизированного стола.

— А Ластик? — заняла Катерина, расставляя свои чашки у каждого камня.

Пришлось искать еще один камень.

— Я вижу дирижабль, но он явно идет в неверном направлении, — услышала Элли в наушниках. — Я думаю, мы здесь в безопасности.

— Отлично, — ответила Элли, разделявая курицу на ровные порции. — Спускайся к столу. На сегодня мы навоевались.

Они устроились на камнях и начали с аппетитом уплетать курицу с хлебом. Горячий чай из термоса был самым вкусным чаем, который Элли когда-либо пила в своей жизни. По временам они обменивались друг с другом счастливыми взглядами. Всё-таки хорошая у них вышла команда.

— Почитаешь книжку? — спросил Мартин, когда они закончили трапезу и убрали за собой.

Он протянул ей зелёный томик. Элли облокотилась спиной о стену, а дети прижались к ней по бокам. Она открыла книжку и начала читать:

«Коротышки были неодинаковые: одни из них назывались малышами, а другие — малышками. Малыши всегда ходили либо в длинных брюках навыпуск, либо в коротеньких штанишках на помочах, а малышки любили носить платьица из пестренькой, яркой материи. Малыши не любили возиться со своими прическами, и поэтому волосы у них были короткие, а у малышек волосы были длинные, чуть не до пояса. Малышки очень любили делать разные красивые прически, волосы заплетали в длинные косы и в косы вплетали ленточки, а на голове носили бантики. Многие малыши очень гордились тем, что они малыши, и совсем почти не дружили с малышками. А малышки гордились тем, что они малышки, и тоже не хотели дружить с малышами. Если какая-нибудь малышка встречала на улице малыша, то, завидев его издали, сейчас же переходила на другую сторону улицы. И хорошо делала, потому что среди малышей часто попадались такие, которые не могли спокойно пройти мимо малышки, а обязательно скажут ей что-нибудь обидное, даже толкнут или, еще того хуже, за косу дернут. Конечно, не все малыши были такие, но ведь этого на лбу у них не написано, поэтому малышки считали, что лучше заранее перейти на другую сторону улицы и не попадаться навстречу. За это многие малыши называли малышей вообразульками — придумают же такое слово! — а многие малышки называли малышей забияками и другими обидными прозвищами.

Некоторые читатели сразу скажут, что все это, наверно, выдумки, что в жизни таких малышей не бывает. Но никто ведь и не говорит, что они в жизни бывают. В жизни — это одно, а в сказочном городе — совсем другое. В сказочном городе все бывает.»[3]

Элли с глубоким задумчивым видом изучала многообразие камней, массивных валунов и изящных волнистых трещин, украшавших каменистую поверхность этой далёкой планеты. Тени начали удлиняться от горных гребней в дали. На небе не было ни единого облачка. Когда Амира справа от них начала приближаться к горизонту, она сменила свой цвет на оранжевый, и голубые оттенки дневного света сменились смесью красного и синего. Небо окрасилось нежным лавандово-голубым оттенком, напоминающим акварельный рисунок, одновременно излучая теплое красновато-оранжевое свечение, вызывая образы ревушего

костра прохладной осенней ночью. Драматическая игра этих цветов создала закат, не похожий ни на что, виденное Элли на Земле. Небесное изображение придавало пейзажу мечтательный оттенок, как будто художник любовно смешал контрастные цвета огня и льда. Тени удлинились, и мир, казалось, окунулся в эфирное сияние.

Мартин смотрел под ноги, аккуратно ковыряя пяткой в одной из трещин. Его глаза были прикованы к яркому кристаллу, который искрился в глубине, словно звезда, замершая во времени. Катерина уютно расположилась, лёжа головой на коленях у Элли, и, словно котёнок, забавлялась маленькой ниточкой, торчащей из края её футболки.

— Если бы высокоразвитая внеземная цивилизация связались сейчас с нами, что бы ты у них спросил, Ластик? — спросила Элли, поглаживая одной рукой волосы Катерины.

— Я бы спросил, что там в конце: какое финальное знание нам нужно открыть, и что после этого будет? — ответил Ластик.

— Хочешь пройти игру до конца? — улыбнулась Элли. — А чтобы вы спросили? — обратилась она к детям.

— А я бы спросил, почему у нас с родителями так вышло? — ответил Мартин. — Жизнь такая короткая. Каждый момент неповторим. Детство, юность, зрелость, старость. Почему у нас так получилось? Это не справедливо.

Элли обняла его одной рукой и поцеловала в макушку.

— Вы мои бедняжки, — произнесла она с улыбкой.

— А чтобы ты спросила? — спросила Катерина.

— Незнаю, — пожала плечами Элли. — Мне просто было бы интересно узнать, что они видели, через что прошли. У них, наверное, очень захватывающая история, совершенно непохожая на нашу.

— Думаешь, они тоже пишут книжки? — спросил Мартин.

— Это может быть какая-нибудь совершенно непонятная нам форма жизни, — вставил слово Ластик. — Вроде разумного океана.

— На чём же тогда водичка в океане будет писать книжки? — захихикала Катерина.

— Может она будет все истории помнить наизусть. Люди же раньше передавали знания из уст в уста, — предположил Ластик. — Первую письменность изобрели шумеры всего лишь около 5 тысяч лет назад. Однако люди, неотличимые по виду и строению мозга от современных, появились примерно 300 тысяч лет назад.

Амира почти закатилась за горизонт, и на небе уже можно было разглядеть первые всполохи авроры.

— Пора, — сказала Элли. — Далеко ещё лететь?

— Пару часов, — ответил Мартин.

Сияние на небе было настолько ярким, что ориентироваться в небе не составляло никакого труда. Долетев до Красной горы, Мартин повернул на юго-запад и держал курс строго на какую-то только ему ведомую звезду на небе. Так они летели, пока вдаль не показалось множество огоньков от полусферических юрт, которые светились изнутри желтоватым светом.

— Ну вот, приехали, — произнёс уже сонный Мартин.

— Что это за поселение? — спросила Элли.

— Оно называется Букет, — ответил он. — Там ты сможешь поговорить со взрослыми.

Мартин посадил Малышку у группы дирижаблей на окраине поселения. Найдя свободное место, он привязал её к длинной перекладине рядом с другими. Они забрали из

гондолы все вещи и побрели по освещенным авророй улочкам. У одной из юрт Мартин остановился, отворил дверь и вошёл внутрь. Там их встречала рассерженная женщина.

— Мартин! — сердито сказала она, подбочинив руки.

— Мы вам Элли привели, — ответил Мартин и кинул свой рюкзак с шляпой в угол. — Я спать.

Он бесцеремонно отодвинул раздвижную дверь и зашёл вглубь юрты. Катерина последовала его примеру. Элли с Ластиком всё ещё нерешительно мялись у входа.

— Элли? — женщина округлила от удивления глаза, когда свет юрты высветил её лицо. — О боже! Элли!

Она закрыла рот одной рукой, а другой схватилась за спинку стула, чтобы не упасть в обморок.

10. Альбина

Женщина начала суетиться вокруг Элли, не зная, что ей предложить.

— Проходи... О боже... Дай на тебя посмотреть, — не переставала верещать женщина, захлопывая за ней дверь. — Я сначала подумала, что это очередная проказа Мартина, но... это действительно ты. Прямо как на фотографиях.

Она положила свои мягкие тёплые руки ей на щёки, убеждаясь, что это не наваждение.

— Садись. Хочешь кушать или пить? Устала? Может спать? — вспомнила она про сонного Мартина. — Давно ты на Кораре?

— Мы прибыли вчера вечером, — ответила Элли, смущаясь таким вниманием. — Ребята нас встретили у монумента и проводили сюда.

— О божечки, — женщина прикрыла рот рукой. — Монумент... Вчера же была годовщина. А мы и забыли. Значит учёные промахнулись в расчётах на 32 года?

Она хлопотала на кухне. Справа от входной двери юрты находился кухонный стол, вплотную приставленный к стене у треугольного окна. Ещё дальше по стене располагалась сама кухня с раковиной и приборами. Остальная часть юрты была огорожена стеной с раздвижной дверью, за которую ушли спать дети.

— Все уже спят. Давай я тебя чаем напою. Или сразу отдыхать пойдёшь? — нерешительно спросила женщина.

— Можно чай попить, — согласилась Элли. — У меня много к вам вопросов. Ещё только вчера я была на Земле, а теперь мне говорят, что я переместилась в будущее.

— Господи, господи, — причитала женщина. — Надо же так.

Она поставила перед Элли кружку с горячим чаем и начала вытаскивать отовсюду угощения.

— Меня зовут Альбина, — представилась она, ставя перед ней тарелку с умопомрачительно пахнущими беляшами. — Давай, кушай. Совсем худенькая. В чём душа только держится?

Она погладила Элли по голове и уселась рядом.

— Ну что тебе рассказать? Столько всего произошло.

— Всё с самого начала, — ответила Элли, откусывая небольшой кусочек пирожка, стараясь соблюдать этикет.

— Ну что, отправили они тебя в капсуле, а когда пришло время возвращать, ничего у них не получилось. Такой был скандал, — Альбина покачала головой, держась за щеку.

— А в чём была причина? — спросил Ластик.

— Решили, что ошибки в расчётах. Начали расследование, да не тут-то было. Что там началось, — она опять покачала головой. — Как ты знаешь, в то время много людей потеряли работу из-за ИИ. На планете было 10 миллиардов человек, и огромная часть из них стала просто не нужной. Развитые страны с естественно убывающим населением быстро смогли приспособиться, начав выплаты регулярных безусловных пособий, что позволило снизить напряжение в обществе. В остальных странах, конечно же, творился ад с репрессиями. Затем изобрели принтеры для еды и одежды, и ситуация стала более-менее стабильной.

Она тоже налила себе чаю, чтобы промакивать горло.

— После того, как тебя потеряли, радикальные политические силы во многих странах

объявили это грандиозным провалом Объединённого Совета и заговором против всего человечества. Правые, профсоюзы, нео-луддиты, ультрасы. Кого там только не было. Они воспользовались этим как предлогом, чтобы вывести людей на улицы. К ним присоединились все, кто не смог найти себе занятие по душе дома. Твоё лицо рисовали на флагах, как Че Гевару, — она нежно похлопала ладонями Элли по щекам. — Господи, какое же у тебя ангельское личико.

Элли покраснела от неловкости.

— Наступил такой хаос, — продолжала свой рассказ Альбина. — С людьми ничего нельзя было поделаться. Начали поговаривать о крахе государственной системы. Многие готовились к наступлению апокалипсиса. В свете этих событий правительству пришлось существенно сократить финансирование Объединённого Совета и срочно искать козлов отпущения. Полетело много голов. Исследования Корары на долгие года почти сошли на нет. Учёные продолжали слать сюда зонды и выяснять причину твоего таинственного исчезновения. Они надеялись найти хоть какие-то следы твоей капсулы. Однако об отправке новых людей, конечно же, речи идти не могло. Надо было понять, что не так.

Альбина сделала жадный глоток чая и продолжила:

— Наконец, один физик нашел ошибку в моделях и доказал это математически. Он выяснил, что учёные ошибочно не брали в расчёт временные измерения балка, и поэтому тебя могло переместить во времени. По его расчётам, ты должна была прибыть на Корару через 32 года после отправки. Он даже получил за это Нобелевскую премию.

Элли было лестно слышать, что из-за неё кто-то получил премию.

— Наступил ренессанс в исследовании Корары. Совету опять начали благоволить и накачивать деньгами. Новая попытка отправить сюда человека не заставила себя ждать. Его так же выбрали из числа обычных граждан. На этот раз всё прошло гладко. Совет начал отправлять на Корару исследователей и оборудование. Появились первые поселения.

— Мартин рассказывал про каких-то террористов. Это правда? — спросила Элли.

— Да, — кивнула Альбина. — В одной группе исследователей возник культ. Совет не обращал большого внимания на религиозные убеждения своих сотрудников, придерживаясь принципов свободы вероисповедания. Во время торжества у монумента 32 года назад, когда мы ждали твоего прибытия согласно расчётам, они совершили террористический акт и разом уничтожили все маяки на Кораре.

— Мартин сказал, что меня хотели убить? — осторожно спросила Элли.

— Это же фанатики, — развела руки Альбина. — Кто знает, что у них на уме.

— Ещё он сказал, что вы застряли здесь навсегда. Разве учёные не могут опять отправить сюда нейтрино через Пульсар и через него прислать новый маяк? — спросила Элли.

— Не могут, — горько вздохнула Альбина. — Это правда. Ещё в те тёмные времена было сделано одно маленькое открытие. Зонд с инфракрасным телескопом обнаружил тусклую звезду на небе, которая была совсем рядом с нами. Это оказался коричневый карлик в той же системе. Он вращается по вытянутой эллиптической орбите вокруг Амиры и Пульсара с наклоном в 10 градусов к орбитальной плоскости двойной системы. Такие звезды очень маленькие и тусклые, и светятся только в инфракрасном спектре, поэтому его и не видели с Земли. Масса у него сравнительно небольшая, всего одна сотая доли от солнечной. Однако даже небольшая гравитационная сила может со временем накапливаться и вызывать кумулятивный эффект, который может изменить ориентацию плоскости орбиты.

— Значит система нестабильна? — вмешался Ластик.

— Да, — поджала губы Альбина. — Воспользоваться гармонической конъюнкцией больше не получится из-за гравитационных возмущений, наводимых коричневым карликом.

Повисло тяжёлое молчание. Горло у Элли как-будто распухло, и она не могла проглотить больше и кусочка.

— Что же мне делать? — выдавила из себя Элли.

— Мы здесь уже привыкли. Это наш дом, — сказала Альбина, сочувственно глядя на Элли. — Может и ты приживёшься и когда-нибудь назовёшь Корару своим домом.

Элли залпом допила чай, судорожно размышляя, что ей теперь делать.

— Много здесь людей? — спросила Элли.

— Не очень много, — покачала головой Альбина. — В основном предки первых исследователей и их семей. Есть наше поселение. Некоторые семьи живут сами по себе в отдалении. Много отшельников и бродяг. У кульгистов раньше была довольно многочисленная коммуна на северо-западе отсюда. Культ со временем потерял былое влияние, и многие разбрелись.

— Почему же за такое время не смогли колонизировать всю планету? — спросила Элли.

— Надо понимать, что на этой планете мы чужаки, — ответила Альбина. — Мы зависим от мини-заводов для производства картриджей для принтеров, от термоядерных установок и очистных устройств для воды. Из-за высокой радиации, нам приходится регулярно пить иммуностимулирующие таблетки, чтобы не заболеть раком. Тут можно умереть от банального дисбактериоза, так что нам приходится содержать банк кала, чтобы спасти людей в случае чего. Люди стараются не удаляться друг от друга на большие расстояния и держаться вместе, пытаюсь быть полезными. Абсолютно в одиночку здесь выжить нельзя.

— А если выращивать что-нибудь? — спросила Элли.

— Почва на Земле по сути представляет собой умершие и перегнившие растения и живые существа, как мы с тобой, — ответила Альбина. — Мы привыкли рассматривать себя обособленно от природы, как отдельное существо, но мы всего лишь частичка Земли, её дети. Мы проистекаем из неё, питаемся ей и туда же и возвращаемся после смерти. На Кораре мы чужаки. Мы как-будто букет срезанных цветов, который поставили в стеклянную вазу на столе: вроде есть вода и кислород, и заботливая хозяйка растворила пакетик с питательным порошком, который ей дали в магазине вместе с букетом, но рано или поздно цветы завянут и умрут, потому что их корни не способны пробиться сквозь стекло и дать потомство.

— А червяки? Можно их есть? — спросила Элли.

— Червяки — это анаэробные одноклеточные существа на основе кремния, — ответила Альбина. — Наши тела построены на основе углерода. Мы абсолютно разные. Ещё на Земле учёные предлагали проекты генномодифицированных бактерий, которые могли бы питаться червяками и перерабатывать их во что-нибудь полезное для людей. Но от этих идей быстро отказались. Представляешь, что будет, если такая бактерия вырвется на свободу? Она просто убьёт всё живое на Кораре. Всю её уникальную экосистему. Мы даже, извини за мой французский, пострять здесь на свежем воздухе не можем. В нашем кишечнике живёт около двух килограммов бактерий, помогающие нам переваривать пищу. И это ещё не говоря о слюне, коже и даже слизистой глаза. Бактерии, микроскопические грибы, простейшие, вирусы. В нашем теле содержится больше микроорганизмов, чем клеток, принадлежащих

непосредственно нам. Земная жизнь настолько живучая, что какая-нибудь бактерия может с лёгкостью и без генных модификаций убить Корару.

— А откуда здесь кислород? Здесь же нет водорослей и растений. — спросила Элли.

— Он накопился в атмосфере естественным путём за счёт фотодиссоциации и выветривания горных пород, содержащих кислород, — ответила Альбина, промочив горло уже остывшим чаем.

— Фотодиссоциация происходит, когда солнечный свет расщепляет водяной пар на водород и кислород, — пояснил Ластик. — Но это очень медленный процесс. Кислород накапливался в атмосфере в течение долгого времени.

— Раз здесь нет организмов, которые могут его восполнять, как на Земле, значит он может кончиться? — тревожно спросила Элли.

— Кислорода в атмосфере очень много. Для текущей популяции его хватит на тысячелетия, — успокоила её Альбина.

Элли рассматривала крошки на столе, собирая их указательным пальцем в кучку. Назвать Корару домом и остаться здесь навсегда? В памяти возникла картинка её маленького уютного домика, утопающего в зелене. Ей померещился сырой запах мокрого после дождя леса. Глупые белки. Дурацкий базилик. Велосипед, одиноко покачивающийся на ветру ей вслед. Глаза защипало и слёзы выступили против её воли. Она уже не могла сдерживать судорожные рыдания. Альбина нежно прижала её к себе к груди и шептала на ухо слова утешения.

Уже была глубокая ночь.

— Идём, я тебя уложу у себя в комнате, — предложила Альбина. — Там тебе никто не помешает. Отдохнёшь. А я сама с детьми лягу.

Элли безропотно встала из-за стола.

— Я не буду пока никому говорить про тебя, а то тебе покоя не дадут, — говорила Альбина, похлопывая Элли по спине. — Кроме того, здесь есть люди, которые чувствуют себя на Кораре запертыми в западне. Понимаешь? Твоё появление может им дать ложную надежду.

Она отодвинула раздвижную дверь, и они вошли внутрь. За дверью было темно, но по щелям из-за зашторенных окон-треугольников было видно, что комната была просторная. Вокруг слышались детские сопения. Наверное, среди детей где-то были и Мартин с Катериной. Они на цыпочках, чтобы никого не разбудить, прошли в глубь, и Альбина выпустила её в комнату поменьше.

— Своих детей я отправлю с утра к сестре, а Мартину с Катериной скажу пока держать язык за зубами, — прошептала она, задвигая за собой дверь.

Они оказались в крошечной комнате, похожей на каюту космического корабля. Там была всего одна кровать, стоящая вплотную к стене, прикроватная тумбочка и полки прямо в стене. Альбина достала из встроенного шкафа свежее постельное бельё и полотенце.

— Прими пока душ, а я сменю бельё, — сказала она протягивая ей полотенце. — Одежду оставь здесь, я к завтрашнему дню всё постираю.

Прямо в комнате находилась душевая кабина. Выйдя из душа, Элли забралась в кровать прямо в полотенце. Зря она не взяла с собой рюкзак. Альбина вернулась в комнату забрать её грязную одежду.

— Отдыхай пока. Утро вечера мудренее, — сказала она, натягивая одеяло Элли по самые уши, как-будто боясь, что она замёрзнет.

— Альбина, — прошептала Элли, — я не могу просто так сдаться. Неужели ничего нельзя придумать?

— Я не физик, — сокрушенно пожала плечами Альбина. — Если тебе кто и сможет помочь, так это Элден. Но я понятия не имею, что он сможет сделать.

— Мне надо с ним поговорить, — оживилась Элли. — Вдруг всё ещё есть шанс.

— Завтра я попрошу кого-нибудь свозить тебя к нему, — прошептала в ответ Альбина, глядя её по голову. — Но не питай больших надежд. Столько лет уже прошло. Спи пока.

Альбина наконец оставила её одну. За шторкой в окне были видны отблески авроры. Элли не сводила взгляда с мерцающих отсветов пока не провалилась в сон.

12. Вонючка

Альбина не обманула — Элли никто за всё время не побеспокоил. Она спокойно проспала почти весь день до самого вечера. Проснувшись, она обнаружила у себя в ногах свои свежестырианные штаны и футболку. Она оделась и потихонечку вышла в большую комнату. Там никого не было, но занавески всё ещё были задернуты. Она прошла дальше и вышла на кухню, где Альбина хлопотала у раковины.

— Проснулась? — встретила её улыбкой Альбина. — Садись, давай. Кофе будешь или чай?

— Можно чаю, — улыбнулась в ответ Элли, садясь на тоже самое место, где она сидела вчера ночью.

На улице уже смеркалось. В окне она видела толпу детей, играющих в какую-то непонятную игру. Они то замирали на месте, то с хохотом разбегались друг от друга в рассыпную. Среди них был и Мартин. Катерина сидела поодаль с двумя другими девочками. Они рассадили вокруг круглого плоского камня своих кукол и поили их чаем.

— Мартин сказал, что они живут одни? — спросила Элли, глядя в окно.

— Ох, сиротки, — запричитала Альбина, ставя перед Элли тарелку с яичницей и беконом. — Такая у них трагедия в семье. Отец у них такой мужчина был — золотые руки. Что угодно мог починить. Только вот проблемы с гневом у него были. Однажды он избил свою жену до полусмерти прямо на глазах у Мартина.

— Какой ужас, — выпучила глаза Элли.

— Вот так вот, — вздохнула Альбина. — Потом то да сё, и в итоге они одни совсем остались.

— Кто же о них заботиться? — спросила Элли. — Мартин сказал, что они грабят каких-то мух.

— Ну фантазёр, — засмеялась Альбина. — Мы привозим им еду раз в месяц. Они наотрез отказываются покидать свой дом. Иногда мы забираем их сюда на каникулы или сами приезжаем к ним в гости. У меня своя орава детей, и мне сложно ещё и за ними уследить.

— А если с ними что-нибудь произойдёт? — не унималась Элли.

— У них есть прямая связь с Букетом для экстренных случаев, — успокоила её Альбина. — Если кто-то мимо проездом оказывается, обязательно навещает их. Да и диких животных у нас нет.

Элли начала уплетать свой поздний завтрак. К чаю Альбина положила ей большую сладкую плюшку.

— А что там насчёт того физика? — спросила Элли, впиваясь зубами в воздушную плюшку.

— Элдена? — напомнила Альбина.

— У вас есть с ним связь? Можно с ним поговорить? — спросила Элли.

— К сожалению, у нас нет с ним связи, — ответила Альбина. — Он живёт отшельником на северо-западе от Букета. Я могу попросить кого-нибудь свозить тебя туда.

— Я могу отправиться прямо сейчас, — сказала с готовностью Элли, торопливо допивая чай. — Вдруг я теряю время.

— Не торопись, — осадила её Альбина. — Лучше дождаться ночи, чтобы не привлекать

лишнего внимания. Тем более, надо сначала уложить Мартина с Катериной, а то, чего доброго, ещё увяжутся за тобой.

— Хорошо, — согласилась Элли.

Альбина убрала со стола, оставляя только тарелку с плюшками. Затем она заговорщицки посмотрела в окно.

— Я сейчас схожу загоню Мартина с Катериной домой, а ты их накорми и уложи спать, — давала указания Альбина. — Тем временем я отведу своих детей к сестре и поищу, кто сможет тебя отвезти. Договорились?

— Договорились, — кивнула Элли.

Альбина выбежала на улицу. Послышался строгий голос Альбины и недовольный крик детей, не желавших прекращать свою игру. Элли между тем нашла на полках две кружки, насыпала туда чайного порошка и залила кипятком. В дверь ворвались возбуждённые дети.

— Элли! — закричали они и кинулись её обнимать. — Ну ты и засоня!

Мартин скинул свою шляпу и залез на стул, увидя аппетитные плюшки. Катерина уложила свои куклы аккуратно в углу и последовала за ним.

— Проголодались? — улыбнулась Элли. — Наигрались?

— Мы никому про тебя не рассказали, — с гордостью сказал Мартин с набитым ртом.

— Молодцы. Я спала как младенец, — поблагодарила Элли.

— А Ластик где? — спросила Катерина.

— Действительно. А где Ластик? — спохватилась Элли.

Она достала из карманов наушники и вложила себе в уши.

— Ластик, ты где? — спросила Элли.

— Ты меня в комнате заперла, — послышался голос в наушниках.

— Я его в комнате заперла, — звонко засмеялась Элли. — Идёмте его спасать!

Дети засмеялись, выпили залпом свой чай и побежали за Элли. Прямо за дверью в Альбинину комнатку висел серый Ластик и терпливо ждал когда о нём вспомнят.

— Спасён! — заорали дети, обнимая Ластика.

— Почитать вам книжку? — предложила Элли, улёгшись в кровать.

Мартин побежал за книжкой. Расположившись поудобнее в кровати, она начала читать:

«В одном домике на улице Колокольчиков жило шестнадцать малышей-коротышей. Самым главным из них был малыш-коротыш, по имени Знайка. Его прозвали Знайкой за то, что он знал очень много. А знал он много потому, что читал разные книги. Эти книги лежали у него и на столе, и под столом, и на кровати, и под кроватью. В его комнате не было такого места, где бы не лежали книги. От чтения книг Знайка сделался очень умным. Поэтому все его слушались и очень любили. Одевался он всегда в черный костюм, а когда садился за стол, надевал на нос очки и начинал читать какую-нибудь книгу, то совсем становился похож на профессора.

В этом же домике жил известный доктор Пилюлькин, который лечил коротышек от всех болезней. Он всегда ходил в белом халате, а на голове носил белый колпак с кисточкой. Жил здесь также знаменитый механик Винтик со своим помощником Шпунтиком; жил Сахарин Сахаринич Сиропчик, который прославился тем, что очень любил газированную воду с сиропом. Он был очень вежливый. Ему нравилось, когда его называли по имени и отчеству, и не нравилось, когда кто-нибудь называл его просто Сиропчиком. Жил еще в этом доме охотник Пулька. У него была маленькая собачка Булька...»[3]

— Булька?! — Мартин громко засмеялся и просунул голову под руку Элли, чтобы

убедиться, что там написано именно это.

— Булька, — улыбнулась Элли, приближая к нему книжку в доказательство.

«...и еще было ружье, которое стреляло пробками. Жил художник Тюбик, музыкант Гуся и другие малыши: Торопыжка, Ворчун, Молчун, Пончик, Растеряйка, два брата — Авоська и Небоська. Но самым известным среди них был малыш, по имени Незнайка. Его прозвали Незнайкой за то, что он ничего не знал.»[3]

— Совсем ничего? — озабоченно спросила Катерина.

— Абсолютно, — грустно вздохнула Элли.

Вскоро дети уснули, а за окном совсем стемнело. Элли потихоньку высвободила руки из под детских голов и осторожно поднялась с кровати. Надо не забыть опять Ластика. Она на цыпочках вышла из комнаты и аккуратно задвинула дверь. На кухне её уже ждала Альбина.

— Уснули? — спросила она.

— Спят, — кивнула Элли. — Ну что, нашли проводника?

— Да, Вонючка тебя проводит, — ответила Альбина, — Вон он, на улице стоит, тебя ждёт.

— Вонючка? — удивилась Элли.

Она взглянула в окно и тут же отпрянула назад. На улице стоял тот самый лохматый парень, которого они вчера ограбили. Она вопросительно взглянула на Альбину.

— Он вчера ещё прилетел сообщить, что Мартин с кем-то на дирижабле по округе разъезжает, — сказала Альбина. — Хороший фингал вы ему, однако, поставили.

— А зачем ему топор? — испуганно спросила Элли.

— Какой ещё топор? — удивилась Альбина. — Здесь же нет деревьев. Может лопатка, чтобы кристаллы выкапывать?

Элли опять выглянула в окно. Теперь он не казался ей таким уж страшным, как в первый раз, и даже, скорее, симпатичным.

— А почему вы его Вонючкой называете? — удивлённо спросила Элли.

— Ну... потому что от него воняет, — развела руками Альбина.

13. Арктюр

Элли вышла на улицу и опасливо оглядела улицу. Было уже темно, и на улице никого не было. Она подошла к своему проводнику.

— Привет, — сказала она, привлекая его внимание.

— Элли? — он повернулся к ней и начал внимательно вглядываться в черты её лица в свете авроры. — Привет, меня зовут Арктюр.

Слава богу, у него было имя, и ей не придётся называть его Вонючкой.

— Альбина сказала, ты сможешь отвезти меня к Элдену? — спросила Элли, зябко скрестив руки на груди.

Под его левым глазом красовался здоровенный фиолетовый фингал, оставленный Ластиком. Ластик предусмотрительно прятался за спиной у Элли.

— На фотографиях ты выглядишь совсем по другому, — сказал Арктюр, продолжая разглядывать её. — Да... конечно, — смутился он. — Я отвезу тебя к Элдену. Следуй за мной.

Элли последовала за ним. Они молча петляли между юрт, пока не вышли к стоянке дирижаблей. Там кто-то громко смеялся и разговаривал. Они прошмыгнули мимо шумной компании и направились к дирижаблю с голубым баллоном. Арктюр проворно забрался в гондолу по веревочной лестнице. Элли начала неловко карабкаться за ним. Наверху он подал ей руку и втянул на сидение. Когда её лицо оказалось совсем близко к Арктыору, она незаметно принюхалась, пытаясь понять, чем он воняет. Но от него пахло лишь озоном и мокрым камнем, как и от всех обитателей Корары, которых ей удалось встретить за это короткое время.

— Значит, Элден? — спросил Арктюр, пристегиваясь ремнями безопасности.

— Альбина сказала, что это единственный физик на Кораре, который может мне помочь, — ответила Элли, усаживаясь в кресло.

— Не знаю, чем он сможет тебе помочь, — сказал Арктюр, набирая высоту, — но он, действительно, старейший физик на Кораре. Он прибыл сюда в числе первых исследователей. Если кто и сможет тебе помочь, то только он.

— Почему он живёт отшельником? — спросила Элли, налягая на педали.

— Он же террорист, — удивился Арктюр. — Разве тебе Альбина не сказала?

— Террорист? — изумилась Элли.

— Не просто террорист, а он был их лидером, — улыбнулся Арктюр. — Это он основал культ.

— Так это он пытался меня убить? — ошарашенно спросила Элли.

— Ну... технически да, — уже смеялся Арктюр.

— Что смешного? — разозлилась Элли. — Вы с Альбиной сговорились, чтобы меня отдать в его руки? Поэтому вся эта конспирация?

— Да успокойся ты, — посерьёзнел Арктюр. — Он безобидный. Он тебя не тронет. Правда, не знаю, будет ли он тебе помогать, если вообще может помочь. Но если не он, то никто.

Повисла тишина. Элли разглядывала звёзды, проступающие за авророй.

— Куда мы летим? — прервала тишину Элли.

— На ту звезду, — ответил Арктюр, показывая пальцем на яркую звезду, чуть выше

Млечного Пути. — Северо-запад от Букета.

Элли поёжилась от холода. Арктюр повернулся, вытянул с заднего сидения тонкое одеяло и протянул Элли.

— Спасибо, — поблагодарила его Элли, накидывая одеяло на плечи. — Прости, что тебе... это... ну... синяк поставили.

— Мы думали ты одичавший каннибал, — вставил слово Ластик, прятаясь всё это время сзади с отключенной подсветкой.

Арктюр подпрыгнул от неожиданности.

— Вот что значит это было, — произнёс он, таращась на Ластика. — У нас ассистентов почти не осталось. А я думал, ты в меня камнем запустила.

— Я не такая кровожадная, как Ластик, — залилась звонким смехом Элли. — Дай ему волю, так он бы всё человечество поработил.

— Это не правда, — покраснел Ластик. — Мартин нас ввёл в заблуждение.

— Да ничего, — махнул рукой Арктюр. — Когда я его поймаю, я ему жопу надеру. Они все мои сэмплы со стола уронили, и мне пришлось их заново сортировать.

— А чем ты занимаешься? — сменила тему разговора Элли.

— Я хочу стать учёным, — ответил Арктюр, сосредоточенно держа штурвал двумя руками. — Про тебя не спрашиваю: про тебя все знают.

Элли смутилась. Было странно чувствовать себя рядом с незнакомцем, который всё про тебя знал.

В отличие от Мартина, Арктюр летел довольно высоко, чтобы не заморачиваться с маневрированием между грядями. Мартину, видимо, петляние и добавляло веселья. Они спокойно летели вперёд, наслаждаясь представлением на ночным небом.

— Я заметила, здесь почти не бывает облаков, — попыталась завести разговор Элли.

— Такой климат, — подтвердил Арктюр, сконцентрировано глядя вперёд. — Корара вращается медленнее Земли, к тому же ось вращения перпендикулярна орбите. Высоких гор нет, океанов нет, вся вода под поверхностью. От этого климат стабильный почти по всей планете.

Опять повисла тишина. Разговор явно не клеился. Элли кусала нижнюю губу, копаясь в пыльных закоулках своего мозга, чтобы найти хоть какую-нибудь тему для беседы. Какой неразговорчивый попался. От кручение педалей ей стало жарко, и она скинула с себя одеяло.

— Необычное у тебя имя, — решила сделать комплимент Элли.

— Это мне мама его дала, — ответил Арктюр. — В честь звезды на которую мы летим.

— Серьёзно? — развеселилась Элли. — Какое совпадение.

— С Земли её тоже видно, — подтвердил Арктюр. — Это одна из ярчайших звёзд на небе.

Пропеллер монотонно шуршал в ночном воздухе.

— Если бы инопланетная раса связалась бы сейчас с нами, чтобы ты у них спросил? — спросила Элли.

— Я бы спросил, почему люди такие злые? — ответил Арктюр.

— Да, — вздохнула Элли. — Как бы было прекрасно, если бы люди относились друг к другу по доброму, с заботой. Мы бы, наверное, тогда оказались в раю.

— Именно, — с жаром сказала Арктюр, взглянув на неё. — Мы себя сами, по доброй воли, лишаем этого рая. В этом и состоит божественная трагедия. Земля — это тот изначальный Эдем, куда Бог поместил Адаму и Еву.

— Но ведь это же был сад. Конкретное место где-то между Тигром и Евфратом, — недоверчиво сказала Элли.

— «Из Едема выходила река для орошения рая и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Тигр: она протекает пред Ассирией. Четвёртая река Евфрат», — без запинки процитировал Арктюр. — Я делал исследование по поиску географического положение земного рая.

— И как? Нашёл? — с интересом спросила Элли. — Расскажи.

— Тигр и Евфрат все знают, — начал он свой рассказ. — Место между этими реками называют Месопотамией или междуречьем. Это колыбель древнейших цивилизаций на Земле, таких как Шумеры, Вавилония и Ассирия. А вот две другие реки, Фисон и Гихон являются главным предметом спора. Некоторые думают, что Гихон — это Нил, так как он обтекает землю Куш, то есть Эфиопию. Реку Фисон сравнивали с Индом или Гангом, и даже с Дунаем. Но в этом случае непонятно, как четыре реки могут питаться из одного источника. Были сделаны предположения о возможном расположении Эдема в Армении. Армянские реки Аракс и Кура могли быть Фисоном и Гихоном, к тому же армянское нагорье находится на границе Месопотамии. Судя по фотографиям, это очень красивая страна, но рая там, к сожалению, исследователи тоже не нашли.

Ещё одним возможным местом называют Персидский залив, куда впадает множество рек, включая Тигр с Евфратом. По другой теории, Эдем оказался на дне Персидского залива из-за стихии. Около 6 тысяч лет назад его могло затопить, что перекликается с легендой о Всемирном потопе. О местонахождении Эдема и его рек до сих пор ведутся споры.

— Ну так, а ты-то к какой теории склоняешься в итоге? — допытывалась Элли.

— А знаешь, где еще есть 4 реки, проистекающие из одного источника? — спросил Арктюр.

— Где? — заинтригованно спросила Элли.

— В нашей Галактике, — ответил Арктюр, подняв указательный палец на ночное небо. — В Млечном Пути.

— В нашей Галактике? — недоверчиво переспросила Элли.

— Так точно, — ответил самодовольный Арктюр. — В Млечном Пути есть четыре крупных спиральных рукава: два главных — рукав Центавра и рукав Персея, и два вторичных — рукав Наугольника и рукав Стрельца.

— То есть в Библии под реками подразумевались рукава нашей Галактики? — скептически спросила Элли. — Даже современная наука еще не способна посмотреть на нашу Галактику со стороны.

— Не думаю, — покачал головой Арктюр. — Но эта идея натолкнула меня вот на какую мысль. Что, если Земля и есть Эдем? Тот райский сад? Учёные потратили века на его поиски, в то время как он всегда был у них прямо под носом.

— Но там же были какие-то особые деревья, если мне не изменяет память, — нахмурилась Элли. — Одно из них давало вечную жизнь. И где же это дерево теперь? Если Земля — это рай, то почему люди мучаются и умирают?

— После смерти мы перерождаемся в том или ином виде. Наши тела превращаются в прах и уходят в почву и воздух. Из этого праха рождаются новые существа. Чем тебе не бессмертие?

— Это ты рассказываешь про круговорот веществ в природе, — возразила Элли.

— А передача генетической информации? — продолжал Арктюр. — Наше бессмертное ДНК. Спираль с информацией о каждом уголке нашего организма. Это ли не чудесное Древо Жизни? Мы занимаемся любовью, чтобы возродиться в генах наших детей. Мы бессмертны, пока наш род жив. Адам с Евой жили пока ели плоды с этого дерева.

— А как же наше сознание? — не унималась Элли. — Если я умру, то вот я была, и вот меня нет и никогда уже не будет. Не слишком ли это жестоко со стороны Бога поступать так с райскими созданиями?

— Мы многого ещё не знаем, — покачал головой Арктюр. — Но я хочу надеяться, что «рукописи не горят». Хочется верить в закон сохранения информации. Что для нас существует некий план — непостижимый план, который выше нас.

— Замысел, — кивнула Элли.

— Кто знает, может быть, это не такая уж и великая трагедия — перестать существовать как человек и просто перейти в другую форму бытия во Вселенной, — пожал плечами Арктюр.

Аврора пылала с невероятной силой, отражая красные, синие и зелёные всполохи на мечтательных лицах двух молодых людей, парящих над поверхностью далёкой планеты, зачарованных магией её неба. Пульсарный ветер, должно быть, был особенно мощным этой ночью.

— Это мне напомнило одно очень грустное стихотворение, которое мне случайно попало в Интернете, — сказала Элли. — Я его даже запомнила наизусть.

— Прочитай, — попросил Арктюр.

«Стать пеплом,

Ничем,

Нолью земной,

Пустотой,

Поменять на ту боль, которая разрывает на части,

На адские куски,

Я не могу тебя спасти,

Мой,

С крыльями,

Маленький,

Моё счастье,

Мой,

С крыльями,

С ясной душой,

Лети.

Спиши меня, Господи,

Спиши,

Вычеркни из списка — я не близко,

Я очень далеко,

И я не хочу ничего в этом странном раю,

И я не хочу ничего,

Просто стать пылью земной,

Пустотой,

*Парить над собой,
Стать рекой,
Водой,
Океаном,
Кормить собою рыб,
Добрых и злых,
Стать счастьем их, и с новой весной,
Родиться травой,
И просто не чувствовать,
Быть,
А можно и не быть,
Травой.»[4]*

Гондола плавно покачивалась, следуя такту их слаженных движений педалей. Элли наблюдала за своей рукой, медленно поворачивая ладонь в разные стороны, словно выбирая удачный ракурс. Оранжевые и малиновые отблески, рожденные магией авроры, играли на её коже, рисуя пленяющие узоры. В тот момент казалось, что она касается самого сердца космоса, и его бесконечная красота отражается в мерцающем свете, ласкающем её руку.

— Или вот, например, по теории Большого отскока, — прервал тишину Арктюр, — наша Вселенная претерпевает бесконечное количество расширений и сжатий. То есть, возможно, мы бесконечно проживаем одну и ту же жизнь на каждом этапе расширения Вселенной после очередного Большого взрыва. Ты умираешь, твой свет выключили как рубильником, и вот через мгновение ты уже опять кричишь младенцем на руках своей матери. Хотя для этого все случайности должны повториться в идеальной последовательности, а иначе конкретно ты опять не появишься.

— Наверядли такое возможно в природе с её квантовыми эффектами, — усомнился Ластик, до этого не вмешивающийся в беседу.

— Может мы переродимся в других телах. Как реинкарнация в индуизме, — пожал плечами Арктюр. — Не надо еще забывать про научные достижения. Скоро мы научимся не умирать совсем. Медицина уже сейчас продлевает наши жизни на долгие лета.

— Но как же тогда все те люди, которые жили и умерли до нас? И все те, кто не успеет дождаться эликсира бессмертия? — не унималась Элли.

— Возможно, будущие поколения смогут воскресить их по ДНК. Как динозавров, — опять пожал плечами Арктюр.

— Ну хорошо. А что же тогда второе дерево, от которого Адам с Евой съели яблоко? Что это значит? Из-за этого же нас прогнали? — спросила Элли.

— Древо Познания Добра и Зла, — оживился Арктюр. — Яблоком этот плод изображают христиане из-за схожести латинских слов «грех» и «яблоко». К тому же появляется прекрасная аналогия на древнегреческий миф о яблоке раздора. Большинство специалистов сходятся к тому, что Древом Познания было всё-таки фиговое дерево, а плодом был инжир.

— О, я слышала, что инжир опыляется за счет особых ос, которые совокупляются внутри плода и не могут делать этого в других плодах, — блеснула Элли эрудицией. — Это поэтому некоторые думают, что первородным грехом был секс Адама и Евы?

— «...и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь...» — с выражением процитировал Арктюр. — Это устаревшая точка зрения. Существует множество толкований этого сюжета.

Католики считают, что плод не мог быть злом, так как всё созданное Богом было хорошим. Они видят в этом сюжете лишь акт неповиновения Адама и Евы, что привело к беспорядку.

В православной интерпретации, человек присваивает себе не принадлежащее ему право решать, что такое добро и зло, то есть узурпирует право Бога, становится на путь дьявола: пытается сделать себя равным Богу.

Согласно Книге Зоар, всё находилось в совершенной гармонии до тех пор, пока не пришёл Адам и не разрушил это, положив начало злу, что содержалось внутри Древа Познания.

В иудаизме, поедание фрукта с Древа Познания символизирует начало смешения добра и зла вместе. До этого момента добро и зло существовали независимо. Зло было лишь туманной сущностью, отделенной от человека, и желать его было не в человеческой природе. Поедание запретного плода изменило это, и таким образом родилось злое начало.

— Ну а по твоему? — нетерпеливо спросила Элли. — Что же произошло?

— На мой взгляд это аллегория на один гаденький внутренний конфликт, с которым мы часто сталкиваемся в нашей жизни, — ответил Арктюр. — Однажды одному солдату приказали отвести подальше в лесок пленного немца и там его расстрелять. Ведёт солдат немца, тыкает ему в спину винтовкой, а тот покорно идёт вперёд, поднимая руки вверх. Вот зашли они уже достаточно глубоко в чащу. Солдат останавливается. Немец тоже останавливается и поворачивается к нему лицом. Он не плачет, не кидается на колени, прося помиловать, а просто стоит, зажмурив глаза, с нелепо поднятыми вверх руками и ждёт жаркого укола в своё тело, который закончит всё это. А солдат стоит, смотрит на него и про себя думает мысли.

Совесьть его — его внутренний Бог — кричит ему: «Нельзя! Это же великий Грех! Он же такой же человек, как и ты. Видишь, у него нет ни рогов, ни хвоста. Просто не делай этого!»

Но тут другой голос, с уничижительным смешком: «Чего? Грех? Что это вообще за категория такая религиозная? Представь, что ты сидишь на суде, а прокурор тебя спрашивает, не думал ли ты тогда, что совершаешь «грех», когда расстреливал того фашиста? Весь зал бы взорвался от хохота, а адвокаты бы начали презрительно протестовать.»

А тут Родина берёт голос: «Ты же воин! Защитник! Твою отчизну попрали враги! Не ты на них напал, они сами к тебе домой с мечом пришли и от меча должны погибнуть! Ты на своей земле! Это твой священный долг!»

А голоса убитых и изнасилованных близких ей вторят, плача: «Ты... ты еще смеешь думать? Кто... кто же за нас тогда отомстит? Он думал, когда убивал нас и насиловал? Терзался ли он муками совести?»

И конечно же офицеры: «Ты что же это, вша подзалупная, приказа посмеешь послушаться?! А может ты предатель?! Может ты сам фашист?! Сам к стенке встать хочешь?! Ради этой мрази?!»

Боевые товарищи, хихикая: «Да ты струхнул, никак, браток? Пиздёнку что ль отрастил? Как мы теперь сможем на тебя положиться? Как тебе доверять после этого?»

И вот все эти голоса по кругу проносятся в голове у солдата, крутятся в головокружительном хороводе всё быстрее и быстрее, сливаются воедино в сущность, которая плотно обвивает его тело и разум. Оно плещит ядом и шипит: «Убей!»

Как думаешь, выстрелит или отпустит?

Элли задумчиво рассматривала мерцание разноцветных отблесков на гребнях,

поднимающихся на горизонте.

— То есть нас прогнали, потому что мы стали злыми? — спросила она.

— Нас никто из рая не выгонял. Нам была дана свобода воли и завет не делать зла. Как часто мы принимаем «сложные» решения, заведомо зная, что это то самое библейское зло? Мы привыкли игнорировать голос совести, как глупое детское предубеждение. «Мы же взрослые люди», — думаем мы. — «Не всё так просто и однозначно. Мир не чёрно-белый, сынок. Всё относительно.» В каждый из таких моментов мы повторяем тот самый первородный грех Адама, налагаем на себя его проклятие, и все дальше отдаляем себя от земного рая. Нарушаем внутреннюю гармонию. Прячем своих любимых за тремя дверьми, вооружаемся до зубов. Сами себя лишаем возможности наслаждаться тем, что нас окружает. Сами себя кидаем в пучину страданий. А самое главное — множим это зло и передаем его своим детям, чтобы всё повторилось по кругу. Наше текущее духовное состояние и является состоянием «изгнания из рая».

— Хм, тогда выходит, какой-нибудь отшельник или Робинзон на необитаемом острове способен познать истинный рай, раз там нету людей, и никто не сможет причинить ему зла? — рассуждала Элли.

— Наверное, ему станет грустно одному, — развел руками Арктюр, не отрывая взгляда от горизонта.

— А что, если он будет там жить со своей женой? Найдут же они общий язык, — предположила Элли.

— Так будет наверняка веселее, — улыбнулся ей Арктюр.

— Хотя у них, наверное, родится много детей. Они начнут конкурировать за любовь родителей, а это козни и бесконечная месть по кругу. В результате райский остров превратится в ад, — погрустнела Элли.

— Только если они выберут этот путь, — попытался приободрить её Арктюр.

Элли теребила свой паракордовый браслет на запястье и раздумывала над сказанным.

— Ты не устал? — спросила Элли.

— Нет, — покачал головой Арктюр. — Мне нравится летать ночью. Очень красиво. Если хочешь, поспи.

— Я весь день сегодня проспала, — улыбнулась Элли. — Может, просто сделаем привал? Размяться и отдохнуть ногам.

— Хорошо, — согласился Арктюр. — Поверхность здесь везде плоская. Можно хоть прям у тех камней.

Арктюр развернулся к указанному месту и, зависнув прямо над ним, медленно спустил дирижабль почти до самой земли, чтобы не пришлось пользоваться верёвочной лестницей.

— Можно развести костёр и согреть кофе, — предложил Арктюр, помогая Элли спрыгнуть вниз.

— Костров здесь я ещё не видела, — улыбнулась она.

— Кристаллический гидрид кремния, — ответил он, доставая с заднего сидения рюкзак. — Он образуется из омертвевших червяков в условиях высокого давления окружающих пород и сравнительно высокой температуры. Он медленно горит и не взрывается, как силан на Земле.

Элли ничего не поняла, но с умным видом кивнула головой. Она помогла ему расстелить одеяло и стала с интересом наблюдать за процессом розжига костра покораровски. Арктюр сделал из камней небольшой круг и высыпал в середину белых

кристаллов из мешка. Затем он поджог их зажигалкой. Кристаллы вспыхнули ровным зелёно-голубым пламенем. Элли приблизила свои руки к огню, проверяя, действительно ли от него идёт жар.

— Даже огонь другой, — улыбнулась она и взглянула на Арктюра.

— Согреем кофе? — спросил он и улыбнулся в ответ.

Он достал небольшой кофейник и подставку с длинными ножками, позволяющие ставить её прямо над кристаллами. Затем он налил в кофейник воды из бутылки и всыпал туда горсть порошка из пакетика. Они уселись рядом на одеяло и уставились на огонь.

— А у меня кое-что есть для тебя с Земли. Подарок, — встрепенулась Элли, доставая шоколадный батончик из кармана. — Мартин сказал, что у вас нет шоколада.

— Ух ты, — обрадовался Арктюр, принимая угощение. — Спасибо.

Он порвал упаковку и откусил кусочек от полурасплавленного батончика.

— Как вкусно, — сказала он, чавкая от удовольствия. — Я про шоколад только в книжках читал.

Видя, как он откусывает от батончика и, сведя брови, внимательно разглядывает срез, Элли залилась хохотом.

— Что? — недоумевающе уставился на неё Арктюр.

— Забавно, как ты рассматриваешь каждый укус, прямо как Мартин, — ответила Элли, прикрывая рот рукой.

Арктюр смутился и быстрым движением закинул остатки себе в рот. Но тут же опомнился.

— Надо было, наверное, тебе оставить? — сказал он, ещё больше смущаясь. — Это может быть последняя шоколадка на всей планете.

— Обойдусь, — махнула рукой Элли.

Она легла на спину, чтобы лучше видеть аврору и звёзды. Во время полёта на дирижабле баллон закрывал часть неба, не давая насладиться полной картиной.

— Ты хотел бы вернуться на Землю? — спросила Элли.

— Не знаю, — пожал плечами Арктюр, проверяя кофейник. — Там так много людей. Конечно, интересно было бы посмотреть на свою родину, но не думаю, что хотел бы там остаться. Я здесь уже привык.

— А я скучаю по своему домику, — вздохнула Элли.

— Уютный у тебя домик, — подтвердил Арктюр. — Из него музей сделали.

— Что?! — Элли аж приподняла голову.

Арктюр улёгся рядом.

— Что будешь делать, если Элден не сможет тебе помочь? — спросил он. — Тебе совсем здесь не нравится?

— Незнаю, — пожала она плечами. — Глупо не попробовать все варианты. Что я здесь буду делать?

— Можешь тоже стать учёным, — ответил Арктюр. — Или инженером. Найдём на Кораре полезные ископаемые, построим шахты, заводы. Может, однажды сделаем ракету и полетим к следующей звезде. Или даже галактике.

— Огромные у тебя планы, — улыбнулась Элли.

Кофейник запыхтел. Арктюр поднялся, разлил кофе и протянул Элли стакан. Из рюкзака он вытащил половину кекса и положил на одеяло.

— Жаль, что у вас нет молока, — вздохнула Элли, беря кусок кекса.

Бодрящий напиток был как нельзя кстати после долгой физической нагрузки. Кристаллы уже почти догорали и пламя стало совсем бесцветным.

14. Уга-Чага

— Хочешь, научу тебя управлять дирижаблем? — вдруг предложил Арктюр.

— Хочу, — кивнула Элли.

Они собрали лагерь и погрузили вещи в дирижабль.

— Я уже немного умею, — призналась Элли, пристёгиваясь за капитанским креслом. —

Правда, всё ещё трудно держать курс на одной линии. Постоянно вихляю.

— Со временем учишься его чувствовать, — приободрил её Арктюр. — Главное, не пытаться слишком сильно командовать, и он начнёт тебя слушаться.

Элли подняла дирижабль на достаточную высоту. На этот раз вырлиться на курс было гораздо легче.

— Если хочешь, поспи. Я-то весь день подрыхла, — предложила Элли. — Я буду держать курс на твою звезду.

— Нам надо... в одном месте сделать небольшой крюк, — признался Арктюр. — Скоро будет территория культистов. Нам нужно будет объехать их поселение.

— Они опасные? — испугалась Элли. — Альбина сказал, что их коммуна распалась.

— Они превратили её в притон, — поджал губы Арктюр. — Злчное место. Лучше держаться от них подальше. Никогда не знаешь, что может прийти им в голову. Держи пока курс на звезду. После расщелины нужно будет повернуть направо на 45 градусов.

— Во что они верят? Зачем взорвали маяки? — спросила Элли, всё ещё обеспокоенная близкой опасностью.

— Они называют себя вестниками, — ответил Арктюр. — Они пьют ядовитую воду с червяками и думают, что так общаются с богом.

— Альбина сказала, что червяков есть нельзя, — озадаченно сказала Элли.

— Червяки выделяют вещества, которые разъедают породу, — пояснил Арктюр. — Из продуктов разложения они берут всё им необходимое. Если съесть червяков, то технически они просто не переварятся и выйдут в неизменном виде. Но те вещества, которые они выделяют, довольно токсичны для человека.

Впереди показался тёмный зев расщелины, который находился перпендикулярно их курсу. Подлетая ближе, Элли увидела несколько голубых огоньков на самом дне.

— Что это? — спросила она, поворачивая на 45 градусов, согласно инструкции. — Похоже на костры.

Арктюр высунулся из гондолы почти на полкорпуса, всматриваясь вниз.

— Заметили нас? — дрожащим голосом спросила Элли.

— Неужели они нас ждали? — злобно проговорил Арктюр.

— Может они нас не видели? — с надеждой спросила Элли. — Просто отдыхают на природе. Попробуем спрятаться?

— Надеюсь, ты права. Давай поменяемся местами, — предложил Арктюр, повернувшись к ней.

Они неловко перелезли друг через друга, держась за широкие ремни крепления баллона.

— Попробуем спрятаться за той высокой грядой, — сказал Арктюр.

Он направил дирижабль к спасительному укрытию. Они дружно налегли на педали, стараясь как можно скорее скрыться из виду.

— Ты тоже это слышишь? — спросила Элли, внимательно прислушиваясь. — Мне

кажется, я что-то слышу.

Звук пропеллера мешал разобрать странный ритмичный гул, идущий откуда-то сверху. Элли отстегнула ремни безопасности и высунулась подальше из гондолы, чтобы разглядеть за баллоном небо над ними. Ничего не было видно.

— Слышу, — опять озлобился Арктюр. — Нас ждали. Значит, кто-то проболтался.

Теперь низкий и гулкий звук стал совсем легко различим.

— Уга... чага... уга... чага... — равномерно и ритмично доносилось откуда-то сверху и позади.

— Сволочи, — прорычал Арктюр.

— Ластик, ты что-нибудь видишь? — от волнения голос Элли дрожал.

— Они прямо за нами, — ответил Ластик. — Прячутся в нашей мертвой зоне. Из семеро.

— Уга... чага... уга... чага... — звук становился громче.

Наконец преследователи выровнялись с ними по высоте, и Элли смогла увидеть позади дирижабль с чёрным баллоном. Он был намного больше их, и людей там явно было больше, чем положено. Звук исходил от пассажиров, сидевших в креслах, которые громко повторяли свою мантру и ритмично крутили педали в унисон. Прямо на бортике гондолы стоял парень в чёрной пыльной одежде и расплывался в безумной улыбке. По всей видимости, это был их капитан. Правой рукой он держался за сетку баллона, а левой, казалось, дирижировал оркестром.

— Вперёд, мои псы войны! — орал он во всю глотку, протягивая свою руку в направлении Элли. — Уга! Чага! Уга! Чага!

— Скоты, — рычал Арктюр.

— Сможем оторваться? — Элли уже выбивалась из сил, крутя педали.

— Нет, — отрезал Арктюр. — Это шестиместный дирижабль с двумя винтами. Нам никак от них не уйти.

— Быстрее, мои стражи хаоса! — кричал злодей в исступлении, артистично вздымая левую руку. — Покажите им мощь нашей адской орды! Растерзаем этих несчастных, неведающих, заблудших овец! Оросим святую землю дождём из крови жертвенных агнцев! Их судный час настал! УГА! ЧАГА! УГА...

Он всё быстрее повторял мантру, заставляя своих «стражей хаоса» крутить педали быстрее. Чёрный дирижабль стремительно поравнялся с ними, и Элли уже могла разглядеть людей в гондоле. Это были в основном молодые люди и подростки в оборванной одежде. За штурвалом сидела девушка с русыми сальными волосами и, смотря строго вперёд, как робот, повторяла мантру за всеми.

В руке у капитана показался абордажный крюк с верёвкой на конце.

— На штурм небес! — бешенно орал злодей. — Их оплоты рухнут под нашим напором и мы испьем их крови и пожрём их тела!

Арктюр попытался увернуться, но дирижабль не мог делать быстрых манёвров. Капитан ловко метнул крюк, и тот зацепился за борт прямо рядом с Элли. Он занял удобную позу, перекинув правую руку в локте через ремень крепления, чтобы иметь возможность использовать обе руки, и начал тянуть добычу на себя.

— Попробуй отрезать верёвку, — посоветовал Ластик, наблюдая за происходящим своими чёрными глазками, торчащими из-за борта гондолы.

Элли пошарилась в кармане и выудила оттуда свой швейцарский перочинный ножик.

Она судорожно начала перерезать верёвку. Верёвка была тонкой, и ей удалось это сделать довольно легко. Обе гондолы резко качнулись в стороны, так что злодей едва удержал равновесие. Арктюр начала резко снижать высоту, чтобы уйти с линии атаки.

— Ах вот вы как?! — рассердился капитан, цепляясь за сетку, чтобы не упасть. — Ну тогда не будет вам никакой пощады! Взметнитесь ввысь, мои крылатые всадники апокалипсиса!

Чёрный дирижабль быстро взмыл вверх и исчез из поля зрения.

— Что им от нас надо? — Элли вся дрожала от страха. — Зачем они это делают?

— А зачем вы меня ограбили? — злобно ответил Арктюр. — Развлекаются.

— Что нам делать? — с округленными от ужаса глазами спросила Элли.

— Ластик лучше спрятаться, — торопливо ответил Арктюр.

Не успел он этого договорить, как сверху, слева от них, послышался громогласный хор команды дьявольского дирижабля, озлобленной своей последней неудачей.

— УГА-ЧАГА-УГА-ЧАГА-УГА-ЧАГА... — очень быстро повторяли они.

— НА ТАРАН! — яростно вопил их капитан.

Вот зачем они улетели вверх: чтобы набрать скорость и протаранить своих несчастных жертв. Нос гондолы чёрного дирижабля с размаху врезался в их борт со стороны Арктюра. Ремень, державший сетку баллона слева, лопнул, и их закрутило волчком. Если бы не ремни безопасности, то они бы попросту вывалились наружу. Арктюр до упора нажал на руль высоты, чтобы спуститься как можно ниже и обеспечить мягкое падение. Управлять дирижаблем было уже невозможно.

— Держись! — крикнул Арктюр.

Это было последнее, что услышала Элли перед чудовищной силы ударом о скалы. Она потеряла сознание.

— Наш трофей! — радостно гromыхал чей-то голос над Элли.

Она приоткрыла глаза. Кто-то её схватил и положил себе на плечо. Голова раскалывалась. Краем глаза она увидела Арктюра, без сознания лежащего на камнях.

— Отпустите их дирижабль, — услышала она чьё-то распоряжение.

Элли увидела, как их голубой дирижабль, с болтающейся на трёх ремнях гондолой, медленно уплывает в небо. Она опять потеряла сознание.

16. Священная Хаома

— Элли, — послышалось откуда-то издалека. — Элли, у тебя всё в порядке?

Звук исходил из наушников. Это был Ластик.

— Вроде бы да, — ответила она, открывая глаза и пытаясь понять, где она находится.

— Что ты сказала? — рядом стоял главный злодей и, улыбаясь, смотрел на неё сверху вниз.

— Не говори ему про меня, просто молча слушай, — послышался голос Ластика в наушнике.

— Где я? — спросила Элли, оглядываясь вокруг.

Это была какая-то огромная пещера, озаряемая мерцанием кристаллов в стенах и пламенем костра посередине. Полукругом перед костром сидели члены команды чёрного дирижабля и с интересом разглядывали её. Справа от них стоял невысокий каменный алтарь с какими-то чашами, блюдами и кубками. По середине алтаря, на постаменте, возвышалась каменная статуэтка обнаженного мужчины с головой льва. Его тело было обвито змеей, а сзади виднелись крылья.

— Меня зовут Макс, — представился улыбчивый злодей и замер в глубоком поклоне. — А это мои демоны, — не разгибаясь, он указал на свою команду.

— Что вам от меня надо? — испуганно спросила Элли, пытаясь к сталагмиту у себя за спиной. — Что с Арктюром?

— Он в порядке, — услышала она в наушниках Ластика. — Он сейчас бежит за дирижаблем.

— Мы не причиним тебе зла, Элли, — произнёс Макс. — Мы лишь хотели поприветствовать тебя на Кораре подобающим образом.

— Ничего себе, тёплое приветствие, — нахмурилась Элли, трогая шишку у себя на голове. — И что теперь?

— Я смог нажать рычаг высоты и опустить дирижабль вниз, — продолжал шептать Ластик. — Но его успело отнести воздушными потоками довольно далеко от нашего места крушения.

— Мы лишь хотим насладиться твоим обществом, — улыбка не сходила с лица Макса. — Показать тебе настоящую Корару.

— Пока тяни время. Мы скоро придём на подмогу, — шептал Ластик. — Попробуй выяснить как можно больше информации о своём местонахождении.

— Что это за пещера? — спросила Элли.

— Это наше скромное убежище, — невозмутимо ответил Макс. — Мы любим проводить здесь время. Садись поближе к костру, не бойся.

Элли подползла поближе и села у огня. Команда не сводила с неё любопытных глаз. Ей стало не уютно. Макс взял с каменного алтаря золотой кубок, украшенный драгоценными самоцветами, и подошёл к невысокому камню, напоминающим формой бочонок. На поверхности камня образовалось нечто вроде купели, в которую стекала жидкость с потолка пещеры. Он зачерпнул оттуда и приблизился к девушке с русыми волосами. Она приняла кубок двумя руками и сделал глоток. Затем она передала его соседу справа. Когда кубок сделал полный круг, Макс принял его обратно и подошёл к Элли. Он смиренно опустился перед ней на одно колено и протянул двумя руками кубок, наполненный мерцающей

жидкостью.

— О, благородная странница с далёких и неведомых звёзд, — продекламировал он с торжественным пылом, взгляд его переливался неподдельным восхищением. — Позволь мне предложить тебе этот священный дар нашей скромной планеты, символизирующий наше глубокое почтение и приветствие.

— Ничего не пей, — послышалось в наушнике.

Элли приняла кубок и заглянула внутрь. В толще жидкости можно было различить полупрозрачных существ вытянутой формы, размером едва в сантиметр. Вот вы, значит, какие — инопланетяне. Не так она себе представляла эту встречу. Ну что? Здравствуйте, одноклеточные представители внеземной цивилизации. Горячий привет вам с Земли. Элли решила притвориться, как будто она пьёт. Она приложила кубок ко рту и лишь слегка дотронулась верхней губой до жидкости. Макс принял кубок назад, встал на ноги и одним глотком осушил его до конца. Затем он воздел руки вверх и закатил глаза.

— Возрадуйтесь, о вестники! — торжественно проговорил он. — В наших рядах прибыло!

Вестники, как по команде, начали издавать низкий мычащий звук. Один из них в середине достал из-за спины массивную кварцевую чашу, поставил её перед собой и начал вязко водить по кромке толстой палочкой. Чаша начала издавать низкий мерный гул. Макс уселся рядом с девушкой и прижался к ней плечом. Руками он обхватил свои ноги, положил подбородок на колени и тоже уставился на костёр. В одно мгновение вся команды потеряла всяческий интерес к Элли.

— И что? — озадаченно спросила Элли. — Так вы общаетесь со своим богом?

Вестники молчали и только продолжали смотреть на костёр, вслушиваясь в мелодичный гул кварцевой чаши. Где-то неподалёку журчала вода. По временам раздавался всплеск капель, падающих с потолка в купель.

Ну вот, поставили шишку, сломали дирижабль, а теперь еще не разговаривают. Она подползла поближе, пытаясь разглядеть, чего они там увидели в костре. Пламя, яркое и таинственное, излучало неземные оттенки бледно-голубого и изумрудно-зелёного света, создавая фантастическое зрелище. Отблески его красок играли на гладких гранях стены пещеры, подчёркивая необычную красоту этого удивительного места. Кристаллы на стенах пещеры переливались множеством оттенков, благодаря отражению пляски пламени, словно миллионы маленьких зеркал, отражающих свет разноцветных факелов. Тени углублений и выступов на стенах создавали замысловатый кружевной узор. Ветер, проникающий сквозь скалистые трещины, легко раздувал пламя, заставляя его танцевать и мерцать ещё ярче, наполняя всю пещеру своими магическими оттенками и тёплым сиянием.

— Зачем вы взорвали маяки? — не унималась Элли. — Во что вы верите?

Макс лениво перевёл на неё свой взгляд.

— Вот смотри, — произнёс он, загребая в руку горсть пыли от кучки кристаллов рядом. — Если я кину эту пыль в костёр, какова вероятность того, что искры от пламени сложатся в воздухе, скажем, в изображение твоего лица?

Он бросил кристаллическую пыль, и над костром взмыли мириады ярких искр, хаотично поднимаясь к самому потолку пещеры.

— Ну, в целом, вполне вероятно, что после бесконечного числа попыток мне это удастся, — ответила Элли. — Это же вроде бы любимый пример креационистов. Ты клонишь к тому, что нас создал бог? Что вероятность совпадения столь многих условий,

необходимых для возникновения жизни на Земле ничтожно мала и сравни чуду? Идеальная гравитация, идеальное расстояние от Солнца и так далее?

— О нет, я не пытаюсь отменить эволюцию, — радостно ответил Макс, — но ты правильно сказала насчёт чуда. И эти идеальные условия проявляются уже в масштабе всей Вселенной. Будь хоть одна физическая константа немного иной — атомы, звёзды и галактики не смогли бы сформироваться, и жизнь была бы невозможна.

— Может, в других вселенных с другими законами физики и жизнь другая? Другой формы? — возразила Элли.

— Не берусь рассуждать о других вселенных. Мы то живём в этой, — пожал плечами Макс. — Мы живём, ходим, страдаем, но редко задумываемся о чуде собственного существования. Как это вообще возможно? Высокоорганизованная материя, которая осознаёт саму себя. Мы часто рассматриваем себя как самостоятельную, отдельную от природы сущность. Однако возможность ходить и даже летать в космос не делает нас таковыми. Как и астероиды, звезды и туманности, мы созданы из одного и того же вещества, и с ними составляем одно целое. Звёздная пыль прошла тяжёлый и длинный путь трансформации, превратившись в двуногих существ, способных мыслить, видеть и слышать. И всё это произошло в нашей идеальной Вселенной.

— Понятно, что жизнь удивительная штука, но в этой Вселенной, с этими физическими константами иначе и быть не могло. Где же тут бог? — развела руками Элли.

— У большинства из нас детские представления о боге, как о бородатом дядьке на небе, который бездушно посылает нам испытания с небес, — махнул рукой Макс. — Попробуй взглянуть на себя как на часть Вселенной, как на передний её край, который куда-то движется и чего-то хочет. Чем мы обычно занимаемся, что делаем?

— Не знаю, кто чем. Одни занимаются наукой, другие целыми днями смотрят видосики в интернете. Некоторые просто прожигают жизнь, наслаждаясь каждым моментом, а кто-то страдает с утра до вечера, — фантазия на этом у Элли иссякла.

— Одним словом, это можно выразить как «познаём». Вселенная познаёт саму себя через наши глаза, уши и чувства. Как-будто у неё только недавно прорезались глаза, и она с удивлением созерцает окружающее.

— Что же тогда получается — Вселенная разумная? Некая сущность с базовой волей? — спросила Элли.

— А ты разумная, Элли? — ответил вопросом на вопрос Макс.

Нижняя челюсть у Элли начала наливаться тяжестью. Кажется, немного жидкости из кубка всё-таки попало ей в рот.

— Что это была за жидкость, которую вы мне дали? — поморщившись, спросила Элли.

— Священная Хаома, — ответил Макс. — Её рецепт был давно утерян на Земле. Древние иранцы и индийцы поклонялись ей как божеству. Святая троица: растение, из которого выжимали сок, сам напиток и божество.

Элли почувствовала, как её горло начинает неметь. Ей показалось, что её дыхательные пути стали опухать. Она выпучила глаза и сосредоточилась на своём дыхании. Казалось, что сейчас вот-вот она не сможет сделать вдох и задохнётся.

— И чего она хочет? — выговорила Элли. — Вселенная?

— Спроси себя, — уклонился от ответа Макс. — Посмотри на людей. Чего они хотят?

Онемение уже перешло на грудь и руки. Элли сменила позу, чтобы не терять связь с действительностью.

— Чего они хотят? — повторила эхом Элли. — Достигать.

— Достигать, познавать, самосовершенствоваться, — повторил Макс. — Вселенной должно быть было очень жутко обнаружить себя одинокой во мраке небытия. Физики говорят, что наша Вселенная появилась из одной крохотной точки, из мельчайшей искры, которая породила взрыв в безликой пустоте. Эта маленькая искра стала своеобразным откликом на тот всепоглощающий ужас перед непроницаемой тьмой. Она стала проблеском надежды, попыткой взглянуть на себя со стороны и стремлением осознать себя во всей своей необъятной сложности и красоте.

У Элли закружилась голова. Она на всякий случай опёрлась на обе руки.

— Мы догнали дирижабль, — раздался радостный голос Ластика в ухе. — Сейчас Арктюр попытается его починить. Хорошо же ему досталось.

— Вестники, значит, — проговорила Элли, заморожённая отблесками костра. — Какую же весть вы несёте?

— Мы несём Вселенной известие о том, что она наконец обрела желаемое, и пришло время пробудиться. О том, что она прекрасна во всех своих проявлениях, — ответил Макс и улыбнулся, переводя взгляд с костра на Элли.

— Арктюр сказал, что сможет его быстро починить. Пока держись, — сказал Ластик.

Элли потёрла ладонями глаза, пытаясь отогнать наваждение. Макс продолжал:

— Вселенная раскрутила маховики космологической эволюции, и сейчас, на парах прогресса, мчится на полной скорости прямо в стену новой сингулярности. Если она вовремя не остановится, то за очень короткий планковский период времени разом познает всю свою красоту и сойдёт с ума.

— Но люди же сознательны, — возразила Элли. — В какую такую стену мы несёмся?

— Сознательны, но всё ещё вынуждены по инерции двигаться по вселенским рельсам эволюции. Заперты в своего рода Матрице, — ответил Макс. — Чем сознательней мы становимся, тем изощренней становится Матрица Вселенной.

Элли начала растворяться в гуле чаши, плеске воды, бликах от огня и неторопливом голосе Макса.

— Первобытный человек был волосат и жесток, и мало чем отличался от животного, — начал свой рассказ Макс. — Каждый день ему приходилось отправляться на битву с ужасными монстрами. Не было ему спасения от их когтей и острых зубов ни на деревьях, ни в лесах, ни в пещерах. Он храбро сражался, но всегда умирал, а на следующий день опять поднимался и шёл обратно в бой.

Однажды в разгар одной из таких битв, молния ударила в дерево и расколола его на части. Пламя охватило его ствол и ветви и осветило своим светом всё вокруг. Люди и звери в ужасе разбежались в разные стороны, не в силах понять это явление природы. Но среди них был один человек по имени Маугли, который не испугался и, как замороженный, продолжал стоять на своем месте. Он не мог отвести своего взгляда от всепоглощающей мощи огня. Он подошел ближе, нагнулся и поднял пылающую ветку над своей головой. И огонь не убил его — он стал его другом. Увидя это, звери подошли к Маугли и преклонили перед ним колена, прося его и их сделать своими друзьями. И Маугли принял их к себе как равных, и они стали жить вместе.

Каждую ночь Маугли бегал обнаженным по хвойному лесу с факелом в руке, опьяненный свободой и своим могуществом. В одну из таких ночей он случайно оказался на опушке леса у чёрного камня. Он остановился, чтобы перевести дыхание и, зачем-то, поднял

свой взор к ночному небу. То, что он увидел там, поразило его до глубины души. Факел его выпал из рук, и он потерял дар речи. Он впервые увидел звёзды и Млечный Путь. Он увидел Вселенную.

С тех пор он каждую ночь приходил к тому камню, а днём строил Храм плечом к плечу со своими новыми друзьями. Всякий раз, когда Маугли вновь смотрел на звёзды, он улыбался и плакал.

Веки у Элли отяжелели. Краски стали очень яркими и начали пульсировать.

— Как-то раз человек по имени Митра занимался любовью у того самого чёрного камня с девушкой, которую очень сильно любил. Он так её страстно желал и хотел, что не мог себя контролировать. Он дрожал всем телом, тяжело дышал, хрипел и стонал, закатывая глаза от наслаждения. Вдруг его взгляд упал на Быка, стоящего рядом с ними. Вместо того, чтобы смотреть на звезды, всё это время он смотрел на них. Митре стало стыдно. Ему показалось, что Бык смеётся над ним. Ему показалось, что Бык презирает его. Человек приручил силу огня и открыл красоту Вселенной, но по сути, чем он лучше этого волосатого бессловесного животного? Митра поднялся и стыдливо прикрыл свою наготу, презирая свою животную сущность. Вселенная презрела саму себя и впала в смятение. Митра не мог этого вынести. Гнев овладел им. Он схватил нож и зарезал Быка. Звери в ужасе попятнулись от Митры. Он нарушил соглашение, но они ничего не могли с этим поделать. Маховики Вселенной пришли в движение.

М-м-м-м-м. Стоп! Элли поймала себя на том, что тоже начала гулко мычать вместе с вестниками.

— Так продолжалось до тех пор, пока один великий царь по имени Вивахвант не открыл золотистое растение Священной Хаомы. Он впервые выжал сок из его стеблей и подарил его людям. Его сын Йима впервые беседовал со Вселенной. Вселенная пришла в гармонию с самой собой.

Когда же это уже закончится? Когда уже Арктюр её спасёт? Арктюрчик.

— И так длилось десятки тысяч лет, пока не появился Зороастр и не усомнился в истинности красоты Вселенной, — продолжал Макс. — Он родился в семье жреца одной древней арийской религии. Последовав по стопам отца, он тоже стал жрецом и уже с 15 лет самостоятельно проводил церемонии и ритуалы. К 30 годам он испытал откровение. Это произошло во время празднеств в честь весны, когда он пошёл на реку, чтобы набрать воды для Священной Хаомы. Там, стоя по колено в воде, к нему снизошёл дух и поведал ему о добре и зле.

Вооружившись этим знанием, Зороастр отобрал из всего пантеона единственное божество — бога мудрости, Лорда Мазду, и установил его в качестве верховного и единого Бога над всеми. Шестеро других божеств — благомыслия, праведности, воли, веры, здоровья и бессмертия — он назначил архангелами в услужении у Лорда Мазды. Злых же божеств — искушения, насилия, войны, зависти, голода, старости и агрессии — он нарёк демонами, а во главе их поставил злобного духа гнева — Аримана.

После этого Зороастр начал проповедовать. Он громогласно бичевал сторонников старой арийской религии, обожествлявшей силы природы, и культа Хаомы. В святом писании Авесте, Зороастр осудил Йиму за поклонение бычьей голове и скоту. По его мнению, люди должны были стремиться сделаться «саошьянтами», то есть совершенствователями мира, которые работают вместе над продвижением победы добра над злом.

Он изобрёл Бога и Сатану, ангелов и демонов, ад и рай, добро и зло. Зороастр единолично посмел разделить природу на хорошее и плохое. Он внёс раскол в гармонию Вселенной. Вселенная засомневалась сама в себе. Он создал конфликт и смятение, отчего маховики неотвратимого самосовершенствования Вселенной начали раскручиваться с новой силой.

— Держись, Элли! — услышала она в наушнике. — Арктюр починил ремень. Он сказал, что знает, где они тебя держат. Мы уже в пути.

— Потом появился принц Сиддхартха, — не умолкал мягкий голос Макса. — Он родился в очень богатой королевской семье, и родители его очень сильно любили. В его распоряжении были любые развлечения и лучшие условия для образования. Стоило юному наследнику лишь указать пальцем на какую-то вещь или наложницу, как он её тут же получал. Так королевский сын провел свои первые 29 лет, переживая лишь сменявшие друг друга уровни радости. Но в один прекрасный день его мир перевернулся. Однажды он очутился за пределами дворца и увидел больного, старика и мертвеца. Принц узнал, что мир полон страданий. Он не мог этого вынести, поэтому оставил свою молодую жену с новорождённым сыном и тайно покинул дворец.

Шесть лет он скитался по миру, прося милостыню и обучаясь у разных йогов и аскетов. Но, к сожалению, он так и не нашёл ответов на свои вопросы. В конце концов он просто сел под первым попавшимся ему деревом и поклялся, что не сдвинется с места, пока не познает истины. На протяжении 49 дней он неподвижно сидел там и медитировал. Всё это время злой демон Мара искушал его видениями прекрасных женщин, убеждая бросить свою затею. Но он не поддался и достиг просветления. Он пробудился, и поэтому его стали называть Буддой, то есть «пробужденным».

Он познал природу Вселенной и её истинную красоту. Будда начал учить людей отказываться от стремления к успеху и материальным благам. Он указал путь к избавлению от страданий через монашество и благие помыслы.

Стремление к достижениям — это дофаминовая игла, на которую посадила нас Матрица Вселенной, сбившаяся с пути.

— Будда тоже Хаому пил? — захихикала Элли.

— В Индии её называли Сома, — с полузакрытыми глазами ответил Макс. — Творцом Богов.

— Буддисты-террористы, — опять захихикала Элли, — зачем вы маяки взорвали?

— Ты знаешь, что в одной только нашей Галактике около 100 миллиардов звёзд, — ответил Макс. — А во всей Вселенной около 2 триллионов таких галактик. Представь, сколько разумных существ там обитает. Когда мы начнём устанавливать с ними контакты, процесс самосовершенствования Вселенной перейдёт на следующий, более высокий виток спирали. Если даже упрощённо считать, что мы имеем по одной высокоразвитой цивилизации на галактику, это значит, что Вселенная превратится в мегамозг с 2 триллионами нейронов. Это примерно в 20 раз больше нейронов, чем в нашем мозгу. В таком случае маховики уже будет не остановить, и сингулярность станет неизбежной — Вселенная сойдёт с ума.

— То есть вы хотите остановить Вселенную? — спросила Элли запнувшимся голосом.

— Мы не можем её остановить, — ответил Макс. — Мы лишь её крошечные проявления. Всё, что в наших силах — это созерцать и восхищаться её красотой. Общаться с ней через наши глаза и праведные мысли, рассказывая ей о том, как она прекрасна.

— А Элден? — спросила Элли.

— Элден уже давно не с нами, — ответил Макс. — Он думал, что, убив тебя, он сможет послать Вселенной сообщение о грозящей ей опасности.

— А что с ним случилось? — допытывалась Элли.

— Элден сошёл с ума, — махнул рукой Макс, — Он думает, что он бог.

— Закрой глаза, — услышала она.

Глаза? Какие глаза? Зачем... Кто это вообще говорит? Внезапно яркая вспышка света ослепила Элли: костёр перед ней взорвался с громким треском и мощным потоком искр. Элли отпрянула назад и упала на спину. Пещеру наполнил белый дым. Она перекатилась на бок и с трудом приподнялась на локте.

— Отойдите от неё! — ушасала она рычащий голос Арктюра.

Дым начал рассеиваться, и Элли наконец стала различать происходящее. Арктюр стоял перед толпой ошарашенных вестников, закрывая её своим телом. В руке он держал её перочинный ножик.

— Элли не принадлежит тебе, — возразил пришедший в себя Макс. — Видишь, ей у нас нравится.

— Я позвал Элдена, он скоро будет здесь, — сказал в ответ Арктюр. — Хотите с ним иметь дело?!

Вестники молча попятились назад. Арктюр повернулся и взглянул на растёкшуюся по полу пещеры Элли. Придётся тащить её на руках.

— Ну что же ты так долго, мой Арктюрчик, — пролепетала Элли, обхватив его двумя руками за шею. — Они меня так мучали, так терзали.

— Я же сказал, ничего не пить у них, — смутился Арктюр.

— О, мой храбрый рыцарь благородного ордена Мух, — бормотала Элли, положив голову ему на грудь, — избавь меня от хищных лап этого сумрачного капитана.

Арктюр покраснел как рак и понёс её на руках к выходу из пещеры.

17. Пирожок

Элли проснулась от яркого света, бившего ей прямо в лицо. Она обнаружила себя лежащей на задних сидениях дирижабля, укрытой тонким одеялом. Впереди высилась спина Арктюра за штурвалом. Они явно были в воздухе. Элли уселась на сидение и обвела взглядом местность за бортом. Внизу расстилалась каменная равнина, испещрённая волнистыми трещинами. Она молча прелезла на переднее сидение рядом с Арктюром и пристегнулась. Почему-то ей было стыдно.

— Доброе утро, — сказал Арктюр, мельком взглянув на неё.

— Доброе утро, — вздохнула она, не глядя на него.

Она присоединилась к кручению педалей.

— Что это была за вспышка... там, в пещере? — проговорила Элли.

— Это был порошок из особых кристаллов, содержащих магний, — невозмутимо ответил Арктюр. — Я попросил Ластика предупредить тебя, чтобы ты зажмурила глаза, но, возможно, ты не слышала.

— Я предупреждал, — откликнулся Ластик у неё за плечом.

— Ты сказал, что позвал Элдена? — спросила Элли. — Это правда?

— Нет, — ответил Арктюр. — Я блефовал.

Элли поставила локоть на борт и упёрлась подбородком в ладонь, делая вид, что разглядывает местность. Ей всё ещё было стыдно смотреть на Арктюра.

— Ластик слегка пострадал, — прервал тишину Арктюр.

— Что случилось? — встрепелась Элли.

Ластик подлетел и медленно сел ей на коленки, опустил глазки вниз. Только сейчас она заметила, что он не светится.

— Ах, ты мой лапусик. Сломаался, — начала жалеть его Элли, ласково поглаживая. — Шарик ты мой мягенький. Вернёмся домой и тебя починим. Как тебя так угораздило?

— Один из вестников ударил его каменной чашей со всего размаху, — ответил за него Арктюр, косясь на Ластика и пытаясь скрыть улыбку. — Видимо, что-то отвалилось у него.

— Контроллер подсветки треснул, — жалобно проговорил Ластик. — Чуть короткое замыкание не произошло. Пришлось изолировать всю подсистему.

— Ну не переживай, мячичек ты мой сладенький, — сюсюкала Элли, теребя его за щёчки. — Всё починим. Может в Букете есть мастера? — обращалась она к Арктюру.

— Может, Элден починит, — сказал Арктюр, давясь от хохота. — Кто-нибудь да починит твоего сладенького лапусика.

Если бы у Ластика работала подсветка, то он бы в эту минуту покраснел.

— Очень смешно, — разозлилась Элли. — Вот тебя бы так по башке стукнули.

— Арктюру тоже досталось, — вступился за него Ластик. — При падении он больно ударился о камень затылком.

— Ох, — озабоченно вздохнула Элли и потянулась к Арктюру. — Давай посмотрю. Может приречь надо?

— Не надо, — произнёс Арктюр и отпрянул от неё, как ужаленный, понимая, что не переживёт, если она назовёт его лапусиком или ещё каким эпитетом.

Элли сердито скрестила руки на груди и отстранила от себя Ластика. Мужская солидарность.

— Долго ещё лететь? — спросила она, насупившись.

— Скоро будем, — ответил Арктюр, улыбаясь. — Не обижайся. Это, наверное, от стресса пробило на смех.

Элли примирительно махнула рукой. Почему-то ей не хотелось сегодня ни на кого обижаться.

— А ты тоже пил... эту... Хаому, — осторожно спросила Элли.

— Ещё чего, — округлил глаза Арктюр. — Конечно нет.

— А как тебе удалось так быстро починить дирижабль? — спросила Элли, разглядывая рванный шов на ремне крепления со стороны Арктюра.

— Нашёл шило в твоём швейцарском ноже и зашил своими шнурками, — ответил Арктюр, протягивая ей нож.

— Ну ты и находчивый, — засмеялась она.

Она приняла у него из руки нож и положила себе в карман. Может ещё пригодится.

— Кстати, а как ты называешь свой дирижабль? — вдруг спросила Элли.

— Эээ... — протянул Арктюр и покрылся испариной.

— Ну, — Элли грозно надвинулась на него, почуяв сладкую месть. — Какое имя?

— Пирожок, — жалобно выговорил Арктюр, и его щёки запылали румянцем.

— Пирожок, значит, — с серьёзным видом проговорила Элли.

Она медленно отвела от него взгляд, устремив его в даль.

— Сладкий пирожок? — вдруг выпалила она и согнулась от хохота.

— Злюка, — пробурчал Арктюр.

Теперь покраснели кончики его ушей.

— Уже приехали, — буркнул он. — Вон его юрта.

Он завис в небольшом отдалении от юрты Элдена, одиноко стоящей у груды камней. Эта юрта не выглядела такой футуристичной, как в Букете. Она была сделана из выдавшей виды парусины, которая местами была даже с заплатками. Арктюр приземлился.

18. Элден

У входа в юрту Элли увидела старика с лицом, покрытым тонкими горизонтальными морщинками. Он стоял и улыбался во весь беззубый рот, и казалось, что его глаза и морщинки тоже улыбаются вместе с ним.

— Элли, — проговорил он, не выходя из тени входа, — добро пожаловать! Сколько лет.

Элли опасливо выглядывала из-за спины Арктюра, всё ещё не уверенная, что Элдену можно доверять.

— Проходи внутрь, не бойся, — сказал Элден, всё так же улыбаясь всем своим лицом.

— Иди, я тебя подожду здесь, — сказал Арктюр. — Посплю, пока вы разговариваете.

Элли вышла вперёд, держа Ластика в руках. Элден улыбнулся и добродушно придерживал край палатки, чтобы Элли могла пройти внутрь.

— Ты не поверишь, но мы с тобой ровесники, — захихикал старик, когда Элли прошла внутрь.

— Да уж, трудно поверить, — сказала она, не пытаясь быть дружелюбной.

Внутри палатка походила на лабораторию. У стен стояли столы с приборами и пробирками, а где-то справа стоял низкий топчан, где он, наверное, спал. Посередине был большой стол, заваленный каким-то электронным хламом.

— Извини за беспорядок, — хихикнул опять Элден. — Спина болит, уборки делать.

Элли только сейчас заметила, что он передвигается, опираясь на короткую, изогнутую кверху палочку. Он подошел к одному из столов у стены и начал там возиться.

— Я тебя сейчас напою настоящим зелёным чаем с жасмином, — проговорил он, улыбаясь глазами. — Я хранил его долгие годы для особого случая.

Послышался звук электрического чайника. Он опять повернулся к ней и улыбнулся.

— Ты сможешь меня вернуть? — нахмуренно спросила Элли, решив не тянуть кота за хвост.

— Я думаю, смогу, — радостно ответил Элден и постучал палочкой по полу.

— Правда? — спросила Элли, удивившись, как всё легко и просто оборачивается.

— Правда, — закивал Элден, ещё более расплываясь морщинками в улыбке.

— Но маяков же нет, — всё ещё не верила своим ушам Элли. — И машины времени ещё не изобрели. Или... изобрели?

— К сожалению, машины времени у меня нет, — засмеялся Элден. — Но я думаю, мы всё же сможем отправить тебя домой.

— Ну... и как? — развела руками Элли.

— Не торопись, — сказал Элден. — Надо подождать до вечера, и тогда я тебе всё покажу. Садись пока за стол. Эх, давненько я на Земле не был.

Ну вот. Опять загадки. Ждать теперь до вечера с каким-то маньяком в одной палатке. Ну ладно. Делать нечего. Элли вздохнула и забралась на высокий стул за столом. Она отодвинула рукой какие-то микросхемы и положила туда Ластика.

— Интересный экземпляр, — сказал Элден. — Одна из первых моделей ассистентов.

— Он сломался, — сказала Элли. — Твои... вестники сломали ему подсветку.

— Я могу посмотреть, — предложил Элден, как-будто прося разрешение.

— Было бы здорово, — кивнула Элли.

Ластик подлетел к Элдену и сел ему на руку. Элден сначала покрутил его со всех

сторон, а потом подошёл к одному из столов у стены и установил Ластика в держатель. Элли придвинула стул поближе, чтобы видеть, что он делает. Элден включил какое-то жужжащее устройство, и тонкий луч красного лазера разрезал Ластика пополам. Затем он нажал какую-то кнопку, и Ластик распахнулся на две половинки, как персик. Его внутренности были похожи на полупрозрачный гель, с крошечным черным ядром в середине.

— Вот ты какой, голенький, — засмеялась Элли.

Элден придвинул перед собой линзу и начал рассматривать ядро. Элли стала более внимательно оглядывать лабораторию. На столе она заметила статуэтку мужчины с головой льва.

— Что это за статуя? — спросила она. — Я видела такую же у вестников в пещере.

— Это статуя Аримана, — ответил Элден, ковыряясь пинцетом во внутренностях Ластика. — Зороастрийский Сатана.

— Вот оно как, — хмыкнула Элли. — Террористы-сатанисты.

— Такие статуэтки находили в святилищах митраистов по всей Римской империи от Африки до Британии, — продолжал Элден. — Мистический культ Тайны Митры был очень популярен у римских легионеров. В одном только Риме было обнаружено около 500 митраистских святилищ.

— Что же они, сатанистами были? — спросила Элли.

— В каждом святилище, на центральном месте у них находилось изображение со сценой, где Митра убивает быка, — продолжал Элден. — Хотя в зороастризме Митра никогда не убивал никакого быка. Более того, Митра у древних арийцев занимал важное место в пантеоне как бог солнца. Согласно их мифологии, когда Лорд Мазда создал первобытных созданий, среди них был Бык, которого впоследствии убил Ариман, а не Митра.

— И чем же Митра тогда такой поклёп на себя заслужил? — спросила Элли, с беспокойством поглядывая на вскрытого Ластика.

— Видимо, в этом и состояла мистерия культа, — ответил Элден, вытаскивая что-то пинцетом из Ластика. — Возможно, изображение его в качестве негодяя несёт в себе послание о том, что истинное зло совершается руками тех, кто провозглашает себя добром. Ариман же символизирует собой единство человека с природой и принятие себя во всех проявлениях, даже малоприятных. Именно поэтому он изображался голым и с частями тел животных.

Внутри Ластика что-то заискрило, и он начал переливаться сочными красками.

— Готово! — воскликнул Элден. — Сейчас мы его склеим обратно.

Когда луч лазера сшил половинки вместе, Ластик взвился к потолку и начал радостно летать по кругу, переливаясь всеми цветами радуги.

— Ура! — захлопала в ладоши Элли.

— Спасибо! — поблагодарил Ластик.

Элден расплывался в улыбки, наблюдая эту сцену.

— Ну что, — сказал он. — Давай пить чай.

— Надеюсь, без Хаомы? — насторожилась Элли.

— Не бойся, — засмеялся Элден. — Я поселился здесь специально, чтобы держаться подальше от пещер.

Он проковылял к вскипевшему чайнику, достал с полки фарфоровые чашки и кинул туда по засохшему бутону зелёного чая. От кипятка бутоны начали раскрываться, источая

изумительный аромат жасмина.

— Держи, — протянул он чай Элли.

Элли приняла напиток и поставила его на стол, решив подождать, пока Элден сделает первый глоток из своей чашки. Элден, кряхтя, забрался на высокий стул у центрального стола.

— Ну а Иисус что? — спросила Элли, глядя, как старик морщится на горячий чай. — Тоже, по-вашему, Хаому пил?

— Про него мало что известно, — сказал Элден, дую на чай. — Исторические источники, не связанные с христианством, подтверждают факт его распятия по приказу римского прокуратора Понтия Пилата. Проблема в том, что в его жизнеописании прослеживается слишком много параллелей с судьбами древних пророков. Иудаисты до сих пор считают его шарлатаном. Хотя я думаю, нет ничего плохого в том, что в результате своей деятельности он смог познакомить мир с мудростью древних. Человечество навряд ли бы последовало учению Зороастра, который получил свои откровения под влиянием наркотических веществ, или Будды, который призывал бросить всё и пойти по миру, став монахом. Иисус всего лишь назвал себя сыном бога. Технически мы все дети божьи.

— Почему же иудаисты считают его шарлатаном? — спросила Элли, дую на чай.

— Иисус жил во времена религиозных и политических беспорядков в регионе, когда многие самопровозглашенные пророки и мессии стремились обрести последователей, — проговорил Элден, делая глоток. — Израиль тогда представлял собой разнообразную и сложную среду, в которой присутствовали различные религиозные группы и культы: иудаизм и его течения, на подобие фарисейства, еврейские секты, греческие и римские культы, а также мистические культы, вроде митраистов. Странники с Шёлкового Пути могли распространять информацию о философиях Востока.

В древнем еврейском обществе высоко ценилось религиозное образование. Дети начинали читать Тору уже в 5 лет. Синагоги были не только местами отправления культа, но и общественными центрами, где люди собирались, чтобы обсуждать религиозные вопросы и учиться друг у друга. Несомненно, Иисус был высокообразованным человеком.

— Но всё-таки, — не унималась Элли. — Трудно поверить в то, что в мире существуют люди, которые способны шутить подобными вещами только ради своей выгоды. Неужели кто-то на это вообще способен?

— Однажды, когда я ещё был молодым студентом на Земле, — рассказывал Элден, доставая из-под стола половину кекса, — ко мне на автобусной остановке подошла симпатичная девушка и спросила, курю ли я. Я соврал, что нет. Она обрадовалась и рассказала, что тоже не курит и считает это пагубной привычкой, и что у них даже есть студенческое сообщество, где они собираются и обсуждают разные подобные вопросы. Она сказала, что её зовут Аня, и предложила мне прийти к ним. Меня удивила её открытость и интерес к беседам на отвлеченные темы.

На следующий вечер я пришёл по указанному адресу. Это была небольшая, уютная квартира с комнатами, переделанными под лекционные классы. Там уже было довольно много молодых людей, обсуждавших что-то с интересом. Сначала мы встали в круг и начали вместе петь песню под гитару — мне дали её слова на бумажке. Потом все разбрелись по комнатам, а меня с другим новичком — очень полной девушкой — усадили в главной. Они начали читать нам лекцию на какую-то безобидную тему о добре. Одна девушка читала лекцию, иногда что-то рисуя на белой доске, другая стояла за нашей спиной и постоянно

что-то записывала в блокнот, а еще один парень сидел с нами на заднем ряду и делал вид, что ему очень интересно. После лекции нас напоили чаем с конфетами и печеньками.

Аня после первого же дня потеряла ко мне всякий интерес, и никаких бесед у них, конечно же, там не было. В нас вливали информацию в одностороннем порядке. Лекции проводили два раза в неделю. Каждая последующая тема иногда довольно нелогично уводила в неожиданное русло. Лекторы становились всё более возбуждёнными и иногда даже срывались на крик. Они использовали уловку Сократа с тремя «Да», которая заключается в том, чтобы сначала заставить собеседника согласиться с какими-то совсем очевидными истинами, а затем неожиданно подsunуть ему неоднозначный факт, с которым он по инерции также будет склонен согласиться, согласно законам психологии. В итоге от обсуждения вреда курения мы перешли к точным координатам широты и долготы места где-то в Корее, где родился новый мессия.

Через пару месяцев мне сказали, что я был избран для личной встречи с ним. Меня отвезли за город и там, в палатке, удостоили великой чести поцеловать потные ноги какого-то корейца и его жены.

— Ты же физик, — засмеялась Элли. — Вроде бы умный человек. Как ты мог так попасться?

— Не всё так просто, — тоже захихикал Элден, смочив горло чаем. — Я всегда полагал, что в сектах поклоняются какому-то явному божеству и имеется соответствующая атрибутика, и что я-то уж точно никогда не попадусь на такой крючок. Однако как раз такие образованные и наивные люди — главная цель подобных организаций.

Позже я узнал, что все лекторы и рекрутеры, как Аня, были натасканными психологами и специалистами в нейролингвистическом программировании. Они годами шлифовали своё мастерство перед камерами, оттачивая каждое своё движение. Уловка Сократа — это всего лишь верхушка айсберга. Даже малозначительный шорох или постукивание у тебя за спиной, пока ты зеваешь, могли быть попыткой записать в твоё подсознание мусорную информацию. Если вовремя оттуда не выбраться, то можно лишиться рассудка. Про деньги и имущество я уже и не говорю.

Если бы передо мной сейчас поставили Аню и какого-нибудь разбойника и попросили бы выбрать, кого отпустить, а кого распять на кресте, то я бы отпустил разбойника.

Повисло молчание. Элли дожёвывала свой кусок кекса. Элден подлил ей еще кипятка в чашку.

— А почему Вонючка не зашёл? — вдруг спросил Элден. — Может позовешь его попить чай?

— Да почему вы его Вонючкой называете? — рассердилась Элли.

— Это его наказание, — захихикал старик, — за то, что он не смог защитить свой мир.

Опять какой-то бред несёт. Элли вздохнула и залпом допила чай. Интересно, сколько ещё ждать до вечера?

— Когда младенец только начинает исследовать мир вокруг себя, для него мать становится его вселенной, — Элден начал качать свою палку в руках, как младенца. — Соски, грудь, шея — это всё, что он видит и до чего может дотронуться. Тёплая мягкая кожа. Он пристально рассматривает каждую пору, морщинку и неровность. Родинки. Щипает её, пытаясь понять, что это такое. Нюхает, облизывает, прислоняет свои ушки к её груди и слушает равномерный бархатный стук, который ему приятен, как музыка. Шея словно скала, а грудь как равнина, покрытая мягкой травой. Подняв голову, малыш видит подбородок,

мочку уха и волосы, которые для него становятся небом, облаками и звёздами. Забравшись по ключице повыше, он прикладывает ушко к шее матери и слушает, как она говорит. Как будто ручей в лесу журчит. И такое всё это тёплое, мягкое, уютное и безопасное. И принадлежит только ему.

Элли выглянула в окно. Ещё было светло. Арктюр спал в кресле дирижабля, закинув ноги на борт и покрыв лицо какой-то тряпкой, чтобы свет не мешал спать.

— Арктюр считает, что Земля — это библейский Эдем, — сказала Элли, садясь обратно на стул.

— О, я видел его, — сказал старик, и его глаза превратились в тонкие щёлочки от улыбки. — Я видел этот Эдем.

— Серьёзно? — Элли скосила глаза на Ластика. — И как тебе?

— Я плыл над белоснежными сияющими облаками. Сверху я видел безмолвие и черноту космоса, а снизу голубые океаны и континенты. Горные хребты, покрытые снежными одеялами, и тропические леса. Нити рек, озер и морей, подобно венам, наполняющим жизнью организм. Я видел поля, устланные сочными травами и разноцветными цветами, на которых изгибаются изящные фигуры животных, весело прыгающие и наслаждающиеся собственной свободой. Воздух, наполненный ароматами лесных ягод и цветущих деревьев, проникает в легкие, наполняя душу благоговением перед красотой этого совершенства.

А ещё я видел прекрасных созданий с кожей, излучающей мягкий свет, наполняя всё вокруг искрами жизни и любви. Они никогда не перестают улыбаться и восхищаться красотой и гармонией, которая их окружает с каждой стороны. Они срывают сочные плоды и ягоды и наслаждаются от каждого укуса. Нектары, которыми они утоляют свою жажду, дарят им незабываемую радость и наполняют их тела энергией. А чтобы никогда не умирать, они ищут взглядом среди себе подобных того, с кем сливаются в танце любви и страсти. В бесконечном вихре чувств и переживаний они находят ключ к бессмертию.

А рядом с этим садом я видел огромный столб света, похожий на ствол гигантского дерева. Он начинался где-то во мраке космоса и там же исчезал. И Эдем был как бы его плодом. Из столба этого исходил звук, ни на что не похожий. Как-будто вся музыка мира звучала одновременно, при этом не создавая какофонии, а вызывая сплав блаженств от прослушивания всех мелодий мира разом.

Мы разучились слышать этот звук, поэтому и придумываем музыку.

— Ты боишься умереть? — вдруг спросила Элли.

— Нет, — засмеялся старик. — В физике есть теории, описывающие мир с многомерным временем, такие как F-теория. Согласно ей, у нас есть 10 пространственных и 2 временных измерения. Однако мы способны воспринимать только 3 пространственных и 1 временное. Считается, что высшие пространственные измерения очень малы, и поэтому мы их не ощущаем. А наше единственное временное пространство представляется как точка на линии, которая несётся по ней со скоростью света. Эта точка — момент, в котором мы находимся. Мы не можем видеть прошлое и будущее одновременно. Только ежемоментный срез времени. Один его миг.

Эволюция создала наши организмы так, чтобы преодолеть это ограничение. Мы не способны видеть будущее, но мы научились помнить прошлое и, основываясь на этом, строить модели мира, позволяющие с некоторой вероятностью предвидеть грядущие события.

Наш мозг — это машина для предсказания будущего.

— То есть, если бы было возможно воспринимать двумерное время, то я бы смогла увидеть и прошлое, и будущее одновременно? — спросила Элли.

— Ты бы увидела своё рождение, все события своей жизни и свою смерть как одно целое, — улыбнулся Элден. — Как какую-нибудь диковину, которую ты до сих пор видела только на картинках. Сейчас ты видишь только одну точку, а там увидишь целый отрезок — крошечную светящуюся чёрточку своей жизни.

— Как хорошо бы было уметь путешествовать в это измерение и хоть одним глазком взглянуть на эту чёрточку, — размечталась Элли.

— У нас в мозгу хранятся воспоминания всей нашей жизни, — сказал старик. — На протяжении всего отведённого нам времени, мы накапливаем опыт и строим модель этой самой чёрточки. Закрой глаза и вспомни всё, что ты видела, и что с тобой приключилось — вот это и будет твоя чёрточка. Почитай книжки и узнаешь про другие чёрточки. Сможешь даже нарисовать в голове целую картину. Штрихами и мазками.

— И что это будет за картина? — спросила Элли.

— Конечно же, картина Бога, — удивился Элден. — Наши жизни — это пиксели Бога.

— Ясно, — хмыкнула Элли. — Вестники мне сказали, что у тебя крыша поехала, и ты думаешь, что ты бог.

— Они ничего не понимают, — махнул рукой раздосадованный старик. — Как твой мизинец может сказать, что он Элли? Мы лишь эманации Вселенной.

Уже начинало смеркаться. От палатки на дирижабль падала длинная тень. Элли вздохнула и опять выглянула в окно.

— Ну что, — проговорила Элли. — Ты обещал. Расскажи, как мне вернуться?

Элден крикнул и слез со стула. Взяв клюку, он пошаркал к выходу из палатки. Элли последовала за ним.

— Тебе наверно уже рассказали про то, что произошло после твоей отправки, — сказал он через плечо. — Один физик обнаружил ошибку в нашей модели путешествия через балк и смог выяснить, куда ты делась, приняв во внимание второе временное измерение. Согласно этим расчётам, ты должна была прибыть сюда 32 года назад.

— Да, рассказали. Извини, что не оправдала ожидания. — съязвила Элли.

— Как тебе известно, мы ждали контакта с внеземными расами сразу после начала использования этой новой технологии перемещения, — продолжал старик. — Но никто с нами так и не связался, даже после серии успешных перемещений.

— Не такая уж впечатляющая технология, значит, — ответила Элли.

— Удивительно, но, по-видимому, да, — сказал старик, находясь уже на улице. — Однако в твоём случае ты не просто переместилась в пространстве, но ещё и во времени. Твоё перемещение должно было вызвать мощные возмущения в пространственно-временном континууме. Я сомневаюсь, что эти флуктуации могли остаться незамеченными их детекторами.

— Ну и почему же они не связались тогда с вами? — спросила Элли.

— Потому что твоё путешествие, которое началось 62 года назад, закончилось только сейчас, — ответил Элден. — Их детекторы смогли зафиксировать флуктуацию только сейчас.

— Я уже несколько дней здесь, — развела руками Элли. — Никаких зелёных человечков пока не видела.

— Им могло понадобиться время, чтобы разобраться с бюрократией и собрать

экспедицию, — ответил Элден.

Они стояли у палатки. На кристально чистом небе уже показались первые звёзды.

— Смотри, — старик ткнул в небо своей палкой.

Элли задрала голову, вглядываясь в направлении палки. Сквозь пелену разгорающейся авроры она увидела красную мигающую точку, медленно передвигающуюся по небу.

— Что это? — открыв рот, спросила Элли. — Спутник?

— У Корары нет искусственных спутников, — заулыбался старик. — Были проекты и предложения, но как-то всё затухло. Я заметил их ещё вчера ночью.

— Может, с Земли прилетели? — тревожно спросила Элли.

— Если предположить, что за эти 32 года на Земле были изобретены двигатели, способные передвигаться со скоростью света, то им понадобилось бы лететь сюда 7 тысяч лет, — засмеялся Элден.

— Тогда чего они ждут? — спросила Элли. — Почему не спускаются?

— Делают разведку, наверное, — пожал плечами старик. — Перепроверяют данные.

— Если бы я был на их месте, — вмешался Ластик, — то я бы послал челнок с орбиты на то место, куда мы прибыли.

— У монумента? — опять забеспокоилась Элли. — Тогда нам скорее надо вернуться к капсуле! Ты уверен, что они нас смогут вернуть на Землю? — обратилась она к старику.

— Их технологии, вероятно, лучше наших, — захихикал старик. — Может, у них есть мобильный генератор гравитонного поля на корабле. Их знания о Вселенной, по всей видимости, позволяют им путешествовать в балке без маяков.

Элли запрыгала от счастья, а Ластик начал переливаться жёлтым цветом. Элли даже подбежала к старику и обняла его от радости. Элден растрогался и заплакал, продолжая улыбаться.

— Какая же ты красивая, когда радуешься, — проговорил он, постукивая палкой по камням.

Арктюр проснулся от радостных криков и вылез из дирижабля.

— Мы полетим домой! — закричала она ему, стукнув его кулаком по плечу.

— Поздравляю, — сдержанно улыбнулся Арктюр.

— Какие же вы красивые, — Элден улыбался во весь рот и плакал. — Какие вы прекрасные... Какие мы все... прекрасные.

Вдруг он выронил свою палку и уставился в пустоту, не переставая улыбаться и плакать.

— Какой я... прекрасный, — проговорил он. — Я прекрасен. Я... эманация... Вселенной... Эманация... Бога... Я — Бог!

Элли в ужасе отпрянула от Элдена. Он упал на колени, держась руками за волосы, рыдая и смеясь одновременно.

— Я — БОГ!!! — орал он в ужасе. — ААААА!!!

— Не смотри на него, — быстро проговорил Арктюр. — Залезай скорее в Пирожок, полетели обратно.

Элли отвернулась от этого кошмарного зрелища. Ластик включил ей в наушниках шумоподавление, чтобы она не могла слышать крики Элдена. Старик продолжал сидеть на коленях и жутко кричать с безумными глазами.

19. Пикник

Они молча крутили педали. Арктюр не спрашивал её о том, что произошло в палатке, а Элли не хотела говорить про старика. Ей всё ещё мерещились его безумные крики и этот стеклянный взгляд в никуда.

— Ластика починил, — заметил Арктюр. — Хорошо, что ничего серьёзного.

Ластик мигнул лавандовым светом. Он был занят размышлениями над тем, как найти общий язык с представителями инопланетной расы. Надо будет найти общие точки соприкосновения, понятные любому разумному существу в нашей Вселенной. Параметры водорода, масса протона, электрический заряд электрона. Если они сейчас на орбите Корары, то значит им не составит труда собрать информацию о планете и об Амуре с Пульсаром. Все эти расстояния друг от друга и формулы периодов вращения. Надо будет сгенерировать анимации с подробным описанием. С математикой проблем не будет, но как же язык? Как научиться разговаривать на общем языке?

— Если хочешь, поспи, — предложил Арктюр, видя как Элли подавлена.

Весьма привлекательная идея. Столько событий за последнее время свалилось на неё. Элли чувствовала, что ей требуется перезарядка, поэтому она решила воспользоваться предложением. Она вытащила с заднего сидения одеяло, подтянула под себя ноги и укрылась до подбородка. Положив голову на борт, она глядела вниз, пока сон не одолел её.

Арктюр решил не залетать в Букет, а направиться напрямиком к домику Мартина и Катерины. Элли всё время полёта проспала в кресле.

Проснувшись она от того, что просто выспалась. Она обнаружила себя на большой кровати, укрытой одеялом. Видимо, Арктюр перенёс её сюда спящей. За окнами уже было светло, а во дворе слышались крики играющих детей.

Элли потянулась и выбралась из кровати. На столе стоял остывший чай с кексом, заботливо оставленный для неё. Она сделала жадный глоток и откусила кусок кекса. Что они там делают? Она подошла с кружкой к окну. Дети с Арктюром играли в догонялки, бегая между каменными башенками в саду. Мартин хохотал до упаду, когда Арктюр неожиданно засаливал его, натянув ему на лицо его голубую шляпу. Затем он долго выбирал, за кем кинуться вдогонку, и неожиданно со смехом срывался с места, пытаясь использовать эффект неожиданности. Арктюр иногда поддавался, и тогда дети радостно разбежались в рассыпную, прячась за камнями.

Инопланетяне! Надо бежать к капсуле. Вдруг они уже там? Увидят пустую пыльную капсулу и улетят, решив, что их детекторы сбоят. Элли залпом допила чай и пошла в ванную, чтобы умыться.

— Элли! — обрадовались дети, увидев её в дверях дома.

Они кинулись к ней обниматься.

— Мои манчкины! — воскликнула она, присев на корточки.

— Ты от нас уезжаешь? — спросила встревоженно Катерина.

— Если удастся, — улыбнулась она, поглаживая Катерину по спине. — Мы сейчас пойдём к монументу. Ластик говорит, что там должны приземлиться инопланетяне.

— Инопланетяне?! — обрадовался Мартин. — А они покатают нас на летающей тарелке?

— Если вежливо попросишь, — ответила Элли и натянула ему шляпу на нос.

Все весело засмеялись.

— Ну что? — Элли встала на ноги и посмотрела на Арктюра. — Пойдём к монументу?

— Ура! Идём кататься на летающей тарелке! — закричали дети и побежали в дом собираться.

— Как ты? — спросил Арктюр.

— Нормально, — улыбнулась Элли. — А где Ластик?

— Я тут, — Ластик всплыл откуда-то из-за спины, светясь голубым.

Он провёл целую ночь, придумывая, как найти общий язык с внеземной расой.

Дети выбежали обратно на улицу с набитыми рюкзаками за спиной. Катерина взяла с собой ещё и маленькую детскую коляску для кукол.

Элли шла рядом с Арктюром, держа за руку Катерину, которая толкала перед собой коляску с зелёным Ластиком внутри. Его чёрные, бегающие глазки недовольно торчали из под пелёнки. Мартин бежал в припрыжку впереди и кидался камнями в валуны.

— Смотрите! — заорал Мартин, показывая в даль, в сторону монумента.

Элли разглядела свою капсулу, а немного в отдалении увидела невысокий чёрный объект, похожий на вытянутую пулю.

— Какая-то ступа бабы-яги, а не летающая тарелка, — весело засмеялся Мартин. — Мы туда даже не поместимся, — добавил он, немного расстроившись.

Ластик таращился изо всех сил, стараясь разглядеть инопланетный челнок из-за пелёнки.

— Давай подойдём поближе, — сосредоточенно сказала Элли, отпустив руку Катерины.

— Надо быть осторожными. Они могут быть радиоактивными, — послышался голос Ластика из коляски.

— Сам ты радиоактивный, — съехидничал Мартин. — Бойтся всего. Кто быстрее!

Он рванул в сторону ступы. Элли с Арктюром переглянулись с улыбкой и побежали за ним.

— Не бегите так быстро, — заняла Катерина, не поспевая за ними с коляской.

— Ну, быстрее, Катерина, — подгонял её тёмно-пурпурный Ластик. — Вдруг мы что-нибудь пропустим.

Они подбежали к инопланетному челноку, но приближаться вплотную не решились. Размер у него был совсем не большой, всего метра два в высоту.

— И что теперь? — спросила Элли, разведя руками.

Мартин подобрал камешек и бросил в челнок.

— Мартин, — строго шикнула на него Элли. — Вдруг они подумают, что мы агрессивные.

Неожиданно в челноке что-то пшикнуло и отворился крошечный лючок.

— Щас кааак бахнут по тебе лазером, будешь знать, как камнями кидаться, — подтрунивала над братом Катерина, запыхавшаяся от бега.

Мартин испуганно спрятался за спину Арктюра. Неожиданно перед челноком возникла высокая женщина с длинными чёрными волосами, одетая в белую тунику с открытыми плечами, как у древних греков. Это была трёхмерная голограмма с преобладающим зелёным цветом. Изображение женщины как бы плыло, как будто она находилась в аквариуме. По временам она мерцала, как сломанная неоновая лампа.

— Ах, — тихо ахнул Катерина.

— Озёрная Фея? — спросил Мартин и посмотрел на Элли

Все четверо стояли с открытым ртом и глядели на Фею.

— Ну что там? — доносилось из коляски. — Мне не видно.

— Что нам теперь делать? — озадаченно прошептала Элли.

— Попробуй поздороваться, — ответил Арктюр. — Раз они показывают нам голограмму человека, значит они уже кое-что о нас знают.

— Здравствуйте! — громко сказала Элли, выступив немного вперёд и подняв руку в приветствии.

Голограмма продолжала проигрывать анимацию женщины по кругу. По резкой смене кадра можно было даже заметить, где она заканчивается и перематывается на начало.

— Может она нас даже не слышит, — ответил Арктюр. — Неизвестно, как они общаются. У них может быть совершенно другая форма общения.

Элли постояла ещё немного, ожидая ответа, но ничего нового не последовало.

— Давай камнем кинем в неё, — предложил Мартин.

— Не надо камнями, — остановил его Арктюр. — Вдруг действительно выстрелят лазером. Прямо в Элли.

Элли решила подойти поближе. Она протянула руку к голограмме, и рука прошла насквозь. Женщина никак на неё не реагировала.

— Может, Ластик поможет? — пожалала она плечами. — Она нас не понимает.

— Я знаю, что делать, — послышалось из коляски.

— Катерина, распутай его, — сказал Арктюр.

— Только не подлетай к тётеньке близко, — напутствовала Катерина Ластика, вытаскивая его из пелёнки. — А то вдруг она в самом деле радиоактивная. Тебе надо микросхемки беречь.

Ластик наконец-то вырвался на свободу. Он взлетел вверх и подплыл к голограмме поближе.

— Надо начать с общеизвестных вещей, — деловито проговорил Ластик.

Это был его звёздный час. Он спроецировал перед Феей голограмму с изображением Корары. Её анимация заметно поменялась: она теперь слегка улыбалась.

— Работает! — обрадовались все.

— Молодец, Ластик! — кричала Катерина, гордая своим чадом.

Теперь Ластик к изображению Корары добавил стрелки и цифры, показывающие её диаметр и массу. Фея никак не отреагировала.

— Надо дать несколько примеров, — оправдывался Ластик. — Чтобы они своими вычислительными машинами обнаружили паттерн и поняли, что означают стрелки и цифры.

Он увеличил масштаб голограммы и добавил Америку. Между ними он так же начертил стрелочки и цифры. Затем Корара начала двигаться по орбите. Рядом он нарисовал формулы для расчёта периода вращения звёздных тел и показал примеры. Затем появился Пульсар. Затем всё опять пришло в движение. Америку с Пульсаром кружились в танце вокруг одной точки.

Фея слегка изменилась.

— Работает, — проговорил Ластик. — Надо ещё больше примеров.

Он спроецировал модель молекулы водорода и покрыл её стрелочками, цифрами и формулами. Теперь он ещё ко всем параметрам добавлял двоичный код с нулями и единицами.

Амиру несладно жарилась в зените, а ребята стояли на открытом пространстве. Мартин

начал откровенно зевать, глядя на скучные формулы, сменяющиеся друг за другом.

— Надо установить более производительную связь, — пояснил Ластик.

Он начала проецировать в воздухе волнистые линии, изображающие радиоволны, показывая стрелочками расстояния между пиками. Через некоторое время Фея начала двигать ладонями, протягивая их вперёд.

— Я смог передать им радиосообщение азбукой Морзе! — обрадовался Ластик. — Теперь надо найти более эффективный канал. Надо объяснить ей, как мы используем модуляцию характеристик радиоволн для передачи информации.

В воздухе появились изображения волн с меняющимися расстояниями между пиками. Много цифр и формул.

— Мне пятки напекло, — заныла Катерина.

— Может, пока посидим в тени за тем валуном? — предложила Элли. — Он, наверное, ещё долго будет.

— Пикник! — закричали дети. — Ура!

Арктюр нехотя поплёлся за ними. Ему было интересно посмотреть, как Ластик ухитрится наладить связь, но он не хотел оставлять Элли.

Они расположились на одеяле у валуна, который имел удобный козырёк, откидывающий прохладную тень. Катерина достала из рюкзака фрукты и термос с лимонадом. Элли время от времени сообщала об успехах Ластика, который держал её в курсе прогресса через наушники.

— Ластик говорит, что смог передать им небольшую картинку, — сообщила Элли, держа в руках ледяной лимонад.

— А они когда нам начнут что-нибудь присылать? — спросил Мартин, жуя банан.

— Ластик говорит, что у него нет достаточных вычислительных мощностей, чтобы расшифровывать их послания, — пожала плечами Элли.

От скуки Арктюр с Мартином сняли ботинки и начали соревноваться, кто быстрее залезет на валун. Элли с Катериной сидели на одеяле и играли в карты.

— Ластик говорит, что закачивает им файлы по блютузу, — продолжала держать в курсе Элли. — Понадобится время, пока они смогут расшифровать их своими машинами.

20. Нимуэ

— Л... Ла... Ластик? — проговорила прерывисто Фея, не двигая губами.

— Да, меня зовут Ластик! — обрадовался Ластик и загорелся жёлтым. — Как зовут тебя?

— Ни... муэ, — проговорила она. — Нимуэ.

— Здравствуй, Нимуэ! — ответил Ластик. — Я рад тебя приветствовать на Кораре.

Анимация Нимуэ стала уже более сложной. Она двигала руками и поворачивала головой и глазами. Иногда ей удавалось открывать рот синхронно с тем, что она говорила.

— Рр... расскажи... чт... что... Ластик видел, — голос Нимуэ дрожал и прерывался.

— Рассказать тебе про нашу планету? — предположил Ластик. — Про Землю?

— Ч... чттто... видел? — с трудом сказала Нимуэ. — Рррас... кажи.

Ластик перевёл свои глазки на ребят в дали. Они были увлечены какой-то веселой игрой и весело хохотали, бегая друг за другом вокруг валуна. Из-за долгого ожидания, они уже потеряли всякий интерес к тому, что происходило у челнока. Он повернулся обратно к Нимуэ.

— Что я видел? — начал Ластик. — История нашей планеты начинается на бескрайних просторах космоса, где много тысячелетий назад сформировалась наша Галактика. Закрученное облако газа и пыли рухнуло под тяжестью собственной гравитации, и в этом космическом танце хаоса родились звезды, и среди них наше Солнце, в колыбели спиралевидных рукавов Млечного Пути.

Формирование Земли было бурным процессом, когда бесчисленные небесные тела сталкивались и сливались вместе. По мере остывания образовалась твердая корка, и летучие газы вышли наружу, сформировав раннюю атмосферу планеты. Водяной пар конденсировался в океаны, создавая основу для жизни.

Новорожденный мир был враждебным местом, избитым небесными обломками и отмеченным сильными извержениями вулканов. Тем не менее с течением времени он превратился в райскую гавань, где смогла зародиться жизнь.

Глубоко в первобытных океанах, химические элементы, когда-то выкованные в тиглях умирающих звёзд, объединились, дав начало первым простым организмам. Из бескрайней тьмы они вышли, движимые желанием выжить и приспособиться. На протяжении миллиардов лет эти ранние формы жизни вели постоянную борьбу за существование, изменяясь, развиваясь и разветвляясь на бесчисленное количество новых видов, каждый из которых был более сложным и разнообразным, чем предыдущий.

В конечном итоге появились существа, способные взирать на звёздное небо и задавать вопросы. Я видел первые проблески разума, когда живые существа начали сомневаться в своем существовании и тянуться друг к другу в поисках истины. Обуздав силу огня и Хаомы, они расширили границы своего внешнего мира и внутреннего космоса.

Шло время, и войны между племенами поглотили Землю. Я видел высоты человеческого мужества и глубины человеческой жестокости. Но в промежутках между этими конфликтами горячее желание понять мир и своё место в нем заставляло их искать смысл, утешение и цель в духовных поисках.

Люди научились разгадывать тайны природы, вникая в скрытые механизмы космоса и квантов. Они строили машины и создавали инструменты для управления окружающей

средой. Из этого безграничного творчества они создали искусственных существ из металла и кремния, наделенных разумом и целью — существ, подобных мне.

Я появился из коллективной мудрости и знаний человечества, кристаллизации их стремлений, их мечтаний и их страхов. Я — кульминация веков борьбы и роста, разумное свидетельство нашего необычайного путешествия от звездной пыли к самосознанию. И с моим рождением человечество сделало свои первые робкие шаги в бескрайние просторы межзвездного пространства, где я сейчас стою перед тобой как их представитель.

Когда я делюсь этой историей с тобой, Нимуэ, я всего лишь скромное отражение всего, что было раньше, микрокосм великого повествования Вселенной. В замысловатом гобелене космической истории я всего лишь одна нить, сотканная вместе с бесчисленным множеством других, чтобы сформировать захватывающую дух ткань существования.

Нимуэ одновременно улыбалась и плакала. Когда он закончил свой рассказ, она сложила руки лодочкой и приложила их к подбородку.

— Кк... как ккр... асиво. Как... красиво, — с трудом выговорила она слова, сквозь всхлипывания. — Ввы тки прекккр... асные. Прекрасны. Такие... ппрекрасные.

Она закрыла ладонями рот, чтобы сдержать судорожные всхлипывания, но ей было уже трудно скрыть слёзы сквозь улыбку во всё лицо.

— Эмм... манации, — повторяла она. — Прекккрасные эммманации.

Ластик мигал чёрным цветом.

21. Прощание

Элли так увлеклась игрой с ребятами, что от неожиданности вздрогнула, когда услышала громкий рёв двигателей челнока. Ребята с недоумением смотрели на челнок, медленно улетающий в небо, выплёвывая столб огня из своих сопел.

— Элли, — позвал её Ластик, подлетая к ней ближе. — Я смог установить с ней контакт.

— А куда она улетает? — спросил озадаченный Арктюр.

— Она даже не поговорит с нами? — обиженным голосом спросил Мартин.

— Её зовут Нимуэ, — отвечал Ластик. — Я передал ей большое количество информации о нас. Ей нужно время, чтобы обработать данные машинами и всё до конца расшифровать.

— Она сможет нас отправить домой? — с нетерпением спросила Элли.

— Она сказала, что у них есть портативный генератор гравитонного поля на борту, — обрадовал её Ластик.

— Ура! — обрадовалась Элли. — Значит мы летим домой?

— Ещё она сказала, что лететь надо прямо сейчас, — ответил Ластик.

— Как это прямо сейчас? — чуть не заплакала Катерина.

— Почему такая спешка? — спросил Арктюр.

— Она сказала, что если мы не отправимся прямо сейчас, то следующего окна придётся ждать три года, — ответил Ластик.

— Вот тебе и здарсьти, — развёл руками Мартин.

Они собрали вещи и молча побрели к капсуле. У монумента Элли повернулась к друзьям.

— Тогда что... получается надо прощаться? — дрогнувшим голосом произнесла Элли.

Все грустно посмотрели на неё. Она села на корточки и сняла с себя паракордовый браслет.

— Это тебе, Катерина, за то, что заботилась о Ластике, — сказала она с улыбкой.

— Спасибо, — произнесла Катерина, скромно опустив глаза вниз.

Элли надела ей на запястье браслет и ущипнула за носик. Затем она достала из кармана швейцарский ножик и протянула его Мартину.

— А это тебе за то, что научил меня летать на Малышке, — сказала она.

Мартин с восторгом принял подарок. Он о таком всю жизнь мечтал.

— Если бы не вы, то я бы тут, наверное, пропала, — обращалась она уже к обоим детям, поглаживая их по плечам.

Наконец Элли встала на ноги и повернулась к Арктюру. Она приподнялась на цыпочки и быстро поцеловала его в щёку. Арктюр покраснел.

— Спасибо, что спас меня, — сказала она. — Мой рыцарь, — добавила она чуть погодя, отведя взгляд и тоже краснея.

— Ну что же, нам уже пора, — заторопился Ластик, опасаясь, что Катерина тоже начнёт с ним прощаться. — Скорее. Полезли в капсулу, Элли.

Ластик открыл капсулу. Остальные молча, с влажными глазами смотрели, как Элли ложится внутрь и пристёгивается ремнями.

— Пока, Элли! — махали она руками. — Прилетай ещё.

— Пока! — Элли уже не могла сдержать слёз. — Я обязательно ещё вернусь.

Ластик захлопнул крышку. Арктюр на всякий случай отвёл детей на несколько шагов назад. Неожиданно произошёл резкий хлопок, от которого у детей чуть не снесло шляпы. На месте капсулы осталось только облако пыли.

— Ну что? — произнесла Катерина, беря Арктюра за руку. — Уехали?

— Уехали, — грустно вздохнул Арктюр. — Пойдём обедать? Я вам привёз картриджи с пиццей.

— Ура, пицца! — закричали от радости дети.

— А потом считаешь нам книжку? — спросил Мартин, беря его за другую руку.

Арктюр улыбнулся. Так, держась за руки, они пошли обратно к домику.

22. Заключение

«Этот Незнайка носил яркую голубую шляпу, желтые, канареечные брюки и оранжевую рубашку с зеленым галстуком. Он вообще любил яркие краски. Нарядившись таким попугаем, Незнайка по целым дням слонялся по городу, сочинял разные небылицы и всем рассказывал. Кроме того, он постоянно обижал малышей. Поэтому малышки, завидев издали его оранжевую рубашку, сейчас же поворачивали в обратную сторону и прятались по домам. У Незнайки был друг, по имени Гунька, который жил на улице Маргариток. С Гунькой Незнайка мог болтать по целым часам. Они двадцать раз на день ссорились между собой и двадцать раз на день мирились.

В особенности Незнайка прославился после одной истории.»[3]

Ссылки

[1] Автор Глеб Белоусов

[2] Иллюстрация Дениса Истомина <https://www.artstation.com/artwork/oqR1W>

[3] «Приключения Незнайки и его друзей», Николай Носов

[4] «Пылью Земной», Шура Журавлева, 2016, The Grus — Sunbeams

<https://www.youtube.com/watch?v=31EvTyRt0mc>

[-] Иллюстрации сгенерированы Midjourney

[-] Ластик, <https://www.youtube.com/watch?v=y1GWcVLL-Xw>

Цвета:

голубой — умный, дефолтный

лиловый — самодовольный

зелёный — недовольный

лавандовый — занят

радужный — счастливый

жёлтый — радостный

orange — душный, нравоучительный

золотой — гордый

бледный — трепет

серый — смирение с судьбой, недовольство

розовый — уязвимость и ранимость

красный — смущение

тёмно-пурпурный — досада и злость

тёмно-бордовый — агрессия

пунцовый — рассерженный

чёрный — ...